

КАШМИРЪ И КАШГАРЪ.

ДНЕВНИКЪ АНГЛІЙСКАГО ПОСОЛЬСТВА

ВЪ

КАШГАРЪ ВЪ 1873—1874 Г.

ФЕЛЛЮ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»,
Б. Подъячская, № 39.

1877.

Дозволено цензуров. С.-Петербургъ, 20 января 1877 г.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	СТРАН.
Предисловіе	1
Введеніе	12

ГЛАВА I.

Приготовленія къ дорогѣ.—Остановка въ Мури.—Отъѣздъ.—Нара или веревочный мостъ.—Способъ переправы.—Лагерныя приключенія.—Ихула или подвижной мостъ.—Ихеламская долина.—Развалины древнихъ храмовъ.—Мостъ Каддалъ	35
--	----

ГЛАВА II.

Посѣщеніе Дивана-Бадри-Натъ.—Видъ съ рѣки на Сриннагаръ.—Характеръ архитектуры.—Сцены на берегахъ рѣки.—Плавающие сады въ Даллѣ.—Смерть Джинго.—Визитъ магараджѣ.—Ширъ въ Ралбиръ Багъ.—Кашмирская бадерка.—Смотръ кашмирскому гарнизону.—Замедленіе отъѣзда изъ Сриннагара.—Исторія одного пилигрима.	53
--	----

ГЛАВА III.

Посѣщеніе шелковой прядильни.—Визитъ магараджи.—Путь изъ Сриннагара.—Долина Синда.—Горная мѣстность въ Сопа Маръ.—Перевалъ изъ Кашмира въ Тибетъ.—Переходъ чрезъ Зойильскій перевалъ.—Зимняя стоянка въ Кашмирѣ.—Перехѣна климата и мѣстности.—Бготскій кули.—Брошенные золотые прински.—Поло въ Каргилѣ.—Одежда бготскаго крестьянина.—Буддистскія религіозныя зданія.—Покинутая деревня.	71
--	----

ГЛАВА IV.

СТРАН.

Ламы въ Ламмаюру.—Жизнь въ Ламмаюру.—Буддизмъ и многомужіе.— Пріемъ бготскихъ поселенъ.—Лавина камней.—Воронъ и скалистый стрижъ.—Стадо газелей.—Бготскій нарядъ.—Прібытіе въ Лехъ.— Теплая одежда.—День въ Хемисъ-Гомна.—Внутренность буддистскаго храма.—Унадокъ буддизма.—Моголы въ Тибетъ.—Охота на дикихъ барановъ.	94
---	----

ГЛАВА V.

Подъемъ на Кардонгскій переваль.—Снѣгъ.—Долина Нубры.—Горячіе ключи въ Панамикъ.—Караваль-Даванъ.—Удачный выстрѣлъ.—Сазер- скіе ледники.—Г . . . никъ леа.—Кумданскіе ледники.—Дѣйствіе раз- рѣженнаго воздуха.—Лагерь въ Даулатъ-Бегъ-Ульди.—Дѣйствіе дама.—Исторія Сандъ-Хача.—Его бѣгство въ Кабуль.—Дѣлскъ Кашгара.—Каракорумскій переваль.—Канджудскіе разбойники.— Замерзшій бекасъ.—Встрѣча съ яреандскими союзниками	116
--	-----

ГЛАВА VI.

Посѣщеніе раки.—Отъѣздъ изъ Шахидулла.—Путь внизъ по Каракаш- ской долинѣ.—Рака Абабакара.—Приближеніе къ проходу Санджу.— Внезапная вьюга.—Паденіе лавины.—Прібытіе въ Санджу	145
--	-----

ГЛАВА VII.

Пріемъ и дастарханъ.—Характеръ страны.—Миръ Санджу.—Письмо Аталыка.—Характеръ деревенской жизни.—Помѣщеніе въ Карга- лыкъ.—Зобъ.—Военный салютъ.—Входъ въ Яреандъ.—Пріемъ въ городъ.—Визитъ къ дядьваху.—Пріемъ посланника.—Турецкія бани.—Авганы въ Кашгарѣ.	163
---	-----

ГЛАВА VIII.

Исторія города Яреанда.—Политическія партіи въ странѣ.—Времена китайскаго владычества.—Дунганское возстаніе.—Внутренность го- рода.—Разноплеменность его жителей.—Внутренность ресторана.— Торговый и будничныи день.—Прогулка по лавкамъ.—Колебельная жизнь татарскихъ дѣтей.—Русскія покрывки и англійское содер- жимое.—Лавка съ желѣзнымъ товаромъ.—Городскія учрежденія.— Остатки китайскаго владычества.—Андижанскій караваль-сарай.— Городской магистратъ.—Унадокъ процвѣтанія.	187
---	-----

ГЛАВА IX.

СТРАН.

Отъездъ изъ Яркандъ.—Тѣлохранители Аталыка Газы.—Прибытіе въ Янги Гиссаръ.—Приближеніе къ Камгару.—Пріемъ сдѣланный Аталыкомъ Газы.—Придворныя церемоніи.—Черты лица Аталыка.—Его характеръ.—Наше пребываніе въ Камгарѣ.—Оцѣнка телеграфа.—Развалины древняго Камгара.—Постройки нынѣшняго города.—Его смѣшанное населеніе.—Обученіе китайскихъ войскъ.—Судьба китайскихъ гарнизоновъ.—Обращеніе китайцевъ въ исламъ.—Одежда андижанскаго солдата 215

ГЛАВА X.

Рака Хазратъ Афака.—Возрожденіе ислама.—Дѣйствіе чудесъ.—Обѣдъ съ Хаджи Тора.—Поѣздка въ резиденцію.—Рака Маріи.—Легенда о пей.—Пріемъ въ Артокѣ.—Исторія Сатокъ Багъра Хава.—Обращеніе въ исламъ.—Смерть Сатокъ.—Охота съ орломъ.—Охота на дикаго кабана.—По окраинамъ Тянь-Шаня.—Лагерь между киргизами.—*Башъ Сугуки*.—*Исламъ и китайское владычество* 238

ГЛАВА XI.

Визитъ къ наслѣднику.—Кроткій характеръ туземцевъ.—Отъездъ изъ Камгара.—Внезапная перемена погоды.—Монастырь въ пустынѣ.—Пески пустыни.—Города, засыпанные пескомъ.—Рака Ордама падишаха.—Исторія Али Арслана хана.—Его смерть и погребеніе.—*Внезапная перемена времени года*.—*Польза нашего пребыванія въ Камгарѣ*.—Бурильщики опиума.—Опытъ пенджабскаго купца.—Будущность торговли 265

ГЛАВА XII.

Отъездъ изъ Яркандъ.—Какіарская дорога.—«Бѣлая мечеть».—Дорога вверхъ по рѣкѣ Тизнафъ.—Горцы пакгу.—Періодическія наводненія.—*Проходъ Янги-Даванъ*.—Горы переходятъ въ равнины.—*Видъ съ «крыши міра»*.—Трудная часть пути.—Возвратъ къ цивилизаціи.—Пріемъ въ Лехѣ.—Размысленія и сравненія.—Похороны доктора Столпчки 287

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Страна, лежащая непосредственно за сѣверной границей нашей Индѣйской имперіи и называющаяся вообще Китайскимъ Туркестаномъ, стала, въ послѣднюю четверть столѣтія, по временамъ обращать на себя вниманіе Европы, вслѣдствіе постоянного расширенія тамъ русскихъ владѣній. Вниманіе это, начинавшее ослабѣвать, получило новый толчокъ отъ событій и результатовъ замѣчательнаго переворота 1862 — 63 годовъ, которые отдѣлили эту страну отъ остальной Китайской имперіи и, въ слѣдующихъ годахъ, дали возможность счастливому искателю приключеній сосѣдняго ханства одержать побѣду надъ южною частью Китая.

Въ нашихъ глазахъ эта страна приобрѣла особенный интересъ, какъ по сношеніямъ и вслѣдствіе попытокъ развить торговлю по этому направленію между нашей Индеей и между правителемъ этого новоорганизованнаго государства Центральной Азіи, такъ и по особеннымъ отношеніямъ къ ея русскому сосѣду. Естественно, возбуждается вопросъ: что это за новое государство Кашгаръ? и кто таковой основатель его Аталыкъ Газы?

Въ этой книгѣ я не намѣренъ касаться политики Центральной Азіи и разбирать причины, которыя постепенно привели къ учрежденію новаго магометанскаго государства на развалинахъ китайскаго правленія въ этой части Азіатскаго материка; точно также, я не хочу вдаваться въ мотивы возрожденія упавшаго исламизма въ этомъ крайнемъ предѣлѣ мусульманской части Центральной Азіи. Я не разбираю на этихъ страницахъ достоинства той или другой политики и не сравниваю одну политику съ другою, изъ уваженія къ отношеніямъ, въ которыя мы невольно вовлечены сосѣдствомъ съ различными государствами Средней Азіи.

Этотъ предметъ интересенъ самъ по себѣ, но онъ слишкомъ серьезнаго характера, чтобы поверхностно коснуться его въ популярномъ разказѣ путешествія. Для общаго свѣдѣнія читателямъ совершенно достаточно будетъ представить здѣсь просто краткій обзоръ нѣкоторыхъ главныхъ событій, вслѣдствіе которыхъ мы были вовлечены въ дружескія сношенія съ счастливымъ узурпаторомъ, котораго судьба извлекла изъ мрака его враждующей и распадающейся семьи, и заставила фигурировать въ сѣяніи побѣдителя. Слава его пронеслась по свѣту скорѣе въ силу счастливаго стеченія обстоятельствъ, чѣмъ въ силу его личныхъ заслугъ.

Великое магометанское движеніе послѣднихъ шестнадцати или восемнадцати лѣтъ нарушило миръ Китайской имперіи до такой степени, что серьезно грозило ея старому режиму. О немъ отъ времени до времени доносились вѣсти до западнаго міра, обозначая его то Тайцзинскимъ возстаніемъ (считавшимся нѣкоторыми христіанскимъ движеніемъ), то Пантейской инсурекціей, то Дунгайской революціей, смотря потому, какой народъ производилъ его въ различныхъ частяхъ имперіи. И хотя движеніе по результатамъ было различно въ разныхъ провинціяхъ, но оно было одинаковаго характера по постояннымъ усиліямъ инсургентовъ испровергнуть существующее правительство и самимъ добиться верховнаго управленія дѣлами, или, говоря другими словами, замѣнить на китайской почвѣ государственную религію Будды величіемъ Ислама—доктриною Магомеда.

Здѣсь намъ надо только вкратцѣ очертить успѣхъ и послѣдствія этого сильно распространившагося движенія въ крайней западной пограничной провинціи имперіи,—провинціи, извѣстной европейцамъ подъ названіемъ Восточнаго или Китайскаго Туркестана—или описать происхожденіе нашего сближенія и отношеній съ теперешнимъ правителемъ части страны, находящейся въ территоріи Кашгара.

Китайскій Туркестанъ, находящійся подъ императорскимъ управленіемъ, заключаетъ въ себѣ двѣ главныя части: Джуугарію или Муголистанъ и Кашгаръ или Восточный Туркестанъ на сѣверѣ, а на югѣ пересѣкающій хребетъ Тянь-Шанъ или «Небесныхъ горъ». Онъ составлялъ Илійскую губернію, управляемую вице-королемъ, жившимъ въ столицѣ по имени Гхулджа или Кульджа.

Сѣверную часть китайцы называли Тянь-Шанъ-Пе-Лу, или «Сѣ-

верная дорога Небесныхъ горъ», а южная часть точно также была названа Тянь-Шань-Нань-Лу, или «Южная дорога Небесныхъ горъ».

Сѣверная часть почти вся отошла отъ Китая къ Россіи, и прежняя вице-королевская столица Илы — теперь городъ, занятый русскимъ гарнизономъ, соединенный телеграфомъ съ С.-Петербургомъ; главная часть Джунгаріи составляетъ теперь крупную часть русскихъ владѣній въ Азіи, граница которыхъ идетъ въ эту сторону какъ разъ вмѣстѣ съ границей Кашгара, и въ сущности, непосредственно сообщается съ егѳ народами черезъ кочующихъ по обѣ стороны киргизовъ, по большей части русскихъ подданныхъ.

Въ другой же части, которою мы здѣсь исключительно займемся, событія приняли нѣсколько инос теченіе.

Когда въ 1862 году броженіе исламскаго возстанія распространилось изъ центральныхъ мѣстъ Китая въ провинціи западныхъ окраинъ, прежде всего оно вспыхнуло въ Канзу, гдѣ возстали Го-чаускіе или Соларскіе дунганы, и гдѣ революція ознаменовалась общей рѣзней и избіеніемъ буддистскаго населенія.

Изъ этого главнаго мѣстопробыванія дунганъ, центра мятежа, возстаніе успѣшно двинулось и весьма быстро охватило округа восточныхъ провинцій, гдѣ гарнизоны императорскихъ войскъ по большей части состояли изъ дунганъ — ихъ собратій и единовѣрцевъ. Они были китайскими мусульманами секты Шафи, и въ послѣднее полустолѣтіе доказали честность свою пекинскому правительству стойкою преданностью и вѣрною службой во время четырехъ послѣдовательныхъ мусульманскихъ нашествій изъ Кокана, вслѣдствіе чего пользовались полнѣйшимъ довѣріемъ со стороны своихъ соотечественниковъ-буддистовъ.

Эти набѣги изъ Кокана руководились членами изгнанной фамиліи Кхойя — потомками Кхойя Афака, который, два столѣтія тому назадъ, отнялъ управленіе страной отъ законнаго Мугхаль-хана изъ Чагатайской линіи — и ничего не имѣли общаго съ возстаніемъ дунганъ, начавшимся самостоятельно съ противоположнаго направленія. Дунгане, пропитанные духомъ недовольства противъ Пекинскаго правительства — управленіемъ Манчу — такъ жестоко поступавшаго съ ихъ собратіями въ главныхъ восточныхъ пунктахъ, гдѣ сосредоточивались ихъ силы, — быстро послѣдовали примѣру своихъ братьевъ, и всюду въ одно время возстали противъ императорскаго правительства, и всюду произвели рѣзню и грабежъ.

Менѣ чѣмъ въ два года, вездѣ въ Китайскомъ Туркестанѣ, они ниспровергли императорское правительство и повергли страну въ бездну разворенія, кровопролитія и невыразимыхъ бѣдствій, отдавъ её въ добычу для удовлетворенія толпы недовольныхъ, принимавшихъ участіе въ грабежѣ.

При первомъ же взрывѣ бури, китайцы или «буддистскія битайскія войска», составлявшія частью гарнизоны въ восточныхъ городахъ Аксу и Учъ Турфанѣ, пали жертвами ярости бунтовщиковъ, и всѣ были вырѣзаны вмѣстѣ со своими единовѣрцами купцами и жителями. Въ западныхъ же городахъ, начиная отъ Хотана до Кашгара, включая и постъ Маральбаши, китайцы заперлись въ своихъ крѣпостяхъ и держались противъ бунтовщиковъ и другихъ враговъ болѣе или менѣе продолжительное время, пока наконецъ понуждаемые неослабѣваемой осадой, и лишеныя послѣдней надежды получить изъ дому помощь, они взорвали свои крѣпости и погибли подъ развалинами взрыва.

Дунгане низвергнувъ установленное правительство, сотни лѣтъ управлявшее странюю, и которое, не смотря на повторявшіяся возмущенія, производимыя въ западныхъ городахъ Кобанской фамиліей Кхоія, возвело её до такой степени процвѣтанія и богатства, какой она не знала со времени упадка Чагатайскаго правленія въ четырнадцатомъ столѣтіи, теперь оставили страну безъ предводителя, безъ опредѣленнаго плана дѣйствій, и безъ опредѣленнаго цѣли для достиженія.

Въ подобномъ положеніи начальники ихъ всѣ между собою перессорились, и какъ люди всегда занимавшіе до сихъ поръ подначальное положеніе, и не одаренные административными и организаторскими способностями, они очень скоро должны были уступить мѣсто людямъ болѣе способнымъ.

Самымъ первымъ изъ этихъ послѣднихъ былъ начальникъ многочисленной фамиліи магометанскаго духовенства, занимавшей нѣсколько столѣтій въ Кучѣ положеніе наслѣдственныхъ попечителей священной раки въ предмѣстьяхъ города, поставленной для потомства въ память какого-то прежняго мученика за вѣру и причисленнаго къ лигу святыхъ за услуги его по распространенію ислама.

Это семейство по религіозному характеру своего призванія, занимало вліятельное положеніе вслѣдствіе уваженія оказывасмаго ему

обществомъ и приобрѣло значительное вліяніе надъ духомъ народа при посредствѣ своихъ церковныхъ обязанностей. И хотя оно вполне было обеспечено относительно повседневныхъ нуждъ крупными доходами съ свободныхъ земель, но все таки не пренебрегало случаями, представлявшимися вслѣдствіе обстоятельствъ ихъ положенія, и увеличивало свои свѣтскія владѣнія *ragi passu* съ духовною властью. Во время революціи, оно по богатству и вліянію, стояло во главѣ китайскихъ подданныхъ, живущихъ въ Кучѣ, независимо отъ положенія, которое они занимали въ обществѣ какъ Кхойи. Слово Кхойя, надо замѣтить, значитъ «дворянинъ», и дается въ видѣ титула богатымъ купцамъ и духовнымъ лицамъ извѣстнаго, признаннаго положенія, въ родѣ того какъ англичане говорятъ «эсквайръ» и «преподобіе».

Глава этой фамиліи въ Кучѣ былъ нѣкто Рашуддинъ или Рашидуддинъ. Онъ принялъ на себя управленіе дѣлами тотчасъ же послѣ ниспроверженія китайской власти и, назначивъ членовъ своего семейства въ различныя мѣста губерній, лишенныхъ своихъ начальниковъ, весьма быстро собралъ дунганъ—разсѣянное стадо барановъ безъ пастуха—какъ своихъ лучшихъ помощниковъ при учрежденіи независимаго королевства, подъ его верховнымъ управленіемъ какъ короля.

Ниспроверженіе китайскаго управленія совершилось такъ быстро, и народъ былъ такъ индеферентенъ къ ихъ наслѣдникамъ въ управленіи, что Рашуддинъ въ теченіи нѣсколькихъ короткихъ мѣсяцевъ и безъ всякаго серьезнаго сопротивленія, былъ признанъ королемъ, и какъ король получалъ *закатъ* или *ушаръ* со всей страны между Яркандомъ и Турфаномъ, изъ разсѣянныхъ округовъ, управляемыхъ его сыновьями, племянниками и другими родственниками, хотя по всюду управляемыхъ съ тѣмъ согласіемъ въ дѣйствіяхъ и сдѣланіемъ, какое необходимо для успѣшной администраціи.

Въ то время какъ на сѣверѣ Рашуддинъ утверждалъ власть свою въ мѣстностяхъ, признавшихъ его господство, область Хотанъ на на югѣ и Кашгаръ на западѣ уже перешли во власть двухъ другихъ искателей приключеній, которыхъ временныя и мѣстные обстоятельства вывели впередъ какъ предводителей и поставили во главѣ дѣлъ каждаго на своемъ мѣстѣ.

Это были муфти Хабибулла, пожилой хотанскій священникъ, недавно вернувшійся изъ богомолья въ Мекку,—путешествіе расширившее

кругозоръ его виѣ предметовъ замкнутой родины, и Садыкъ-Бегъ, кочующій варваръ, разбойничій атаманъ кашгарскихъ киргизовъ.

Страна была раздѣлена между этими тремя самопоставленными правителями, когда въ первые дни 1865 года, Кхоія Бузургъ Ханъ прямой потомокъ Кхоія Афака, выйдя изъ своего мѣстожителства въ Коканѣ, перешель проходы Тарикъ Даванъ, чтобы попытаться завладѣть престоломъ своихъ предковъ. Когда онъ отправился на это предпріятіе, то находился въ лагерѣ коканскаго правителя, Алимгула, который захватилъ власть отъ Худояра, законнаго хана, и находился въ это время во главѣ своихъ войскъ и приверженцевъ, защищавшихъ Ташкентъ противъ русскихъ. Предводитель кипчаковъ, не вѣря въ силы своего могущественнаго врага, одобрилъ предпріятіе Кхоія, надѣясь вторично возстановить коканское вліяніе въ западныхъ округахъ Кашгара, и отправилъ его съ пожеланіями ему лучшаго успѣха.

Алимгулъ при настоящихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ не могъ удѣлить Кхоіи часть своихъ войскъ, но назначилъ одного изъ своихъ довѣренныхъ намѣстниковъ и сторонниковъ въ проводники Бузургъ Хану какъ военачальника войскъ, которыя онъ набереть въ Коканѣ. Въ 1864 году въ ноябрѣ мѣсяцѣ оба они отправились туда изъ Ташкента, чтобы начать приготовленія къ дѣйствіямъ противъ Кашгара.

Въ концѣ года Бузургъ Ханъ выступилъ изъ Кокана съ отрядомъ въ шестьдесятъ шесть человекъ подъ начальствомъ Якубъ Бега *Батурбаши* или «предводителя храбрецовъ» (намѣстника даннаго Алимгуломъ) узбека изъ Писката около Ташкента, который занималъ должность *кушибега*, или «начальника округа» подъ послѣдовательными управленіями въ Коканѣ Маллахъ Хана, Худояръ Хана, и Алимгула. По прибытіи въ Кашгаръ, онъ былъ радостно встрѣченъ народомъ, какъ избавитель — такъ какъ народъ былъ доведенъ до крайняго отчаянія гнетомъ ненасытнаго Садыка, и жестокимъ самовольствомъ незаконныхъ киргизовъ, — и тотчасъ же поселился какъ царь во дворцѣ. Прежде всего онъ поручилъ своему батурбаши привести въ порядокъ городъ и организовать армію изъ находящихся въ Коканѣ и Азганѣ жителей.

Безполезно подробно разбирать здѣсь жизнь этого замѣчательнаго, человека, какъ и жизнь его господина Кхоія Бузургъ Хана. Описаніе его жизни, составленное изъ свѣдѣній, какія я только могъ соб-

ратъ во время пребыванія нашего въ странѣ, было представлено мною правительству въ моихъ «Историческихъ очеркахъ Кашгара и общаго описанія страны». Достаточно сказать, что Кхоія Бузургъ Ханъ, вѣрный своему родовому характеру, достигнувъ такъ быстро престола, тотчасъ же передалъ управленіе дѣлами своему генералу, а самъ въ это время бросился въ необузданный развратъ и пороки. Его батурбаши, руководимый инстинктами своей честолюбивой натуры и подкрѣпленный опытомъ, пріобрѣтеннымъ во время двадцати-пятилѣтнихъ беспорядковъ, раздоровъ и споровъ, пережитыхъ имъ дома, воспользовался благопріятнымъ случаемъ и захватилъ власть для себя самага, постепенно распространяя ее по всей странѣ, какъ «сторонникъ ислама» подъ религіознымъ титуломъ «Аталика Гhazi». Въ этомъ случаѣ ему много благопріятствовали обстоятельства времени: а именно, слабость пекинскаго правительства съ одной стороны, и завоеванія русскихъ съ другой.

Около этого времени — прибытія въ страну коканскаго или андижанскаго отряда — вѣсть о революціи въ Кашгарѣ начала понемногу проникать черезъ проходы въ Индію съ караванами незначительныхъ купцовъ Яраанда и Хотана. Теперь эти люди стали ходить въ Кашмиръ въ большомъ числѣ, чѣмъ прежде, и преимущественно передъ купцами Кашгара, Аксу и другихъ сѣверныхъ городовъ территоріи, посѣщавшихъ русскіе рынки ближайшихъ мѣстностей, для пріобрѣтенія необходимыхъ товаровъ, которыхъ они внезапно лишились вслѣдствіе прекращенія путей сообщенія съ Китаемъ.

Появленіе этихъ неизвѣстныхъ купцовъ въ Пенджабѣ, и ихъ рассказы о требованіяхъ ихъ страны, теперь совершенно отрѣзанной отъ естественныхъ источниковъ для пріобрѣтенія товаровъ, вслѣдствіе ниспроверженія правительства, котораго прежде они были подданными, скоро возбудили интересъ и доставили имъ торговыхъ друзей по линіи ихъ пути, друзей, желавшихъ создать торговлю со странами на сѣверъ отъ Гималая.

Вслѣдствіе представленій, сдѣланныхъ объ этомъ предметѣ, правительство устроило въ 1866 году въ Палампурѣ ярмарку съ необыкновенно большими льготами, чтобы поощрить развитіе торговли съ Центральной Азіей по пути черезъ Малый Тибетъ. Повидимому яркендскіе купцы оцѣнили эти льготы, и на выраженіе ихъ пріязни и благодарности за радушный приемъ, оказанный имъ, пѣ-

которые смотрѣли, какъ на лучъ надежды, какъ на вѣрное предзнаменованіе скорого развитія дѣйствительно выгодной торговли съ мѣстностями, казавшимися весьма обширными и населенными милліонами народа, желающаго покупать чай и хлопокъ и разные другіе товары, которыхъ они не могутъ добыть обыкновенными, прежними путями; многіе думали, что ради того они станутъ отъ насъ въ зависимость, такъ что намъ останется только удовлетворить ихъ желанія, и пожинать въ награду за наши труды чистой выгоды отъ пятидесяти до семидесяти пяти процентовъ.

На этой дорогѣ, — не то, что по дорогамъ территорій нашихъ западныхъ сосѣдей белуджистанцевъ и авганцевъ; здѣсь нѣтъ выкуповъ отъ разбойниковъ, которые грабятъ и убиваютъ васъ даже послѣ того, какъ вы заплатили выкупъ жадной шайкѣ; но есть опасности другого рода. Будущимъ по этой дорогѣ слѣдуетъ больше бояться опасностей и трудностей отъ самой страны, чѣмъ нападений разбойниковъ и прижимокъ сборщиковъ пошлинъ; потеря нѣсколькихъ пальцевъ на рукахъ и на ногахъ отъ мороза и смерть большаго или меньшаго количества лошадей отъ трудности пути и негостеприимнаго характера мѣстности и климата, — худшая изъ случайностей, которыхъ можно ожидать.

Но, привлеченные заманчивой картиной такихъ хорошихъ барышей и поощренные свободнымъ доступомъ на новый рынокъ, нѣсколько туземныхъ купцовъ попытались совершить это путешествіе и возвратились довольные успѣхомъ своихъ операций. Вслѣдствіе этого, въ 1868 году, торговля получила новый толчекъ послѣ поѣздки предприимчиваго чайнаго плантатора, который, отправившись изъ своей маленькой плантаціи въ Кангрѣ, набралъ въ Яркендѣ большой выборъ всякаго товара.

Мистеръ Р. Б. Шау напечаталъ чрезвычайно интересное описаніе своего путешествія и приключеній въ странѣ и изобразилъ особенный характеръ народа — столь различнаго отъ народовъ Индіи — необыкновенно вѣрно; но онъ не вполне вѣрно отнесся къ естественнымъ препятствіямъ страны, и не ясно указалъ на непреодолимыя трудности прохода, какъ торговой дороги, въ извѣстное время года. Бромъ того во время шестимѣсячной, принудительной безвыѣздной жизни своей въ этой странѣ, онъ при своемъ добродушіи усмотрѣлъ энтузіазмъ въ пріемѣ его, чѣмъ и можно объяснить, въ нѣкоторой степени, его пропуски при указаніи нѣкоторыхъ фактовъ, касающихся

населенія и средствъ страны, и особенныхъ условій ея политическаго существованія, которыя, при болѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ, должны были бы непременно обратить на себя вниманіе путешественника.

Господа Шау и Гейвардъ, послѣдній изъ которыхъ рискнулъ изслѣдовать страну съ географическою цѣлью, вмѣстѣ прибыли въ нее съ юга въ то время, какъ капитанъ Рейнталь и нѣсколько русскихъ купцовъ, подъ конвоемъ отряда казаковъ, прибыли съ сѣвера. Они были задержаны на пути своемъ ко двору Аталыка Газы, пока русскій уполномоченный не кончилъ дѣла, для переговоровъ о которомъ онъ былъ посланъ, и тогда ихъ проводили въ Кашгаръ, какъ описываетъ г. Шау въ своей извѣстной книгѣ.

Г-да Шау и Гейвардъ были не первыми европейцами, проникнувшими въ послѣдніе годы въ Кашгаръ съ нашей стороны проходить. Интересъ британской публики къ странамъ Татаріи былъ въ послѣднее время впервые возбужденъ экспедиціей ученаго путешественника Адольфа Шлагинтвейта, проникнувшего въ 1857 году въ Кашгаръ. Прибывъ туда во время возстанія, произведеннаго бунтовщикомъ Кхойя Вали Ханомъ, онъ палъ несчастною жертвою безумства кровожаднаго тирана.

Въ 1865 В. Р. Джонсонъ спустился съ Тибетскихъ горъ къ сѣверу, а въ сентябрѣ и въ октябрѣ этого же года онъ посѣтилъ Хотанъ, какъ гость его новаго царя Хабибулла падишаха. Въ то время Аталыкъ Газы былъ еще купбегомъ Якубъ-Бегомъ, и начальствовалъ надъ войсками Кхойя Бузургъ Хана, водворившагося царемъ въ Кашгарѣ, и оспаривалъ въ пользу его владѣніе Яреканомъ противъ войскъ, помогавшихъ его для Рашудина. Вслѣдъ за возвращеніемъ г. Шау въ Индію въ 1869 году, Мирза Шади, въ видѣ посла (такимъ же посломъ онъ былъ посланъ въ предъидущемъ году въ русскую столицу) уѣхалъ отъ Аталыка Газы къ вице-королю. Онъ вернулся въ 1870 г. съ миссіей мистера Форента, членами которой были и докторъ Джоржъ Гендерсонъ и мистеръ Шау. Докторъ Гендерсонъ описалъ намъ свое путешествіе, затрудненія, встрѣтившіяся имъ на пути и несчастіе, случившееся съ ихъ багажемъ. Не смотря на помѣхи, онъ, къ чести своей, при помощи своихъ сотрудниковъ мистера Юма и другихъ возвысилъ интересъ книги хорошими иллюстраціями по части орнитологіи и ботаники тѣхъ мѣстъ, гдѣ они проѣзжали. Кромѣ того — что насъ здѣсь собственно и интере-

суеть—онъ познакомилъ насъ съ Казн-Якубъ-Ханомъ будущимъ посломъ, съ которымъ я надѣюсь еще короче познакомить моихъ читателей въ послѣдующемъ разсказѣ, называя его Хаджи Тора.

Вслѣдъ за возвращеніемъ экспедиціи мистера Форсита въ Индію, послѣ весьма небольшой остановки въ Яркендѣ, прибылъ Аграръ-Ханъ Тора, какъ посланникъ Аталика-Гази къ вице-королю; и въ Кашгаръ прибыло русское посольство, съ барономъ Каульбарсомъ во главѣ, для переговоровъ о торговомъ трактатѣ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ отъѣзда русскихъ, довольныхъ исполненіемъ своего порученія, Аграръ-Ханъ вернулся въ Кашгаръ изъ поѣздки своей въ Индію, и, не медля, въ ноябрѣ 1872 года, другъ нашъ Сайидъ-Якубъ-Ханъ-Казн былъ отправленъ посломъ Аталика-Гази къ вице-королю Индіи и къ турецкому султану. Это приводитъ насъ къ отправленію британскаго посольства въ Кашгаръ въ 1873—74 годахъ.

Послѣ выхода въ свѣтъ книгъ мистера Шау и доктора Гендерсона, можетъ показаться слишкомъ смѣлымъ съ моей стороны желаніе навязать еще описаніе страны, уже такъ хорошо обрисованной ими. Но убѣжденный, какъ важны для насъ послѣднія и подробныя свѣдѣнія, относящіяся до странъ, лежащихъ съ этой стороны нашихъ индѣйскихъ владѣній, и въ особенности свѣдѣнія о громадности интересовъ, связанныхъ съ характеромъ политики—какова бы она ни была, и какую слѣдуетъ принять нашимъ государственнымъ людямъ относительно независимыхъ еще теперь государствъ Средней Азіи, я смѣю надѣяться, что самый незначительный итогъ, прибавленный къ суммѣ знаній, уже приобрѣтенныхъ публикой о цивилизованныхъ обществахъ и государствахъ, исторія и источники—естественные и промышленные—этихъ государствъ, и особенно свѣдѣнія о новомъ независимомъ ханствѣ Кашгарскомъ, не могутъ быть лишними, тѣмъ болѣе, что дѣла этихъ отдаленныхъ и недосигаемыхъ мѣстностей теперь болѣе, чѣмъ когда либо, стали возбуждать необыкновенный интересъ, какъ континентальныхъ народовъ Европы, такъ и нашей британской публики и нашихъ индѣйскихъ подданныхъ, находящихся такъ близко отъ разбираемыхъ мѣстностей.

И такъ, руководясь подобными убѣжденіями—отстраняясь отъ разсужденій о политикѣ, какъ о задачѣ, не входящей въ мои рамки—я рѣшаюсь представить полный отчетъ о поѣздкѣ и приключеніяхъ кашгарскаго посольства въ 1873—74 годахъ, съ такого рода по-

дробностями относительно народа и страны, какия мы только имѣли возможность собрать.

Наконецъ, отдавая книгу свою на судъ публики, я могу только прибавить, что она была написана въ свободные часы, во время отдыха, послѣ трехлѣтней постоянной, тяжелой работы различнаго характера, и при обстоятельствахъ, лишавшихъ меня возможности дѣлать указанія на статьи и на авторовъ.

Алжиръ, 28-го марта 1875 года.

ВВЕДЕНІЕ.

Прежде чѣмъ вести читателя черезъ горныя проходы, слѣдуетъ сдѣлать краткую замѣтку о странѣ, лежащей передъ нимъ, чтобы избѣгнуть отступленій при разсказѣ о путешествіи. Вслѣдствіе этого, мы въ короткихъ словахъ напомнимъ читателю о географическомъ положеніи и физическомъ характерѣ этихъ мѣстъ, и представимъ ему краткій очеркъ ихъ народовъ и главныя событія ихъ прошедшей исторіи.

Территорія Кашгарскаго ханства во времена арабскаго завоеванія была извѣстна подъ именемъ Кичикъ Бухары или «Малой Бухары», а подъ управленіемъ Чагатаевъ—Муголлестана или «Земли моголовъ»; въ новѣйшее же время европейскіе читатели знаютъ ее подъ названіемъ Восточнаго или Китайскаго Туркестана. Она обнимаетъ все теченіе рѣки Тарлана, протекающей съ востока на западъ между параллельными рядами Тяньшанскихъ горъ на сѣверѣ и Буэнлунскихъ на югѣ. На западѣ она отдѣляется отъ водъ Оксуса — въ Бухарскомъ ханствѣ—рядами Болорскихъ горъ и Памирскихъ степей, которыя, распространяясь къ сѣверу и югу, соединяютъ двѣ другія горныя границы, а съ востока—за Турфаномъ на сѣверѣ и Чачаномъ на югѣ—она граничитъ большой пустынею Гоби.

Въ предѣлахъ этихъ границъ страна представляетъ громадную волнообразную долину, склопъ которой идетъ чрезвычайно отлого къ западу и главное возвышеніе которой можно опредѣлить отъ трехъ до четырехъ тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря. Характеръ этой мѣстности представляетъ самую голую пустыню—громадное пространство сплошнаго песка и ослѣпляющихъ солончаковъ, пересѣченныхъ по всѣмъ направленіямъ холмами и наносными пригор-

ками съ самую скудную растительностью и съ полнѣйшимъ отсутствіемъ какой бы то ни было животной жизни. Такова картина, представляющаяся взорамъ и простирающаяся всюду вплоть до горизонта, непосредственно за руслами рѣкъ и за береговыми ихъ пониженіями.

Ряды горъ, съ трехъ сторонъ окружающія территорію, могутъ считаться самыми высокими въ свѣтѣ, и вершины ихъ покрыты массами снѣга большей или меньшей величины. Ледники на сѣверѣ и на западѣ питаютъ главныя рѣки страны, а въ лѣтнее время вслѣдствіе сильной воды онѣ выходятъ изъ береговъ и покрываютъ песчаное свое ложе. Всѣ рѣки истекаютъ изъ горъ, окружающихъ съ трехъ сторонъ это замкнутое пространство и, слѣдуя болѣе или менѣе къ востоку, стекаются къ средней долинкѣ. Въ различныхъ мѣстахъ ихъ теченія они соединяются, чтобы образовать рѣку Таримъ, которая теряется въ громадныхъ болотахъ и лагунахъ извѣстныхъ подъ именемъ Лобъ и, какъ говорятъ, занимающихъ окружность въ три, въ четыре мѣсяца пути. Объ этомъ громадномъ пространствѣ извѣстно только, что на немъ живетъ дикая раса изгнаннаго народа, избѣгающаго общезитія, и который дѣлаетъ пріютъ въ лѣсахъ и въ камышахъ, съ естественными обитателями ихъ—кабанами, пантерами, тиграми и волками. За лагунами тянутся неизслѣдованныя степи блестящихъ свѣтлыхъ солончаковъ, проходимыхъ только для дикихъ верблюдовъ, которые въ этой привольной пустынѣ плодятся, и живутъ, и умираютъ, не вѣдая образа жизни и рабства своихъ прирученныхъ братій.

Вслѣдствіе характера страны и безплодія почвы, населеніе скоплено отдѣльными группами на краяхъ горъ около береговъ рѣкъ, гдѣ онѣ протекаютъ по долинамъ. Оно образуетъ отдѣльныя населенія или государства, отдѣленное одно отъ другаго бѣльшимъ или меньшимъ пространствомъ совершенно голой степи, по большей части состоящей изъ песка или наносовъ и при различномъ количествѣ солончаковъ.

Отрѣзанные другъ отъ друга, большая часть этихъ поселеній, продовольствуя, управляя и защищая сами себя, образуютъ независимыя маленькія общества, соединенныя на общемъ громадномъ пространствѣ страны въ одну или въ нѣсколько лигъ или партій, смотря потому, какъ вліяютъ на различныя общины политическіе беспорядки времени, и пагубное дѣйствіе мѣняющихся династій. У каж-

даго изъ этихъ отдѣльныхъ государствъ или поселеній есть центральная укрѣпленная столица, вокругъ которой тянется предмѣстье, а за предмѣстьемъ сельское населеніе, болѣе или менѣе густое, смотря по легкости орошенія и по возможности обработки земли.

На Капгарской территоріи существуетъ тринадцать такихъ отдѣльныхъ поселеній, за исключеніемъ гористыхъ Воханскаго и Сарыкульскаго округовъ, арианское населеніе котораго совершенно другаго рода и языка, чѣмъ турки и татары всей остальной территоріи; притомъ все населеніе страны осѣдлое. Яркандъ самое большое и самое многочисленное изъ всѣхъ поселеній. При китайцахъ это было мѣстомъ пребыванія начальства, и при сборѣ податей, тамъ считалось 32,000 домовъ, изъ которыхъ четвертая часть причислялась къ городу и предмѣстьямъ.

При настоящемъ управленіи, эти поселенія раздѣлены на семь губерній, управляемыхъ *Дадквахомъ*, подъ прямымъ вѣдѣніемъ самаго хана.

По порядку, слѣдующему отъ юга кругомъ къ сѣверу и востоку, идутъ: Кутанъ или Хотанъ, Чачанъ, Яркандъ, Капгаръ съ Янги Хиссаръ и Маралбаши, Аксу и Учъ-Турфанъ, Буча, Курла, Карашаръ, и Турфанъ или Куна Турфанъ «Старый Турфанъ», какъ называютъ его въ отличіе отъ маленькаго земледѣльческаго поселенія того же имени.

Общій видъ этихъ поселеній представляетъ картину благосостоянія и обилія. Это настоящіе оазисы въ сухой и бесплодной пустынѣ; они производятъ на поляхъ своихъ все, что необходимо для независимаго существованія, касающееся продовольствія и одежды для своего нормальнаго населенія; но они не могли бы выдержать запроса болѣе прихотливаго.

Земледѣліе зависитъ тутъ совершенно отъ запасовъ водъ. А количество водъ, вслѣдствіе небольшихъ размѣровъ рѣкъ, ограничено до крайности. То же что есть, употребляется съ пользою, и разливается по обработаннымъ полямъ по безчисленнымъ каналамъ и по перекопамъ для орошенія, снабжаясь или рѣками или ручьями.

Сельское населеніе живетъ вдоль этихъ потоковъ отдѣльными усадьбами, обыкновенно состоящими изъ кучки въ три, четыре поселенца, окруженными ихъ полями, виноградниками, огородами и плантаціями. Эти усадьбы распространяются какъ лучи отъ предмѣстій городовъ, по всѣмъ направленіямъ до самыхъ окраинъ обрабатывае-

мых мѣсть, послѣ которыхъ начинается пустыня, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, они образуютъ непрерывную полосу деревьевъ, полей и домовъ, продолжающуюся на разстояніе десяти, пятнадцати миль вдоль русла широкихъ каналовъ.

Путешественникъ, подъѣзжающій со стороны пустыни, съ перваго взгляда на такія поселенія воображаетъ, что они густо населены и чрезвычайно богаты; но, войдя въ очаровательное мѣсто, дѣйствительность вскорѣ становится ему ясною. Онъ находитъ, что масса густой зелени, столь привлекательная вслѣдствіе своей свѣжести, по большей части принадлежитъ деревьямъ непродуцательнымъ — годнымъ только на топливо, постройку и для тѣни—какъ на примѣръ ива, тополь и вязъ, а другія тоже очень обыкновенныя здѣсь деревья, какъ тутовое и орѣховое, не могутъ служить источникомъ продовольствія, хотя онѣ и полезны въ другомъ отношеніи—какъ не требующія большаго ухода. Онъ найдетъ, что дома жителей такъ далеко и рѣдко разбросаны, что пятьдесятъ домовъ покрываютъ пространство, на сколько видитъ глазъ, радіусомъ въ одну или двѣ мили. Онъ замѣтитъ, что куски полей и садовъ между домами производятъ пше- ницу, ячмень, маисъ и рисъ, хлопокъ, ленъ, и коноплю, точно также какъ табакъ, дыни, люцерну, стручковые плоды и всѣ овощи, растушіе въ англійскихъ огородахъ.

Перечень долговъ, но не соотвѣтствуетъ оборотной сторонѣ; потому что, разспросивъ, путешественникъ узнаетъ, что растенія въ этихъ мѣстахъ даютъ плодъ только между апрѣлемъ и октябремъ, и что сборъ шести мѣсяцевъ долженъ кормить народъ въ продолженіи двѣнадцати мѣсяцевъ, безъ всякой помощи вѣнскихъ подвозовъ. Эти обстоятельства, соединенныя съ пространствомъ и характеромъ различныхъ поселеній, дѣлаютъ населеніе этихъ мѣсть, которое не можетъ добыть себѣ достаточнаго продовольствія, гораздо ниже предполагаемаго.

Во время пребыванія нашего въ странѣ, я тщательно изслѣдовалъ этотъ предметъ, и пришелъ къ заключенію, что населеніе Кашгарской территоріи, въ обозначенныхъ предѣлахъ, включая въ него и кочующихъ киргизовъ, подданныхъ хана, и горныя орды мустаховъ и сарыкульцевъ, далеко не превышаетъ полутора милліоновъ душъ.

Впрочемъ, страна не лишена нѣкоторыхъ естественныхъ продуктовъ значительной цѣнности и обладаетъ множествомъ минеральныхъ богатствъ, которыя могутъ сдѣлаться источниками значительныхъ со-

стояній. Знаніе этого факта и заставляло китайцевъ такъ упорно держаться этой отдаленной и дорого стоившей пограничной провинціи ихъ имперіи. Подъ ихъ владычествомъ золотые рудники и каменоломни Хотана, мѣстные рудники Калистана, и серебрянные и свинцовые рудники Кошараба, давали средства къ существованію тысячамъ семействъ китайскихъ эмигрантовъ и татарскихъ колонистовъ. Уголь Аксу и Куна Турфана служилъ въ тѣ времена обыкновеннымъ топливомъ въ каждомъ домѣ; въ этой части территоріи желѣзо изъ Кизил доставляло имъ матеріалъ для выдѣлки домашнихъ инструментовъ, тогда какъ Кальципская сѣра и квасцы, нашатырь и цинкъ вулканическихъ мѣсть къ сѣверу отъ Аксу—Канъ Кура Таха—служили матеріаломъ для производства различныхъ промышленныхъ запятей, и снабжали своимъ матеріаломъ красильщиковъ, кожевниковъ и другихъ туземныхъ ремесленниковъ.

Животные продукты страны преимущественно приобретались черезъ Лобскихъ охотниковъ, которые вымѣнивали оленин рога, лебяжий пухъ, выдровыя шкуры, и другіе мѣха, въ томъ числѣ шкуры тигра и пантеры, на хлѣбъ, хлопокъ, чай и пожевой товаръ. Турфанская шерсть и Хотанскій мускусъ отиравались въ Кашмирѣ; первая—для выдѣлки замѣчательныхъ шалей, а другой—для москательной продажи въ Индію. Овцы, лошади, быки удовлетворяютъ потребностямъ домашняго хозяйства и продовольствія, и промѣниваются киргизами на шелкъ, хлопокъ, чай и кожевенные товары. Дикій верблюдъ Лобской пустыни, тигръ Маральбанскихъ лѣсовъ, и *мараль*, или олень тѣхъ мѣстностей, кабанъ камышей, окаймляющихъ рѣки, степная газель и горная антилопа, дикая лошадь и дикій баранъ (*Ovis Poli*) отлогихъ горъ, и дикій якъ или *кутасъ* (*bos grunniens*) снѣжныхъ вершинъ—служатъ предметомъ охоты сосѣднимъ племенамъ точно также какъ фазанъ, куроцатка и заяць, съ тетеревами и дикой уткой долины, и снѣговымъ фазаномъ, составляютъ предметъ охоты охотниковъ тѣхъ мѣстностей.

Шелкъ и хлопокъ—сырье и необдѣланные—изъ Хотана и Турфана продаются въ Коканѣ и въ сосѣднихъ китайскихъ провинціяхъ, въ то время какъ конопляное масло или *банъ* Ярканда составляетъ главный предметъ вывоза въ Кашмиръ и Пенджабъ. Остальное же—ковры и войлоки Хотана, сапоги и мѣха Ярканда, и сѣдла, сбруя и шорныя издѣлія Аксу,—вымѣниваются между многими округами территоріи на мѣстные предметы, какъ изиримѣрь,

на хотанскихъ коровъ и муловъ, на яркандскіе орѣхи и сухіе фрукты, на кашгарское льняное сѣмя, на аксускій табакъ, на турфанскихъ овецъ и т. д.

Таковы общія географическія черты территоріи и главные продукты ея. Климатъ ея точно также особенный и переменчивый. Главная особенность его заключается въ крайностяхъ температуры въ половинѣ лѣта и въ серединѣ зимы, въ общей сухости атмосферы и рѣдкости дождей и въ періодическихъ вѣтрахъ и песчаныхъ буряхъ, проносящихся по ней. Упорство и продолжительность ихъ измѣняется, смотря по различнымъ мѣстностямъ, и характеръ ихъ, кромѣ того, умѣряется дѣйствіемъ мѣстныхъ причинъ.

2330 .
Такимъ образомъ температура, доходящая въ западныхъ округахъ до 26° Фар. ниже нуля зимою, и поднимающаяся на солнцѣ до 150° Фар. лѣтомъ, говорятъ, гораздо ровнѣе и умѣреннѣе въ восточныхъ округахъ страны, гдѣ, какъ на примѣръ на Лобѣ и въ Турфанѣ, холода умѣреннѣе и не такъ продолжительны, хотя лѣтніе жары тягостнѣе влѣдствіе густыхъ паровъ, поднимающихся отъ солнечныхъ лучей изъ болотъ, покрывающихъ громадное пространство въ этихъ мѣстахъ.

Постоянный сѣверо-западный вѣтеръ, дующій въ долинахъ весною, смѣняется осенью сильными бурями и буранами, которые достигаютъ своего крайняго развитія на восточной серединѣ долины, и поднимаютъ тучи пыли, наполняющія воздухъ полнѣйшимъ мракомъ на сотняхъ квадратныхъ миль. Дождь рѣдко идетъ въ долину и иногда падаетъ мѣстами и то весьма скудно; впрочемъ это къ счастью для народа, такъ какъ хорошій ливень, такой, къ какому мы привыкли въ Индіи, смылъ бы ихъ мазанья и опрокинулъ бы ихъ на ихъ благочестивыя головы. Снѣгъ идетъ зимою только въ продолженіи нѣсколькихъ дней и накопляется не болѣе какъ на футъ, и то въ западной части долины.

Сильные атмосферическіе переходы во время переменъ времени года, въ соединеніи съ дѣйствіемъ другихъ вышеупомянутыхъ метеорологическихъ феноменовъ, не остаются безъ вліянія на народное состояніе здоровья; сдѣлать же точное опредѣленіе организма трудно въ такое короткое время.

Во время нашего пребыванія въ здѣшнихъ городахъ, я открылъ лечебницу въ Яркандѣ и въ Кашгарѣ, и изъ громаднаго количества больныхъ, приходившихъ ежедневно, я могъ составить довольно

вѣрную идею о болѣзняхъ, преимущественно господствующихъ между жителями, точно также какъ могъ составить мнѣніе о степени ихъ физиологическаго развитія и крѣпости, какъ народа. Результаты моихъ опытовъ доказываютъ, что масса недуговъ и болѣзней, встрѣченныхъ мною, менѣе можно приписать прямому вліянію климата, чѣмъ можно было бы ожидать, что большая часть ихъ были результатомъ вліянія мѣстныхъ причинъ и происходили отъ недостатка гигиены въ соединеніи съ порочными привычками.

Всего чаще попадались болѣзни воспаленія дыхательныхъ путей, парвы въ горлѣ и ревматизмъ; лихорадки встрѣчались рѣже. Тифонды и возвратныя горячки попадаютъ чаще перемежающихся лихорадокъ, замѣчательно рѣдкихъ. Съ другой стороны, золотуха и легочная чахотка, ракъ и опухоли (зобовидныя) являются замѣчательно часто; болѣзни глаза — бѣльмо, пагубное и слѣпота, катаракты и темная вода встрѣчаются на каждомъ шагу, какъ результатъ атмосферы, соединенной съ почвеннымъ вліяніемъ.

Воспаленіе дыхательнаго горла разныхъ формъ и видоизмѣненій, преобладаетъ въ Яркандѣ и предмѣстьяхъ болѣе, чѣмъ гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ; оно приписывается мѣстному вліянію, происходящему отъ свойствъ почвы и страннымъ образомъ свирѣпствуетъ въ народѣ. Частые случаи слѣпоты приписываются слишкомъ яркому отраженію бѣлыхъ какъ снѣгъ солончаковъ, почти всюду покрывающихъ корою свѣтлую песчаную почву страны; преобладаніе же зобовъ происходитъ отъ качества воды, протекающей по песку, съ сильною постороннею примѣсью.

Изъ болѣзней, происходящихъ отъ порочныхъ привычекъ и дурнаго образа жизни, мы можемъ упомянуть здѣсь только о тѣхъ, которыя происходятъ отъ общаго употребленія опиума и конопли; онѣ такъ часты, и встрѣчаются въ такихъ серьезныхъ формахъ въ обоихъ полахъ, что образуютъ важное прибавленіе къ общей суммѣ болѣзней, ослабляющихъ физическій организмъ народа. Эти болѣзни весьма разнообразны и по преимуществу соединяются съ разстройствомъ пищеварительныхъ органовъ; и ихъ можно назвать *dyspepsia*; болѣзни эти, при болѣе серьезныхъ формахъ, отвлекаютъ больного отъ теченія обычной жизни и часто развиваются въ *hypochondriasis* и *mania* (виды сумашествія).

Изъ вышеупомянутыхъ мною результатовъ о состояніи народнаго здравія въ двухъ главныхъ городахъ страны, видно, что климатъ ме-

нѣ вредитъ, чѣмъ общество. На нашъ отрядъ, состоящій изъ 130 человекъ, дѣйствіе климата, во время пребыванія нашего въ продолженіе шести мѣсяцевъ въ западныхъ уѣздахъ страны, оказалось только благотворно. Но мы, какъ почетные гости, были окружены всевозможнымъ комфортомъ и заботами объ удобствахъ, и нашъ образъ жизни, въ самое здоровое время года, не можетъ служить критеріемъ, по которому бы можно было заключить объ образѣ жизни населенія, живущаго при гораздо менѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ. Суровый характеръ страны и продолжительность зимняго времени обрекаютъ народъ на праздную жизнь въ теченіи почти полугода, тогда какъ страшное дѣйствіе солнца—усиленное безплоднымъ и пустыннымъ характеромъ страны—въ остальное время года лишаетъ ихъ способности переносить физическій трудъ, какъ переносятъ его жители болѣе умѣреннаго климата; въ то же самое время—при условіяхъ, требующихъ полной энергіи народа для добыванія средствъ существованія—это же мѣшаетъ свободному развитію умственныхъ способностей по стезѣ науки или литературы, и не возвышаетъ искусство цивилизованной жизни, какъ наврѣмѣрь: архитектуру, живопись, механическія искусства и такъ далѣе, на степень, хотя немного превышающую простыя варварскія формы. Вотъ какія можно вывести заключенія изъ того, что мы узнали о странѣ и о ея народѣ. Последняго мы всюду видимъ прилично одѣтымъ и сытымъ—не будь этого, онъ не могъ бы существовать въ подобномъ климатѣ; но въ то же самое время мы замѣчаемъ, что онъ замѣчательно лишенъ силы выносить какую нибудь продолжительную физическую работу, въ особенности ходьбу, такъ что даже самый бѣдный совершаетъ переходы верхомъ на ослѣ. Литература ихъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ сочиненій цвѣтущей эпохи Чагатайской власти, очень ничтожна и состоитъ преимущественно изъ теологическихкихъ книгъ, выпущенныхъ духовенствомъ Бухары и Кокана. Города ихъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ развалившихся мечетей арабскаго періода, лишены зданій какого бы то ни было архитектурнаго достоинства, тогда какъ мазанки ихъ, составляющія города и села, ни минуты нельзя сравнивать съ живописными зданіями какого нибудь индѣйскаго города; матеріальная сторона постройки, элегантный стиль и красивый рисунокъ индѣйскихъ построекъ вовсе неизвѣстны въ Кашгарѣ,—неизвѣстны даже въ постройкѣ дворцовъ царей или хоромъ дворянъ, отличающихся только

объемомъ, внутреннимъ комфортомъ и убранствомъ отъ скромной мазанки съ плоской крышей простаго поселянина.

Въ странѣ нѣтъ заводовъ, и она не производитъ какихъ нибудь особенныхъ предметовъ искусства такого достоинства, которое можно было бы мѣнять съ сосѣдями на какія нибудь другія нужныя вещи. Шелковыя хотанскія фабрики гораздо ниже коканскихъ, и произведенія ихъ не находятъ спроса за границами ихъ собственной территоріи; ихъ грубый хлопокъ и кошмы продаются только на простыхъ рынкахъ Кокана. Точно также и яркандскіе сапоги и сѣдла Аксу нейдутъ далѣе киргизскаго кочевья у окраинъ страны. Турфанская шерсть—самая тончайшая въ мірѣ—не обрабатывается дома во что нибудь хорошее, хотя въ рубахъ кашмирцевъ она обращается въ шали, знаменитыя по всему міру. Высоко цѣнимыя китайцами каменоломни нефрита, приносили пользу только выдѣлывавшимъ его китайскимъ эмигрантамъ—артистамъ изъ центра имперіи. Выѣшняя торговля страны зависитъ отъ ея сыраго матерьяла и естественныхъ продуктовъ, а не отъ мануфактуръ и произведеній искусства. Золото и шелкъ, мускусъ и нефритъ, бангъ и шерсть—вотъ все, что страна можетъ дать въ замѣнъ чая, сахара, пряностей и москательнаго товара; бумажныя матеріи и кисеи, шелкъ и атласъ, бархатъ и парчу покупаетъ только богачь, а мѣха, пожевой товаръ, желѣзный товаръ нуженъ во всякомъ хозяйствѣ. Для развитія этихъ естественныхъ источниковъ богатства страны нужны помощь, хорошее управленіе и гораздо болѣе просвѣщенная администрація, чѣмъ какую можно ожидать отъ такихъ магометанскихъ правителей невѣжественныхъ деспотовъ, какіе правятъ маленькими областями въ Средней Азіи; это притоны варварства, несправедливости, фанатизма и гнета, образующіе отдѣльные участки между цивилизованными и христіанскими правительствами Великобританіи и Россіи. На вышеприведенные факты, рисующіе недостаточность энергіи народа, населяющаго теперь Кангарскую территорію, нельзя смотрѣть какъ на результатъ климата, въ которомъ онъ живетъ, хотя нѣтъ сомнѣнія, что дѣйствіе его не остается безъ пѣкотораго вліянія, которое вмѣстѣ съ другими условіями ихъ положенія и управленія и создало описанное положеніе дѣлъ.

Изъ исторіи мы знаемъ, что мѣста, занятыя теперь Кангарскимъ народомъ, были въ былыя времена мѣстомъ жительства расы, потомуки которой заселяли громадныя обширныя пространства, и до-

шли до высокой степени искусства и цивилизации въ промышленности и предпріятіяхъ, въ могуществѣ и богатствѣ. Изъ громадныхъ долинъ между Гималаемъ и Алтаемъ и изъ ущелій горныхъ хребтовъ, діагонально идущихъ между ними, вышли предки саксонскаго племени Европы и ихъ аріанскіе единоплеменники въ Индіи. Но первобытная родина не знаетъ ихъ болѣе, и только нѣсколько незначительныхъ племенъ первоначальнаго рода живутъ еще теперь въ недосыгаемыхъ мѣстахъ горъ, гдѣ они называются совершенно другимъ племенемъ.

На склонахъ Гиндукуша — настоящаго Кавказа — находимъ мы чистаго кавказца, представителя настоящаго Сака, Суи или Сакоя, которые были изгнаны изъ долинъ родственными племенами Ючи, Гето, Іатта или Готь, такъ какъ самихъ ихъ прогнали громадныя орды неизвѣстныхъ варварскихъ племенъ, вышедшихъ съ сѣвера.

Послѣдовательныя вторженія этихъ сѣверныхъ варваровъ изгнали Сака или Іатта, или Суи и Ючи, какъ зовутъ ихъ китайцы, изъ ихъ первоначальной родины и понудили идти въ Европу по одному пути, и въ Индію по другому.

На западъ они перенесли на почву пріотивную ихъ — какъ Готландія, Ютландія, Англія, Саксонія, и т. д. — имена колопизовавшихся племенъ; а на югѣ они повторили имена поселеній, которыя оставляли за собою, какъ Кази или Бепаресъ (Казихарь-Кашгаръ) Гари или Гарать (Арикандъ-Аркандъ) Буча или Бучаръ (Качаръ), Курла (Коела), Катакъ — теперь развалины — (Куттакъ). Я рѣшаюсь вывести это изъ сходства именъ и по историческимъ лѣтописямъ эмиграціи. Далѣе сѣверныя нагорныя равнины Кашгара извѣстны какъ Ятта Муголь — названіе ихъ прежнихъ и настоящихъ жителей взятое вмѣстѣ — хотя во времена Тимура (Тамерлана) страна просто называлась Іаттой, не смотря на то, что жители ея были монголы; и очень можетъ быть, что Іатты, или Іаты, или Ятзы Панджаба, тождество которыхъ съ Ючи было доказано, первоначально жили въ этой мѣстности, носящей ихъ названіе.

Ючи были лишены владѣнія Кашгаромъ и прогнаны въ Кабуль и Кашмиръ, племенами монгольскихъ татаръ, наступавшихъ со стороны Камила и Турфана. Коренное названіе ихъ было Уйхуръ, по китайцы ихъ называли Хіунгу или Хіоунгноу, и они явились въ Европу — гдѣ въ настоящее время представителями ихъ служатъ венгерцы — какъ Уйхуры, Угры, или Хунигуры, Хонгры или Гунны.

Эти уйхуры въ настоящее время населяютъ Кашгаръ, но они много потеряли отличительной типичности расы своего настоящаго рода, вслѣдствіе кавказскѣй примѣси, появившейся вмѣстѣ съ арабскимъ завоеваніемъ; а отъ этого смѣшенія, кромѣ перемѣны фязіономіи и произрастанія бороды, улучшилось физическое развитіе и умственныя способности.

Они раздѣляютъ территорію съ калмыками и киргизами, которые и есть татары сильно выдающагося могольскаго или монгольскаго типа, и блуждаютъ по сѣвернымъ и восточнымъ окраинамъ территоріи. Калмыки буддисты, а киргизы поминально исповѣдуютъ исламъ, а въ сущности они язычники, какъ мусульмане и называютъ ихъ. Оба эти племя имѣютъ мало сношеній съ осѣдлымъ магометанскимъ населеніемъ со стороны Кашгара, тогда какъ съ другой— къ сѣверу отъ Тяньшяна—гдѣ ихъ больше,—они по большей части русскіе подданные.

Уйхуры, изгнавъ ючи — лѣтъ за двѣсти до христіанскоѣ эры— учредили самостоятельное государство въ Кашгарѣ, и вели цѣлый рядъ войнъ противъ Китая, окончившійся покореніемъ ихъ имперіи около 60 года до Р. Х. Вслѣдствіи они впрочемъ возвратили свою независимость, но снова подверглись нападению китайцевъ, присоединившихъ страну къ имперіи, и въ 94 году послѣ Р. Х. заняли Кашгаръ. Оттуда они прошли черезъ горы въ долину Оксуса, и провели войска свои къ западу, до береговъ Каспійскаго моря.

Съ этого періода до времени арабскаго завоеванія Бухарскоѣ территоріи или Трансоксианы, въ началѣ восьмага столѣтія, Кашгаръ былъ болѣе или менѣе вѣрноподаннымъ китайскаго правительства. Пока въ столицѣ было строгое управленіе и во внутреннихъ провинціяхъ царствовалъ порядокъ, Кашгаръ оставался вѣрнымъ и добровольнымъ данникомъ, управляемымъ чиновниками, назначенными отъ императорскаго двора. Во времена же междоусобицы и беспорядковъ въ центрѣ имперіи, Кашгаръ сбросилъ свою подвластность и раздѣлился на нѣсколько небольшихъ княжествъ, подъ управленіемъ независимыхъ мѣстныхъ начальниковъ, воевавшихъ другъ съ другомъ изъ-за господства надъ всей территоріей.

Таковы были отдѣльныя княжества страны въ то время, какъ арабы появились на берегахъ Оксуса въ началѣ восьмага столѣтія. Эти отважные завоеватели были тутъ остановлены на побѣдоносномъ пути своемъ, и только послѣ цѣлаго ряда кампаній они водворили

на Бухарской почвѣ свою религію и управленіе. Уже во время перваго своего нападенія на эту благочестивую страну, такъ велико было рвеніе ихъ воиновъ и такъ сильно было честолюбіе ихъ генераловъ, что въ 712 г. Р. Х. Кутайбъ пробрался въ Боканъ и, перейдя горы, быстро повелъ экспедицію вдоль Кашгара къ Турфану, къ самой китайской границѣ.

Но смерть калифа Валида принудила его быстро вернуться изъ такого далекаго пункта, и Кашгаръ могъ временно отдохнуть. Между тѣмъ арабы продолжали одерживать побѣды на западѣ и, преслѣдуя съ ужаснѣйшею жестокостію, какъ поклоненіе волхвамъ, такъ и христіанскую религію, они привели всю страну подъ владычество ислама.

Ихъ безопадный законъ — коранъ или мечъ — былъ точенъ, и не допускалъ никакихъ компромиссовъ. Примите одно — и защищайте права равенства, братства, и покровительства; если же отвергните, то подчинитесь повелѣнію Божию и острію меча; другаго выбора не было. Коранъ восторжествовалъ и встрѣтилъ такую благопріятную почву, что доктрины его вскорѣ вкоренились и такъ стали процвѣтать, что могли соперничать съ вѣрою въ нихъ, существовавшею въ колебелѣ ихъ зачатія, и черезъ нѣсколько времени образовали центръ самаго фанатическаго поклоненія и исключительнаго рвенія.

Самый важный изъ первоначально обращенныхъ былъ Саманъ, сановникъ изъ послѣдователей Зороастра въ Балкъ, который принялъ исламизмъ, чтобы снова завладѣть наслѣдственнымъ саномъ, отпавшимъ у него при новомъ правительствѣ. Каковы бы тамъ ни были его собственныя убѣжденія, но потомство его было искренними послѣдователями пророка, и мы встрѣчаемъ четырехъ сыновей его сына Ахмада, занимающихъ почетныя и важныя посты губернаторовъ четырехъ самыхъ значительныхъ провинцій страны — Герата, Самарканда, Ферганы и Ташкента — подъ особеннымъ покровительствомъ калифа.

Назаръ, сынъ Ахмада и губернаторъ Ферганы, сдѣлался, во время возстанія Систанскихъ князей правителемъ всей Бухары и Туркестана и основалъ Саманійскую династію. Братъ его и наслѣдникъ Измаиль, довелъ саманійское могущество до высочайшихъ предѣловъ, и послѣ смерти своей въ 907 году п. Р. Х. оставилъ государство, распространившееся отъ Иснагани и Шираза на западѣ, до

Турфана и Гоби на востокъ, и отъ Сисстана и Персидскаго Залива на югъ до Кипчакскихъ степей и Великой Пустыни на сѣверъ.

Во время Саманійскаго господства, исламъ былъ впервые распространенъ между уйхурами Кашгара. Тутъ, какъ и въ Оксусской долинѣ, онъ встрѣтилъ положительное сопротивленіе, и, не смотря на обращеніе Сатока Бухра-Хана, наслѣдственнаго правителя Бухары, и рвенія его въ дѣлѣ распространенія, ученіе и законъ не ввелись въ странѣ до тѣхъ поръ, пока Хотанъ—старинная крѣпость буддизма—не была совершенно покорена. Это совершилось послѣ почти двадцатипятилѣтней войны, во время которой цвѣтъ персидскихъ рыцарей завалъ въ невѣдомыхъ пустыняхъ, и цѣлая масса арабскихъ мучениковъ освятила почву своею кровью, пріобрѣта себѣ печальную память въ безконечномъ календарѣ магометанскихъ святыхъ.

При упадкѣ Саманійской династіи, послѣ царствованія почти въ полтора ста лѣтъ—во время котораго персидская литература, задвленная арабами, ожила, и религія, посѣянная ими, была установлена, согласно правовѣрному постановленію *Сунни*, торжествуя надъ ересью *Шиа*, распространяемой лжепророкомъ Муккацномъ—родъ Бухра Хана, царствующій глава котораго назывался Иликъ Ханъ, перенесъ свою столицу въ Кашгаръ, пріобрѣлъ могущество, и уйхурская имперія растянулась по долинамъ по обѣ стороны Болорскихъ горъ—отъ Каспійскаго моря до Гоби.

Иликъ Ханъ былъ динень своихъ западныхъ завоеваній сельдучукскими татарами подъ управленіемъ султана Санжара, и съ началомъ раздора въ семьѣ Бухра Хана, Уйхуръ былъ раздѣленъ между ними и вскорѣ покоренъ Каракитайцами изъ монгольской орды, явившимися со стороны Или въ началѣ двѣнадцатаго столѣтія. Горханъ или «Главный начальникъ»—титულъ пачальниковъ этихъ кочующихъ ордъ китайскихъ изверговъ—пользуясь притокомъ, даннымъ его буддистской арміи на уйхурскихъ окраинахъ, въ то же время воспользовался внутренними раздорами и захватилъ страну себѣ и быстро распространилъ завоеванія до Хивы. Управление Каро-Китая, продолжавшееся восемьдесятъ пять лѣтъ, вдругъ было низвергнуто измѣною Кашлука-Хана, который устроиваетъ козни вмѣстѣ съ Кутубуддинымъ Магомедомъ Ховарезмійскимъ шахомъ, чтобы раздѣлить между собою Горханскую имперію.

Этотъ Кашлукъ былъ княземъ найманскихъ киргизовъ—племя,

которое, подобно некоторым другим кочующим пастухам, исповѣдывало христіанскую религію несторіанскаго толка—и бѣжалъ со своей родины Баракорума отъ ненависти Чингиза, пришедшаго со своими монголами съ сѣверо-востока. Онъ встрѣтилъ радушный пріемъ со стороны предводителя Кара-китайцевъ, и женился на его дочери; но за эти благодѣянія заплатилъ самой низкой неблагодарностью. Когда-же владѣтель Ховарезма, поощренный своими недавними побѣдами надъ Хорасаномъ и Бухарой, отказался платить дань, а Горханъ, не смотря на свои преклонные годы, лично принявъ начальство надъ войскомъ противъ него, Кашлукъ всталъ на сторону Кутубуддина Магомета и, разбивъ армію своего покровителя, посадилъ въ тюрьму своего тестя, захватилъ бразды правленія.

Но не долго онъ удержалъ свою неправильно пріобрѣтенную власть и скоро поплатился жизнью за свое коварство. Чингизъ, управлявшій въ это время племенами на восточныхъ и сѣверныхъ окраинахъ Кашгара, теперь требовалъ покорности Уйхура. Сѣверный отрядъ подъ начальствомъ Айди Кута, тотчасъ же присоединился къ побѣдоноснымъ знаменамъ; Кошлукъ-же, начальствовавшій надъ южнымъ отрядомъ, въ силу прежней неприязни, отказалъ ему въ этомъ. Чингизъ послалъ отрядъ монголовъ подъ начальствомъ двухъ предводителей, чтобы укротить упрямаго предводителя и присоединить его страну. Кашлукъ, оставленный теперь уйхурцами, послѣдно бѣжалъ въ Хотанъ, въ то время какъ монголы напали на его войска, оставленные въ Кашгарѣ, всѣхъ ихъ перерѣзали, и бросились въ погоню за бѣглецомъ. Кашлукъ, при приближеніи ихъ, бросилъ свою семью и сокровища, и только съ двумя, тремя приверженцами бѣжалъ въ горы Вохана. Тутъ онъ былъ схваченъ мѣстными пастухами, отдавшими его голову, чтобы умилостивить монголовъ.

Такимъ образомъ около 1220 г. Р. Х. Кашгаръ перешелъ въ руки Чингиза. Территорія его мало пострадала отъ этихъ ужасовъ и грабежей. Подъ великолѣпнымъ, покровительственнымъ и кроткимъ монгольскимъ управленіемъ, Кашгаръ дошелъ до такой высокой степени благосостоянія, какимъ до сихъ поръ еще не пользовался никогда, и города его, находясь по линіи пути большихъ торговыхъ каравановъ между Китаемъ и Европой, пріобрѣли скорѣ и богатство, и значеніе.

И христіанство вмѣстѣ съ буддизмомъ изгнанное и преслѣдуемое подъ вліяніемъ ислама, теперь вновь появилось въ стра-

нѣ и увивалось съ своими прежними гонителями. Магометанское духовенство, теперь лишенное власти призывать къ мечу, скоро потеряло власть, которую силою сохраняло надъ духомъ народа, и христіанскіе церкви, и буддистскіе храмы воздвигались на развалинахъ мечетей. Въ этотъ періодъ христіанство должно быть приобрѣло здѣсь достаточное значеніе, что можно заключить изъ того факта, что въ Ярландѣ была епархія епископа въ то время, какъ Марко Поло посѣтилъ страну въ половинѣ тринадцатаго столѣтія.

По смерти Чингиза, его громадное государство было раздѣлено между его сыновьями, и Кашгарская территорія образовала часть государства, назначеннаго Чагатаю. Но по смерти его, случившейся немного лѣтъ спустя, государство распалось на части, и Кашгарь сдѣлался яблокомъ раздора между соперничавшими князьями Чагатайской линіи, и линіи его брата, Огтаи, витайскаго *Какана*, и переходилъ частями и весь попеременно то къ одному, то къ другому до тѣхъ поръ, пока наконецъ, въ срединѣ четырнадцатаго столѣтія, онъ цѣликомъ, какъ независимое государство, не достался весь Тоглуку Тимурѣ потому Чагатаю, который перенесъ столицу свою изъ Аксу въ Кашгарь, и дѣломъ жилъ на берегахъ озера Иссыкъ-Куль на сѣверѣ отъ Тяньшана, въ территоріи называющейся Моголистаномъ.

Тоглукъ Тимуръ возстановилъ миръ и порядокъ въ странѣ, устроилъ дворъ свой по образцу монгольской имперіи и возродилъ исламъ, который со времени паденія монгольскаго государства сдѣлался господствующей религіей этихъ странъ. Въ концѣ его царствованія, пользуясь безпорядками разстроивавшими страну, онъ напалъ на Бухару, и оставилъ сына своего Иліаса Кхоія правителемъ Самарканда. Но нѣсколько лѣтъ позднѣе, по смерти Тоглука Тимура, въ 1363 г. послѣ Р. Х. онъ былъ изгнанъ изъ страны Амирзюмъ Хусейномъ и Тимуромъ (внучатомъ Тамерланомъ), и, достигнувъ Моголистана былъ убитъ Камаруддиномъ Дохлатомъ, губернаторомъ провинціи его отца, который тогда захватилъ весь Кашгаръ и убилъ всѣхъ дѣтей Тохлука Тимура, за исключеніемъ маленькаго сына — Кызра Кхоія — который былъ увезенъ и спрятанъ въ горы за Сарикюломъ и Хотаномъ, Амиромъ Кудадомъ, губернаторомъ Кашгара. Амиръ Тимуръ, сдѣлавшись властителемъ Бухары, совершилъ четыре послѣдующихъ экспедиціи въ Моголистанъ противъ Камаруддана и Латты. Въ послѣдней экспедиціи Камаруддинъ былъ убитъ и тогда въ 1383 г. по Р. Х. Кизръ Кхоія былъ вызванъ изъ изгнанія и во-

дворенъ на престолъ Кашгара губернаторомъ — Амиромъ Будададомъ, сыномъ Болайи и племянникомъ Камаруддина. Онъ не могъ удержать свой кочующій народъ отъ обычныхъ набѣговъ на Ташкентскую границу, и вслѣдствіе этого Тимуръ въ 1389 г. п. Р. Х. предпринялъ свой пятый и послѣдній походъ противъ страны съ громадной арміей, которая, подвигаясь четырьмя отрядами—два съ юга, и два съ сѣвера Тяньшаня—покорила всю страну и, соединившись въ Юлдовской долинѣ, полонила половину населенія, вмѣстѣ съ захваченными рабами, лошадьми и добычей.

Тутъ Тимуръ раздѣливъ громадную добычу рабовъ, лошадей и товаровъ между своими побѣдоносными войсками, и затѣмъ, водворивъ Кизра Кхоія, присягу отъ котораго онъ принялъ и на дочери котораго женился, возвратился въ столицу, оставивъ страну въ такомъ пищенскомъ положеніи и столь опустошенной, что она никогда не могла оправиться отъ удара. Послѣ Кизра Кхоія управленіе переходило къ цѣлому ряду монгольскихъ хановъ, и ихъ потомковъ, царствованія которыхъ ознаменовались безконечнымъ множествомъ безпорядковъ, раздоровъ и кровопролитій—болѣе или менѣе связанныхъ съ положеніемъ дѣлъ въ Бухарѣ, и съ водвореніемъ узбековъ въ Коканѣ и въ сѣверномъ Туркестанѣ—пока, наконецъ, по прошествіи двухъ сотъ лѣтъ власть не перешла въ руки къ Кхоіямъ.

Послѣдніе оказались не лучшими правителями, чѣмъ тѣ, отъ кого они отняли власть, и страна не знала мира до тѣхъ поръ, пока не перешла въ руки китайцамъ.

Послѣ Кизра Кхоія управленіе Моголистаномъ перешло къ сыну его Магомету Хану, современнику Улугъ Бега въ Маваранахарѣ, и Шахруха въ Хоросанѣ, который и былъ послѣднимъ изъ Какановъ или «Императоровъ», управлявшихъ въ духѣ и съ блескомъ, Чагатайскаго двора. Онъ былъ богатый князь и благочестивый мусульманинъ. Во время царствованія его магометанская *шара* была твердо установлена закономъ страны, и государство наслаждалось миромъ и благодепствіемъ.

Во время же послѣдующаго царствованія сына его Шеръ Магомета Хана, страна повергалась въ безпорядки, вслѣдствіе возмущенія Вансъ Хана, сына брата его Шера Али Оглана, который, собравъ безчисленную шайку киргизовъ и казаковъ, пробѣгалъ страну по всѣмъ направленіямъ и дѣлалъ набѣги на территорію Ташкента и Кокана. Посреди этихъ безпорядковъ умеръ Шеръ Магометъ Ханъ,

и престоль его перешель къ его племяннику, мятежнику Вансъ Хану. Онъ не могъ болѣе сдерживать безпорядочную шайку бродягъ, собранныхъ имъ, и самъ по наклонностямъ, стремясь къ возбужденіямъ военной жизни, бросилъ заботы объ управленіи и сталъ предпринимать постоянныя безплодныя кампаніи для обращенія калмыковъ.

Амиръ Кудададъ, наслѣдственный губернаторъ Кашгара — избавившій ребенка Кизръ Ыхоія отъ когтей его дяди Камаруддина, и этимъ не допустившій прекратиться роду, и въ теченіи трехъ четвертей столѣтія съ искренной преданностью служившій Мугольскимъ ханамъ, и пріобрѣвшій любовь народа своею честностью и справедливымъ управленіемъ — теперь въ преклонныхъ лѣтахъ, не надѣясь болѣе возстановить порядокъ въ странѣ, рѣшился покинуть ее. Онъ позвалъ Улугъ Бега въ Чуй, и передавъ ему Муголистанъ, покинулъ страну, чтобы кончить свою, богатую событіями, жизнь въ священной и мирной мѣстности около гроба Пророка.

Муголы, недовольные такой передачей разсѣялись по степямъ и Улугъ послалъ армію покорить ихъ. Во время битвы на берегахъ Чуй былъ убитъ Вансъ, и Кашгаръ заняли Самаркандскія войска. Тутъ начался споръ о правахъ наслѣдства между двумя младшими сыновьями Улуга, Юнусомъ и Эшанбогомъ. Сторонники перваго отправили его къ Улугу съ намѣреніемъ поддерживать его притязанія, но тотъ отослалъ дикаго молодого Мугола къ отцу своему Шахруку въ Гератъ; а тотъ отдалъ его на попеченіе извѣстнаго Маулана Шарифуддина Али Уазди, чтобы воспитать и образовать его.

Между тѣмъ Эшанбога, будучи просто куклой въ рукахъ мугольскихъ начальниковъ, разьединенныхъ завистью и раздоромъ, былъ наконецъ возведенъ на престоль Аксу Миромъ Саидомъ Али, который пріобрѣлъ снова свое законное право на Кашгаръ отъ намѣстниковъ Улуга, послѣ четырнадцатилѣтняго отсутствія. Но онъ былъ принужденъ покинуть Аксу для болѣе вѣрнаго пріюта въ своихъ степяхъ, и тутъ разнообразилъ монотонность жизни своей послѣдовательными набѣгами на Сирамъ и Ташкентъ, и нашествіемъ на Коканъ и Андижанъ. Эти враждебныя дѣйствія принудили Абу Саида, наслѣдника Улугъ Бега, вытребовать Юнуса изъ убѣжища его въ Ширазъ, и водворить на Мугольскій престоль. По своему свѣтскому образованію въ Персіи онъ былъ совершенно неспособенъ бороться съ грубымъ варварствомъ своего кочующаго народа, отъ котораго онъ отчуждался во время двадцати пятилѣтняго отсутствія, и его

первая пощетка — взятая за бразды правленія — оказалась неудачною. Съ помощью своего покровителя и брачнаго союза съ своимъ предшественникомъ въ Бухарѣ и съ правителемъ Кокана, ему напослѣдокъ удалось ненадежно устроить управленіе свое въ Ташкентѣ, и пріобрѣсти весьма непрочную власть надъ Кашгаромъ, который былъ раздѣленъ между Эшанбогой на востокѣ и Миромъ Саидомъ Али на западѣ, и соответственно этому между ихъ дѣтьми. По смерти Юнуса, власть узбековъ, быстро усиливавшаяся при Шайбанъ Ханѣ, во время его царствованія, пріобрѣла полнѣйшее господство надъ всѣми княжествами Бухары и Кокана. Ташкентъ скоро присоединился къ нимъ, и Махмудъ сынъ и наслѣдникъ Юнуса, былъ оттѣсненъ опять въ степи; но не въ силахъ будучи устранить раздоръ и недовольство между Муголами, онъ покинулъ ихъ бочевье, и отправился искать убѣжища въ Ташкентѣ, гдѣ былъ казненъ вмѣстѣ со всѣмъ своимъ семействомъ начальникомъ узбековъ. Братъ его Ахмадъ Ханъ, прозванный *Алайемъ «убійцей»*, во время жизни Юнуса, не царствовалъ надъ степями, и подчинилъ враговъ своихъ между кочевниками съ такой жестокостью и безсердечіемъ, что заслужилъ себѣ названіе, подъ которымъ извѣстенъ въ исторіи; онъ захватилъ Кашгаръ отъ Абабакара внука Мира Саида Али, завладѣвшаго западной половиной территоріи и назначилъ столицею свою Яркандъ. Онъ взялъ города Кашгаръ, Янги Хисаръ, и осадилъ Яркандъ; но напослѣдокъ былъ прогнанъ Абабакаромъ обратно въ свои степи.

Возвратившись изъ этой экспедиціи, и узнавъ о судьбѣ Махмуда, онъ отправился отомстить за его смерть, но потерпѣлъ поражение и, возвратившись въ Аксу, умеръ тамъ слѣдующей зимой. Многочисленные сыновья его, раздѣлили управленіе Муголистаномъ между собою и Абабакаромъ. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ междоусобной войны Мангуръ упрочилъ свое управленіе въ Аксу, въ то время какъ братъ его Султанъ Саидъ, который послѣ множества приключеній, нашелъ убѣжище въ Кабулѣ, и вернувшись, какъ партизанъ Бабура, захватилъ западную половину территоріи отъ Абабакара; оба брата вмѣстѣ стали править Кашгарскими княжествами.

Султанъ Саидъ былъ послѣднимъ изъ Мугольскихъ хановъ, имѣвшимъ дѣйствительную власть въ странѣ. Онъ покорилъ кочующія племена сѣверныхъ окраинъ и отстоялъ побѣды, одержанныя Абабакаромъ около Вадакшана и Кашмира. Въ 1531 — 32 по Р. Х., онъ нацалъ на Тибетъ съ арміей въ 5,000 человекъ, но захворалъ

по дорогѣ въ горы и, найдя, что страна не можетъ содержать войска во время зимы, онъ занялъ Балхъ съ тысячею людьми, а остальныхъ послалъ подъ начальствомъ сына своего Искандера на зиму въ Капширъ.

На слѣдующее лѣто онъ соединился съ этими войсками и, отправивъ ихъ для завоеванія Хласы или Аорзанга, самъ пошелъ обратно въ свою столицу. Онъ умеръ, переходя горы, недалеко отъ Каракарумскаго прохода, отъ дѣйствія слишкомъ рѣзкой атмосферы. Старшій сынъ его Рашидъ теперь двинулся изъ своего княжества Абу и захватилъ столицу. Онъ казнилъ и сослалъ всѣхъ вѣрныхъ слугъ своего отца, разогналъ его семейство и соединился съ узбеками. По смерти Мансура, онъ присоединилъ всю страну къ Турфану, подъ одно общее управленіе, но послѣ кончины его, вслѣдствіе раздоровъ между его сыновьями, многія княжества отошли къ различнымъ членамъ семейства, болѣе или менѣе между собою враждовавшимъ.

При такомъ положеніи безпорядка и слабости, Кхоія-Кидаятулла, прозванный Хаэратомъ-Афакомъ, глава фамиліи священниковъ, потомковъ извѣстнаго Маэдуми-Улазима Бухарскаго, только въ предидущемъ годѣ пріобрѣвшаго положеніе въ Кашгарѣ, завладѣлъ властью при порядочной долѣ интригъ, заговоровъ и раздоровъ. Отстраненный цѣлою партіей противниковъ, Кхоія—въ серединѣ семнадцатаго столѣтія — призвалъ на помощь себѣ правителя Или или Джунгара; но тотъ завладѣлъ страной для себя, просто назначивъ Кхоія управителемъ княжества, подъ начальствомъ лицъ, назначенныхъ имъ.

Конечно, это не доставило мира странѣ, и по смерти Афака снова вспыхнула война между Кхоіемъ, его сыновьями и наслѣдниками въ-за господства, и продолжалась подъ различными фазами болѣе чѣмъ цѣлое столѣтіе, когда анархія въ Джунгаріи привела къ занятію Или китайцами и къ ихъ послѣдующей побѣдѣ надъ Кашгаромъ.

Китайцы, завладѣвъ страной, нисколько не вмѣшивались во внутреннюю администрацію, которая осталась, какъ и была до сихъ поръ, въ рукахъ мусульманскихъ агентовъ, подъ надзоромъ китайскихъ чиновниковъ, которые, въ свою очередь, находились всѣ подъ вѣдѣніемъ губернатора, назначеннаго изъ Пекина; но они поставили хорошей гарнизонъ въ столицу каждаго изъ княжествъ и заняли

другіе стратегическіе пункты и пограничныя посты для защиты страны, сохраненія порядка, покровительства торговли и сбора доходовъ.

Движеніе китайцевъ такъ далеко на западъ обезпостило всѣ маленькія княжества Средней Азій, и духовенство, подстрекаемое возваніями изгнанныхъ Кхоіевъ, которые нашли пріютъ въ Коканѣ, призывало князей и народъ соединиться подъ зеленое знамя ислама для отраженія невѣрнаго врага. Но тогда, также какъ и теперь, анархія, зависть, соперничество раздѣляли главныя независимыя княжества съ этой столицей магометанскаго благочестія, и невѣжество не допускало какого нибудь соединенія или единства въ дѣйствіяхъ, хотя самопоставленный монархъ, вновь установившагося Афганскаго царства, вичасъ своей внезапно пріобрѣтенной властью, послалъ войско защитить границы Ташкента, и въ то же время послы его отправились въ Пекинъ съ высококомѣрнымъ требованіемъ возвращенія Кашгара его мусульманскимъ правителямъ.

Посольство его встрѣтило цѣлый рядъ всевозможныхъ неудачъ и Ахмадъ-Шахъ былъ очень доволенъ, что могъ хоть отмстить за себя и, сдѣлавъ набѣгъ на Вадакшанъ, онъ оставилъ исламъ въ Кашгарѣ на произволъ судьбы, а самъ употребилъ съ большей пользою оружіе свое въ Пенджабѣ. Лишенные власти Кхои между тѣмъ, продолжали предъявлять свои требованія и пользовались каждой представлявшейся возможностью, чтобы напасть на страну и пытаться снова пріобрѣсти свои патримоніальныя права.

Такія попытки имъ удавались вслѣдствіе возможности заводить интриги черезъ короткія сношенія, существовавшія во время китайскаго управленія, между западными княжествами Кашгара и ханствомъ Коканскимъ, тѣмъ болѣе, что пекинское правительство предоставило торговыя привилегіи хану коканскому, территория котораго, *paripassu* съ установленіемъ китайскаго правленія въ Кашгарѣ, развилась въ независимое княжество.

Не разъ какъ четыре раза въ теченіе настоящаго столѣтія Кхои нападали на Кашгаръ изъ Кокана и подняли три западныхъ княжества Хотанъ, Яркандъ и Кашгаръ противъ китайской власти. Всюду ихъ привѣтствовали радостными криками, какъ избавителей отъ ита невѣрныхъ, и всюду, послѣ немногихъ недѣль господства, ихъ уже гнушались, какъ безсовѣстныхъ развратниковъ, и проклинали, какъ безжалостныхъ тирановъ. Всюду они бѣжали передъ силою ки-

тайцевъ, не имѣя войска, чтобы сопротивляться въ минуту нужды, или которое бы пошло за ними въ случаѣ неудачи. И всюду съ радостью привѣтствовали возстановленіе власти невѣрныхъ, не смотри на неизбѣжныя при этомъ гоненія, казни и пытки, какъ меньшее изъ двухъ золъ—такъ какъ за возстановленіемъ этой власти слѣдовали покровительство, законъ, торговля и благосостояніе, изъ которыхъ ни то, ни другое не было извѣстно при безобразіи и грабежѣ шаегъ низкихъ искателей привлеченій Кхоивъ.

Послѣдняя революція въ Кашгарѣ, произведенная коканцами, была при Кхоиѣ-Вали-Ханѣ въ 1857 г. Въ это время у окраинъ установилась новая власть, и вмѣстѣ съ появленіемъ русскихъ на Яксартѣ и на берегахъ Иссыкъ-Куля вліяніе хана коканскаго, съ одной стороны, и китайцевъ въ Кашгарѣ—съ другой, относительно и существенно уступило болѣе или менѣе честолюбію ихъ болѣе могущественнаго сосѣда, и оба равномѣрно, хотя отъ дѣйствія различныхъ причинъ, скоро совершенно разстроились отъ анархіи и матажа, къ немалому удовольствію ихъ обоюднаго врага, стоявшаго на окраинахъ ихъ.

Во время внутренней вражды и безпорядковъ этого времени, потрясавшихъ ханство Коканское, русскіе, понуждаемые обстоятельствами, въ которые они были поставлены, двинулись и присоединили къ себѣ главную часть территоріи. Вслѣдствіе этого, кашгарская революція, поддѣявшаяся изъ китайскихъ провинцій востока, выпудила ихъ вмѣшательство и захватъ власти надъ Джунгарією; и это произошло вовсе не въ удобное для нихъ время, когда на рукахъ у нихъ было еще присоединеніе Самарканда.

Въ то время, какъ русскіе были заняты этимъ, Кхоиѣ-Бузургъ-Ханъ, конечно, къ немалому ихъ удовольствію, побипулъ предѣлы Ташкента, съ позволенія Алимъ-Кула, и съ своимъ маленькимъ отрядомъ бродягъ, подъ начальствомъ батурбаши-Якубъ-Бека, отправился изъ Кокана, чтобы завладѣть властью своихъ предковъ надъ раздѣленными княжествами Кашгара, теперь совершенно отдѣленными отъ сообщеній съ Китайской имперіей дунганскимъ возстаніемъ.

Здѣсь совершенно не нужно подробно описывать краткую и порочную жизнь Кхоиѣ, точно также какъ и счастливаго генерала его Якубъ-Бега, во время завоеванія Кашгара. Достаточно будетъ сказать, что Якубъ-бегъ, низвергнувъ своего господина, обязанъ былъ успѣ-

хомъ своимъ помощи андиджанскихъ или коканскихъ эмигрантовъ и купцовъ, набранныхъ имъ въ странѣ, и подобно всѣмъ магометанскимъ узурпаторамъ при подобныхъ условіяхъ образованія и обстоятельствъ, воспользовался правами неограниченныхъ деспотовъ, постоянно злоупотребляющихъ ими ради личныхъ интересовъ.

Вслѣдствіе этого, мы находимъ, что исторія шести лѣтъ, въ продолженіи которыхъ онъ постепенно приобрѣлъ въ свое неоспоримое владѣніе шесть главныхъ княжествъ территоріи—Турфанъ, Куча, Аксу, Кашгаръ, Ярландъ и Хотанъ, изъ которыхъ каждое имѣло свое грустное преданіе о своихъ бѣдствіяхъ и страданіяхъ—представляетъ страшную картину несчастій и разоренія страны, вслѣдствіе постоянного обращенія ея въ магометанское государство по образцу нетерпимыхъ и фанатическихъ дворовъ, счастливо поконченныхъ—какъ мы надѣемся—въ Бухарѣ и Коканѣ.

Событія этого періода, на сколько мы могли удостовѣриться въ нихъ во время нашего пребыванія въ странѣ, въ дѣйствительности мало отличались отъ вѣстей, отъ времени до времени долетавшихъ изъ пограничныхъ базаровъ Пенджаба, и временами нѣсколько освѣжавшихся любопытными подробностями, привозимыми купцами, которые возвращались съ сѣвера.

Въ это время, богатое событіями, въ ханствахъ Кашгарскихъ совершались страшныя интриги, низкія измѣны, цѣлый рядъ отвратительныхъ убійствъ и заключеній въ тюрьму, конфискацій, казней и пытокъ, подробности которыхъ ужасны.

Черезъ подобную пытку, какая описана выше, прошли ханства Кашгарскія прежде, чѣмъ достались Якубъ-Бегу, т. е. *Аталыку-Газы* или «Защитнику Вѣры», который завладѣлъ страной и оживилъ ея упадавшій исламъ по образцу правовѣрнаго ученія *Сунни*, строгой поддержкой *Шара* и возобновленіемъ магометанскихъ святынь по всей странѣ.

А между тѣмъ царствующія фамиліи вновь образовавшихся ханствъ въ Хотанѣ и Аксу были истреблены. Преклонный лѣтами начальникъ Урумчи бѣжалъ во время бури, разразившейся послѣ заключенія его въ тюрьму Якубъ-Бегомъ и уничтожившей его столицу, и оставилъ свою населенную и цвѣтущую территорію опустошенной и ничтожной пустыней. Изъ дунганскихъ же предводителей и губернаторовъ восточныхъ городовъ ни одинъ не пережилъ своего паденія.

Съ установленіемъ новаго *режима* и съ уничтоженіемъ всего, что могло какимъ нибудь образомъ казаться способнымъ противо-дѣйствовать ему, страна соединилась подѣ властью одного правителя, имѣющаго цѣлью подвести все подѣ одинъ законъ — подѣ знамя ислама. При безпокойномъ элементѣ буддистскихъ калмыковъ которые переселиваются на восточныхъ окраинахъ и китайцевъ, и калмыковъ, смѣшанныхъ съ магометанскимъ населеніемъ, такая задача сама по себѣ представляетъ не мало трудностей, не принимая въ соображеніе характеръ матерьяла, который правителю приходится обрабатывать, чтобы удержать власть свою въ побѣжденной имъ странѣ. Будемъ надѣяться въ интересахъ филантропіи и цивилизаціи, что побѣдитель — теперь, когда передъ нимъ открытое поле — окажется достойнымъ принятой имъ на себя задачи, и что сношенія, устроенныя имъ подѣ разными предлогами съ европейскими правительствами, *наиболѣе сильными въ Азіи, въ короткое время послужать поводомъ ввести просвѣщенное, справедливое и снисходительное управленіе въ мѣстахъ, гдѣ плоды такого управленія обѣщаютъ болѣе богатую жатву, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ Средней Азіи.*

Послѣ этого краткаго необходимаго общаго обзора страны и народовъ ея, мы можемъ приступить къ разсказу о путешествіи посольства въ Кашгаръ въ 1873 году.

ГЛАВА I.

Приготовленія къ дорогѣ.—Остановка въ Мурри.—Отъѣздъ.—*Нара* или веревочный мостъ.—Способъ переправы.—Лагерныя приключенія.—*Ихула* или подвижной мостъ.—Ихеламская долина.—Развалины древнихъ храмовъ.—Мостъ Каддаль.

Въ первые дни 1873 года въ Кашмирѣ прибылъ, послѣ труднаго переѣзда черезъ горы, отрядъ въ восемь или десять андиджанскихъ или кобанскихъ всадниковъ подъ начальствомъ челоуѣка, совершившаго лѣтомъ 1870 года путь къ сѣверу отъ Сринагара въ Ярандъ вмѣстѣ съ миссіей м-ра Форсита. Появленіе ихъ въ такое время года было совершенно неожиданно; но узнавъ сущность ихъ порученія, ихъ радушно приняли и отправили дальше въ сопровожденіи официальныхъ лицъ магараджи.

Сандъ Якубъ Ханъ, *Торахъ*, посланный Аталыка Газы къ вице-королю Индіи и къ турецкому султану, прежде всего явился въ лагерь намѣстника Пенджаба, который проживалъ въ Гасанабалѣ во время маневровъ арміи, ступившей въ эту мѣстность, и, представившись сэру Генри Девизу, сообщилъ ему причину своего посѣщенія.

Послѣ недолгаго пребыванія тамъ, въ продолженіе котораго онъ пользовался искреннимъ гостепрѣимствомъ и былъ свидѣтелемъ такого военнаго зрѣлища, которое по роскоши и великолѣпію, могу сказать, дѣйствительно можно видѣть только въ Индіи, онъ отправился въ Калькутту, и, удовлетворительно окончивъ тамъ свои дѣла съ индѣйскимъ правительствомъ, отправился съ порученіемъ въ Константинополь.

Во время его отсутствія было организовано посольство въ Кашгаръ для заключенія торговаго трактата съ государствомъ, трактата

въ пользу заключенія котораго Аталыкъ Газы черезъ посла своего выразилъ искреннее желаніе, какъ доказательство успѣха дружескихъ отношеній, недавно установившихся между двумя правительствами.

М-ръ Т. Д. Форситъ — нынѣ сэръ Дугласъ Форситъ — по знанію своему мѣрь, употребляемыхъ нами для развитія нашей торговли съ Яркандомъ, и вслѣдствіе знакомства своего съ страной и народомъ, съ перваго же взгляда казался больше подходящимъ чѣмъ другіе, чтобы встать во главѣ такого предпріятія, и потому былъ выбранъ для этой важной обязанности. Вице-король Индіи назначилъ его уполномоченнымъ посломъ въ упомянутое государство.

Къ нему былъ присоединенъ цѣлый штабъ ученыхъ и военныхъ съ цѣлью воспользоваться представлявшимся случаемъ и пополнить наши слабыя знанія этихъ въ высшей степени интересныхъ и совершенно неизвѣстныхъ странъ, лежащихъ на сѣверѣ за Гиммалаемъ, и которая экспедиція предполагала посѣтить на обратномъ пути въ Индію. Въ программу маршрута входили Хотанъ и Аксу и путешествіе черезъ Бадакшанъ и Балъкъ въ Кабулъ.

Въ то время эта экспедиція привлекала не мало вниманія и возбуждала интересъ врядъ ли менѣе поддерживаемый въ Англіи, чѣмъ въ самой Индіи.

Индійская пресса много говорила объ этомъ движеніи, и смотрѣла на предметъ съ различныхъ точекъ зрѣнія. И даже до отъѣзда посольства обсуждала цѣль его — и коммерческую, и ученую, и политическую — безцеремонно и нескромно, и разбирала индивидуальныя достоинства многихъ членовъ болѣе прямо, чѣмъ любезно. Описанія предстоявшаго намъ неудобства, неизбежныя при такой поѣздкѣ, и страшная судьба, которая могла сразу пресѣчь торжество нашего предпріятія, — все это ярко было изображено извѣстнымъ писателемъ въ *Пионеръ*, и придадо нѣкоторую пикиантность нашей экспедиціи.

Не смотря на все мое уваженіе къ правдивости вышеупомянутаго писателя, я прибавлю здѣсь, относительно его предостереженій и грустныхъ предсказаній, что въ книгѣ своей я умалчиваю объ опасныхъ соблазнахъ, предсказывавшихся имъ, изъ чего читатель можетъ смѣло заключить, что мы, слава Богу, не имѣли причины опасаться предсказываемыхъ нападокъ на святость нашихъ брачныхъ обѣтовъ. Что же касается холостыхъ членовъ нашей экспедиціи, то они могутъ говорить сами за себя. Къ счастью, они не испытали опасно-

стей, предсказываемыхъ имъ, отъ раздражительнаго характера и необузданнаго бѣшенства Аталыка Газы; никто изъ участвовавшихъ въ экспедиціи не лишился головы, ради удовлетворенія прихоти разгнѣваннаго деспота, точно также никто изъ пасъ не познакомился съ помѣщеніемъ въ русской тюрьмѣ.

Дѣйствительно же пережитое нами все разскано въ этой книгѣ. Теперь же пока вернемся къ приготовленіямъ къ путешествію.

Нужно было много приготовленій и тщательнаго вниманія къ подробностямъ снаряженія нашего отряда въ степени, соответствующей съ требованіями экспедиціи, и соразмѣрной съ важностью порученія.

Чтобы не быть стѣсненными въ движеніи и имѣть возможность самимъ контролировать за перевозкой, было рѣшено приобрести сто вьючныхъ муловъ для спеціальной потребности посольства. Сбруя и вьюки всѣ были сдѣланы на казенномъ заводѣ въ Капгапурѣ, и сдѣланы чрезвычайно хорошо и по лучшимъ образцамъ. Вьючныя сѣдла были сдѣланы по Ново-Зеландскимъ образцамъ и приспособлены какъ для верховой ѣзды, такъ и для навьюченія, смотря по надобности, а вьючные мѣшки были сдѣланы изъ кожи, спиты мѣдными проводочными цитками и на видъ были гораздо болѣе удобными, чѣмъ оказались на дѣлѣ.

Палатки были сдѣланы на заказъ на заводѣ Лагоръ Централь Джейль по образцу, доставленному м-ромъ Форситомъ, и, не смотря на множество шестовъ (три прямыхъ шеста, изъ двухъ кусковъ каждый, и два складныхъ верхнихъ шеста) подпорокъ и веревокъ, оказались просторными и удобными, и достаточно защищали отъ непогоды. Онѣ напоминали нѣсколько «швейцарскіе домики», съ двойными крышами; наружная крыша выдавалась кругомъ и образовывала спереди пѣчто въ родѣ веранды, съ боковъ прикрывала закрытые выступы, а сзади комнату для вапны. Эти палатки отлично служили намъ во время путешествія, и мы ихъ привезли обратно въ лучшемъ состояніи, чѣмъ какую либо другую часть нашей лагерной обстановки.

Когда были окопчены какъ эти, такъ и другія лагерныя приготовленія, наняты были люди для поставокки палатокъ, погонщики муловъ и т. д., сдѣланы запасы съѣснаго продовольствія, снаряженъ военный конвой, и—на послѣдокъ, хотя ни въ какомъ случаѣ не послѣднее съ точки зрѣнія значенія и не послѣднее въ порядкѣ вещей—

сдѣланы условія съ кашмирскимъ магараджей о доставкѣ провизіи и припасовъ въ различныя мѣста остановки по необитаемымъ гористымъ мѣстностямъ Тибета, по Карокоорумской и Чангшанмоской дорогамъ, о доставкѣ экипажей и продовольствія по дорогѣ черезъ Кашмиръ. Экспедиціи велѣно было собраться въ Раваль Пинди къ 1-му іюля, и къ этому дню туда прибылъ подполковникъ Т. Е. Гордонъ и принялъ начальство.

Изъ Раваль-Пинди экспедиція двинулась двумя отрядами въ Мурри, и стала тамъ лагеремъ на равнинѣ, куда за нѣсколько дней до прихода нашего кашмирскія власти, снисходя къ нашему желанію, послали цѣлую вереницу въ восемьдесятъ или девяносто осѣдланыхъ и вьючныхъ лошадей для надобностей посольства. Тутъ я достигъ посольство, познакомился съ членами его и узналъ о назначенномъ порядкѣ нашего путешествія. Каждому изъ насъ была дана палатка, столъ и стулъ и три пары вьючныхъ чемодановъ (которыя долженъ былъ ограничиться нашъ личный багажъ), всѣ одного образца, и вновь заклеенные. Каждый изъ насъ долженъ былъ ограничиться двумя личными слугами и двумя верховыми лошадьми съ двумя грумами, и кромѣ того всѣ имѣли право пользоваться общимъ столомъ. Подвозка, постановка и разборка палатокъ и весь порядокъ остановокъ были организованы съ военной точностью; и съ начала конца, какъ мы впоследствии убѣдились, превосходно управлялись распоряженіями капитана Э. Ф. Чапмана, квартирмейстера главнаго штаба, которому обязанность эта была поручена.

15-го іюля передовой отрядъ подъ начальствомъ капитана Бидуфельда двинулся на Сригнагаръ; онъ состоялъ изъ капитана Трошета и при немъ туземнаго землемѣра Абдусъ-Субгана съ его помощниками; доктора Столички и туземнаго набивателя чучель; Райзайдаръ Афзаль Хана; госпитальнаго чиновника Асматъ Ази; пѣхотнаго конвоя и завѣдующаго *мослакхана* т. е. подарками.

Черезъ четыре дня по той же самой дорогѣ двинулся лагерь главной квартиры подъ начальствомъ полковника Гордона. Въ его отрядѣ находились мы съ капитаномъ Чапманомъ; капитанъ А. Риндъ 92-го шотландскаго полка, лагерный комиссаръ; Мунзи Физъ Бакшъ, персидскій секретарь м-ра Форсита, Тара Сингъ, казначей и счетоводъ; столовое отдѣленіе; начальникъ госпиталя; Джамадъръ Сиффатъ Ханъ съ десятью всадниками кавалерійскаго отряда,

лагерная прислуга и провіантъ, пріемныя палатки и обстановка по-
сольства и уполномоченнаго.

Таковъ былъ составъ лагеря главной квартиры Капгарскаго по-
сольства, когда оно выступило изъ Мурри въ утро 19-го іюля 1873
года. Время дождей уже началось, и мы приготовились встрѣтить и
бури, и ливни на немногихъ переходахъ, которые привели бы насъ за
предѣлы муссона. Мы надѣялись выступить въ одинъ изъ тѣхъ переры-
вовъ, когда исчезаетъ масса тучъ, перерывовъ не рѣдкихъ въ доли-
нахъ и смягчающихъ тяжелый полусвѣтъ дождливаго времени и на
короткое время возбуждающихъ къ дѣятельности подавленную энер-
гію животной жизни. Въ такіе перерывы дѣса являются во всемъ
своемъ великолѣпнн и величнн, а горы представляютъ роскошныя па-
норамаы и со всѣхъ сторонъ слышатся крики восторговъ и радостей
какъ птицъ, животныхъ, такъ и людей.

Судьба не даровала намъ такого отраднаго зрѣлища. Напротивъ
того, отрядъ нашъ двинулся въ такой дождь, какой мнѣ рѣдко при-
ходилось видѣть и который порядочно смылъ яркую полировку на-
шихъ лагерныхъ экипажей и испыталъ бодрость нашихъ людей и
лошадей. Замедленіе произошло отъ навьючиванія и отправки 105
мудовъ и лошадей, и шестидесяти или семидесяти носильщиковъ, со-
ставлявшихъ нашъ транспортный караванъ; но при небольшой кро-
тости и терпѣннн все отлично устроилось и двинулось въ путь въ
такомъ порядкѣ и въ такомъ хорошемъ настроеннн духа, какого труд-
но было ожидать при настоящихъ обстоятельствахъ. Къ счастью пе-
реходъ въ Деваль былъ не великъ, и остановка тамъ на слѣдующій
день дала намъ возможность высушить наши палатки и вещи въ
чемоданахъ. 21-го числа, мы прошли десять миль до Богала и оста-
новились тамъ на слѣдующій день. Мы нашли отрадный пріютъ отъ
удушливаго жара въ глубокомъ и узкомъ проходѣ Игелама, подъ со-
ломенной кровлей, въ то время какъ лагерь нашъ раскидывался вдоль
берега рѣки по ниже, во многихъ мѣстахъ заваленной скатившимися
съ откосовъ глыбами земли.

23-го мы снова пустились въ путь и, перейдя быструю рѣчку по
хорошенькому маленькому висячему мосту недалеко отъ послѣдней
станціи, ступили на Кашмирскую территорію. Начиная отъ моста,
гдѣ до постройки его въ 1870 году рѣчку переѣзжали на паромѣ,
всегда болѣе или менѣе на авось, а очень часто и тонули—идутъ
двѣ дороги къ «Счастливой Долинѣ», какъ обыкновенно называется

Кашмирскій бассейнь, и обѣ соединяются въ Чикаръ, гдѣ начинаютъ уже подниматься пизменныя долины Игелама. Болѣе короткая, но болѣе трудная дорога идетъ прямо черезъ холмъ Данна, другая обгибаетъ кругомъ къ сѣверу черезъ Игеламскую долину.

Мы отправились по послѣдней и, миновавъ станціи Чаттаръ, Рара, Тандали, Гаттіанъ и Чикаръ, прибыли въ Чакоги, гдѣ остановились на одинъ день и снова свободно вздохнули горнымъ прохладнымъ воздухомъ, который послѣ удушливыхъ жаровъ и неспособныхъ москитовъ въ низменныхъ ущельяхъ въ высшей степени освѣжилъ и людей, и лошадей.

Жаръ въ этихъ маленькихъ ущельяхъ—террасами засаженныхъ рисовыми полями и замкнутыхъ со всѣхъ сторонъ высокими горами—невыносимъ въ это время года и жестоко измучилъ нашихъ животныхъ и ихъ погонщиковъ. Я нашелъ, что онъ нестерпимѣе, чѣмъ жаръ въ это же самое время года въ открытыхъ долинахъ Индіи—въ Пенджабѣ, напримѣръ. Тамъ жаръ великъ, но воздухъ легокъ и подвиженъ, и не мѣшаетъ дышать. Тутъ же, напротивъ того, солнечныя лучи свѣтятъ черезъ слой густаго пара, накаплиющагося на вершинахъ горъ, и отягощаютъ атмосферу, замкнутую между глубокихъ ущелій, такъ что воздухъ становится тяжелымъ, удушливымъ паромъ и такъ и давитъ на человѣка.

Дорога, однако же, многолюдна и безъ сомнѣнія пройдена многими кашмирскими туристами. Но я не стану описывать, какъ и не стану упоминать о каждой станціи обыкновенно устроенной на какомъ нибудь откосѣ, спускающемся къ рѣкѣ; это домъ первобытной постройки, не лишенной гостепріимной кровли. Эти станціи были устроены кашмирскимъ правительствомъ, для удобства проѣзжающихъ и путешественниковъ, и доступъ въ нихъ свободенъ; но прислуга и продовольствія въ нихъ нѣтъ, хотя послѣднее всегда можно достать по сосѣдству.

Въ это же наше путешествіе мы находили на каждой станціи обильный запасъ всякаго рода продовольствія для насъ самихъ и для провозатыхъ лошадей, носильщиковъ и всевозможный лагерный фуражъ, приготовленный кашмирскими властями для посольства. Это обиліе и утонченное вниманіе были совершенно исключительными и вызваны особенными обстоятельствами.

Во время пути нашего по этой части дороги—сравнительно съ другимъ британскимъ берегомъ рѣки, весьма мало населенной—

мы видѣли различные способы, употребляемые туземцами для переправы черезъ рѣку.

Вслѣдствіе быстрины ея и громаднѣхъ валуновъ, загораживающихъ русло ея, черезъ рѣку нельзя переходить въ бродъ и нельзя переѣзжать на лодкѣ, и способъ принятый для переправы зависитъ всегда отъ мѣста, назначеннаго для нея. Такимъ образомъ черезъ Нилсуку, немного повыше соединенія его съ Игеламомъ (или, какъ его зовутъ здѣсь съ Бедестою) у Рары, переправляются по веревочному мосту, въ родѣ такихъ которые называются *нара*. Это просто веревка, протянутая отъ берега до берега, и прикрѣпленная на каждой сторонѣ къ какому нибудь выдающемуся утесу или крѣпко стоящему дереву. Берега тутъ возвышались надъ рѣкою высокими вертикальными стѣнами и показались мнѣ вышиною по крайней мѣрѣ въ 150 футовъ. Веревка снабжена стѣвкой въ видѣ люльки, привязанной къ видообразному куску дерева. Дерево образуетъ верхнюю часть люльки, и, хорошо наставленное, оно держится на веревкѣ неподвижно, хотя свободно скользитъ назадъ и впередъ отъ движенія веревки.

Изъ нашего лагеря, съ противоположнаго берега Игелама, я разсматривалъ съ большимъ интересомъ это повидимому непростое устройство, надѣясь, что увижу, какъ имъ пользуются, такъ какъ стѣпныхъ береговъ не видно было даже къ нему троцинокъ; но спустя нѣкоторое время, находя, что любопытство мое слишкомъ долго не удовлетворяется, я посадилъ слугу своего по другую сторону палатки, приказавъ ему увѣдомить меня, лишь только онъ замѣтитъ, что кто нибудь подходитъ къ указанному мною мѣсту. Онъ извѣстилъ меня, что съ нагорной стороны идетъ человекъ. Цвѣтомъ онъ такъ походилъ на землю, что я не скоро различилъ его фигуру, пока наконецъ въ глаза мнѣ не бросились его худощавыя ноги, шагавшія по выступавшей скалѣ, вдоль такъ называемой козьей тропинки. Я взоромъ слѣдилъ за обладателемъ этихъ ногъ, бывшихъ недалеко уже отъ моста, и при его приближеніи увидѣлъ, что это почти нагой горрецъ, такой же худой и несчастный, какъ кули, или носильщики въ нашемъ отрядѣ, его собратья—я тоже наши собратья по нашему общему арианскому происхожденію. За спиной у него была привязана небольшая котомка, походившая на мѣшокъ съ мукой, сверху котораго было свернуто одѣяло—признать, означавшій, что другъ нашъ отправляется въ дальній путь, такъ какъ между этимъ народомъ умѣ-

ренныхъ желаній и невысокаго интеллекта, котомка съ печенымъ изъ ячменной муки и одѣяло грубой шерсти служатъ скромными представителями различныхъ роскошныхъ и разнородныхъ принадлежностей, сопровождающихъ путешествующаго цивилизованнаго челоѣка.

Подойдя къ мосту, интересный путникъ нашъ сдернулъ котомку, привязанную сзади на оборванномъ шарфѣ, и пропустивъ концы завязокъ на плечо съ одной стороны, и подъ мышку съ другой, опъ завязала узелъ накрестъ на груди. Потомъ бросилъ боязливый, быстрый взглядъ вокругъ, и не осмотрѣвъ даже нитку, которой намѣренъ былъ вѣрить свою жизнь, осторожно спустился къ концу скалы, притянулъ люльку къ себѣ, усѣлся въ сѣтку, обхвативъ боковыя веревки такъ, что они пришли между боками и руками, оттолкнулся отъ берега и пролетѣлъ половину дороги.

Сначала люлька съ тяжестью проскользнула по скату веревки и быстро, и легко, но по серединѣ остановилась въ углубленіи, отвисшемъ отъ ея тяжести, и смѣлый путникъ нашъ очутился висающимъ на воздухѣ надъ стремящимся, шумнымъ, пѣнистымъ потокомъ. Онъ подождать съ минуту, пока не перестала дрожать веревка, и потомъ началъ доканчивать переправу. Онъ для этого ухватился за веревку обѣими руками и, толкаясь впередъ внезапнымъ подергиваніемъ ногъ, подвигался на футъ или на два; такимъ-то образомъ трудясь, онъ перебрался на другой берегъ. Послѣ каждаго толчка, онъ крѣпко держался минуту или двѣ и, пользуясь колебаніемъ веревки, давалъ возможность дереву скользить, чтобы подвигаться.

Эта переправа должна быть и тяжела, и отважна, какой она и показала на мой непривычный глазъ; но народъ, бывший со мной, говорилъ, что такая переправа и проста, и безопасна, и что несчастные случаи весьма рѣдки, хотя мостомъ этимъ постоянно пользуются. Веревка эта, какъ мѣ сказали, есть ничто иное какъ плотная, толстая, и крѣпкая пень длиннаго ползучаго растенія, смѣшаннаго съ крѣпкими лозами растенія изъ рода индигоносницы, которыя оба въ изобиліи растутъ на склонахъ всѣхъ здѣшнихъ горъ; а люлька и веревки держащія ея, сдѣланы изъ сыромятной кожи. Эти мосты строятся только тамъ, гдѣ берега очень круты, и ширина переправы не слишкомъ велика. Они требуютъ исправленія каждый годъ, но такъ крѣпки, что выдерживаютъ переправу лошадей и овецъ; для этого ихъ подвязываютъ обыкновенно въ люльку, и спускаются

по покатости съ привязанной веревкой и втягиваются на другую сторону такой же веревкой.

На другой день въ Тапдали, на слѣдующей станціи за Рарой, намъ привелось видѣть совершенно другой способъ переправы черезъ рѣку, и единственнѣй, принятый въ этой мѣстности. Тутъ почва образуетъ низменную плоскость, весьма немного возвышающуюся надъ русломъ рѣки; противоположный же берегъ идетъ крутой покатостью къ самой водѣ; такое мѣсто не представляетъ точекъ опоры для *нара* или веревочнаго моста и не позволяетъ поставить быки для *гула*, или «качающагося моста», который мы видѣли потомъ.

Во время почлега нашего въ Рара шелъ сильный дождь и, громъ другихъ приключеній, опрокинулъ мою палатку, переломивъ два или три шеста поддерживавшихъ ее. Въ это время я спалъ; но ужасная тяжесть, навалившаяся на меня хуже всякаго кошмара, вскорѣ совершенно стала душить меня. Инстинктивнымъ усиліемъ руки мои приподняли тяжелый холстъ на столько, что я могъ соскользнуть съ постели и ступить на мокрый коверъ, мягкій какъ толь, на почвѣ, совершенно пропитанной водою. Прижавшись къ подиоркамъ подъ моими сундуками, я спасъ себя отъ гибели въ такомъ жалкомъ состояніи и провелъ два длиннѣйшихъ часа моей жизни, завернувшись въ какую то грязную, вонючую поцону на цюккѣ въ углу веранды, пока свѣтъ не замѣнилъ мрака и не показалъ, что только одинъ шестъ остался невредимъ. Мой крикъ, до сихъ поръ напрасно повторемый—неслышимый отъ стука дождя и шума Игеламы, грохотъ котораго въ ночной тиши господствовалъ совершенно одинъ торжественно и упорно, вслѣдствіе отсутствія какого бы то ни было звука, оживляющаго день различными криками животной жизни—наконецъ привлекъ слугъ моихъ ко мнѣ. Въ нѣсколько минутъ палатка была поправлена, и тогда, въ болѣе спокойномъ состояніи ума и души, осмотрѣвъ окружающую меня мѣстность, я поздравилъ себя, что благоразумно не послѣдовалъ являвшемуся намѣренію искать спасенія подъ кровлей станціи, находившейся около. Я зналъ, что станція набита путешественниками, которыхъ мы, прѣхавъ, уже застали, но на верандѣ можно было бы найти сухой уголокъ, если бы до нея можно было добраться. Въ темнотѣ я чувствовалъ, что это будетъ крайне трудно, и теперь это мнѣ стало очевиднымъ, такъ какъ разстояніе между нами, хотя не болѣе какъ

въ ярдовъ сто, если не менѣе, было покрыто всевозможными препятствіями. Полѣнницы дровъ, связки сѣна, мѣшки съ ячменемъ, груды сбури, вмѣстѣ съ дѣлыми бучами носильщиковъ и дрожащихъ лошадей, собранныхъ тутъ для насъ кашмирскими властями, загромождали путь самымъ живописнымъ беспорядкомъ, характеризующимъ мѣстную кочевую жизнь.

Сильный дождь нѣсколько задержалъ насъ, и мы не могли выйти изъ Рара ранѣе десяти часовъ. Полдневный жаръ и тяжело давящая атмосфера Тандали дали себя знать нашимъ людямъ и животнымъ и присоединили этотъ переходъ къ самымъ тяжелымъ изъ всѣхъ переходовъ нашего путешествія.

Въ Тадалѣ мы нашли рѣку въ полномъ разливѣ; она неслась, унося съ собою всякую всячину и вовсе не представляла зрѣлища, приглашавшаго переплыть черезъ нее. Тутъ мы видѣли, какъ переправляются на *шиназъ*, который я хотѣлъ описать, когда уклонился для разсказа о личномъ приключеніи, обрисовывающимъ несчастія лагерной жизни.

Шиназъ, обыкновенно употребляющійся на Индѣ и другихъ рѣкахъ Пенджаба, есть ничто иное, какъ надутая шкура быка или козла. Тутъ же была козья шкура, сдѣланная изъ двухъ отдѣльныхъ кожъ, связанныхъ вмѣстѣ. Каждая была надута самостоятельно черезъ деревянную втулку, вдѣланную въ одну изъ четырехъ ногъ кожи, и закупоренную деревянной пробкой. Такимъ образомъ устроенный маленький плотъ лежитъ на берегу, пока всадникъ не сядетъ на него верхомъ, всунувъ ноги въ петли, висяція съ обѣихъ сторонъ въ видѣ стремянъ, и взявшись руками за втулки и прислонившись грудью къ кожѣ, не спуститъ его въ потокъ, двигая и руками и ногами, какъ во время плаванія. Много ловкости и искусства требуется при управленіи такимъ причудливымъ маленькимъ плотомъ, чтобы вдругъ не перевернуться. Мы видѣли, какъ нѣсколько человекъ плыли на этихъ *шиназахъ* черезъ рѣку и, судя по спокойствію и ловкости, съ какими они управляли этими утлыми маленькими судами, они должно быть очень привыкли здѣсь переправляться на нихъ. Смѣлость, съ какою они разбивали волны, и ловкость, съ какою избѣгали водоворотовъ быстрины, не менѣе удивительны, какъ и искусство, съ какимъ они подбирали какую нибудь плавшую находку на пути, и твердость, съ какою они плыли, когда легкое тѣло ихъ всплывало на верхъ волнъ.

Намъ привелось видѣть при этомъ случаѣ переправу черезъ рѣку при исключительно трудныхъ условіяхъ. При обыкновенномъ положеніи рѣки переправа тутъ проста и допускаетъ даже привязывать на спину путешественника пошу, и въ случаѣ, если онъ не можетъ плыть самъ, то тянется на буксирѣ другимъ, который можетъ плыть.

Въ прежнія времена *штаназъ* гораздо чаще употреблялась, чѣмъ при болѣе благоустроенномъ управленіи, учредившемся влѣдъ за безпокойной властью въ странѣ. Тогда этимъ способомъ разбойничьи шайки переправлялись, чтобы грабить сосѣднія территории, или чтобы избѣгнуть преслѣдованія своихъ враговъ, что, при удобствѣ перевозки и скоромъ приготовленіи этихъ плотовъ, представляло имъ вѣрный и безопасный способъ переправы черезъ водныя препятствія на пути. Посреди дороги между Рара и Тандали на противоположномъ берегу рѣки, нѣсколько выше соединенія Кишанганги съ Игеламомъ, находится городъ Музафарабадъ, съ развалинами громаднаго *сарая* могольского періода. Когда афганы владѣли Кашмиромъ, они держали тутъ гарнизонъ для защиты дороги, наводненной въ ихъ время разбойничьими шайками. Эту дорогу, идущую отъ Музафарабада вверхъ къ Барамулла, параллельно съ дорогой, по которой мы слѣдовали по противоположному берегу рѣки, называютъ Дурранской дорогой Пакли или Дамтаура, и считаютъ удобнѣйшей и лучшей изъ всѣхъ дорогъ, ведущихъ въ Кашгаръ и свободной круглый годъ.

Въ Гаттіанѣ, на слѣдующей станціи за Тандалемъ, мы увидѣли «качающійся мостъ» или *ицула*, о которомъ я упоминалъ раньше. Такихъ мостовъ было два, въ виду одинъ другаго, между Гаттіаномъ и Гархи. Гархи значительная деревня по другую сторону рѣки, которая бѣжитъ тутъ по широкому руслу съ высокими берегами; сама же рѣка измѣняется шириною отъ пятидесяти или шестидесяти до полутора и болѣе ярдовъ.

Ицула дѣлается изъ трехъ веревокъ, протянутыхъ черезъ рѣку на высотѣ въ восемь, въ десять футовъ, между двумя быками, устроенными изъ камней и изъ связокъ хвороста по берегамъ рѣки. Каждый быкъ спускается, какъ гать, съ берега и заканчивается стѣпною; у воды въ него вбито нѣсколько крѣпкихъ устоевъ для поддержки веревочнаго моста. Эти веревки протянуты съ одного берега на другой въ видѣ треугольника, такъ что въ поперечномъ разрѣзѣ

они образуютъ букву V, слѣдовательно . . . — двѣ параллельныя веревки образуютъ верхній планъ, а средняя — нижій планъ. Вся эта постройка на всемъ протяженіи держится громадными ижицеобразными кусками изъ дерева, которые на каждахъ четырехъ, пяти ярдахъ укрѣплены и снизу и сверху сиромятыми ремнями, и далѣе на верху привязаны веревкой, которая протянута поперегъ между двумя верхними точками, гдѣ они укрѣплены къ веревкамъ.

Разстояніе моста этого было ярдовъ въ восемьдесятъ, и онъ значительно свѣшивался отъ своей собственной тяжести, въ то время, какъ вѣтромъ его качало самымъ страшнымъ образомъ со стороны на сторону. Мостъ этотъ переходился путниками по нижнимъ веревкамъ, положеннымъ иногда въ два, три ряда, и переходя его, сохраняютъ балансъ, держась руками за верхнія веревки, идущія по обѣ стороны на высотѣ плеча. Я видѣлъ, какъ четыре человѣка переходили мостъ этотъ въ одно и тоже время, и двое изъ нихъ несли за спинами котомки. Они шли другъ за другомъ шага на четыре, на пять и тщательно старались «сидти не въ ногу», чтобы предупредить опасное колебаніе, которое могло ихъ опрокинуть, если бы они пошли «въ ногу». Когда они подходили къ связкамъ деревянныхъ вѣдъ, они по очереди осторожно наклонялись подъ скрещенными веревками, и я замѣтилъ, что по каждому вилообразному куску дерева идти въ одно время только одинъ человѣкъ. Тяжесть четырехъ путниковъ наклонила мостъ въ серединѣ къ самой водѣ, и дѣйствительно, ноги путника ступали уже въ водѣ. Такое нырянье ничуть не опрокинуло его, чего я боялся, но замачило весь мостъ и сдѣлало его еще неудобнѣе для перехода. Это колебаніе ни на минуту не остановило путниковъ, и они всѣ перешли на другой берегъ и пошли въ разныя стороны, не взглянувъ даже на опасную переправу, которую только что мяновали, и вѣроятно, не подумавъ даже, что избѣгнули опасности.

Въ этомъ мѣстѣ, одна изъ выючныхъ лошадей нашей кавалеріи, которую конюхъ велъ подъ уздцы, упала съ берега, вышиною въ шестьдесятъ, въ восемьдесятъ футовъ, въ рѣку, и была унесена на маленькій островокъ посреди рѣки нѣсколько пониже. Оказалось, что несчастное животное переломило себѣ ногу, и потому мученія ея были прекращены пулей въ голову. Капитанъ Чапманъ, для этой печальной обязанности, переправился по *шману*. Это при-

ключеніе въ началѣ нашего пути было единственной потерей, постигнутой военныхъ лошадей нашего маленькаго козвоя, въ продолженіе всего нашего путешествія. Изъ Гаттіана мы перешли на слѣдующую станцію въ Чиваръ, гдѣ дорога Данна изъ Когала соединяется съ большой дорогой. Въ этомъ мѣстѣ мы покинули изъменную жаркую долину Игелама, и за нею началась лѣсная, прохладная дорога, которая тянется по этой сторонѣ рѣки до начала Волярскаго бассейна — знаменитой Кашмирской долины (Кашми-Меру?)—въ Барамуллѣ.

Перемѣна была пріятна какъ относительно улучшившагося климата, такъ и относительно болѣе красивыхъ видовъ. Въ Девалѣ и Когалѣ мы оставили за собою лѣса, придающіе прелесть Муррійскимъ холмамъ и, перейдя черезъ рѣку, вошли совершенно въ другой климатъ и въ другую страну.

Изъ Когала въ Чиваръ дорога наша проходила черезъ узкій, извилистый проходъ рѣки Игелама. На покатыхъ откосахъ ея террасами идутъ площадки съ рисовыми и маисовыми полями и съ поселеніями крестьянъ, окруженными огородами и изгородами. Между этими мѣстечками, общая поверхность перової почвы, занята болѣе или менѣе густыми лѣсочками, преимущественно изъ додопей, кариссы, диваго оливка, барбарису, малабарскаго орѣшника дикихъ фигъ и другихъ подобныхъ деревьевъ.

За этой береговой дорогой, холмы поднимаются высочайшими пиками, представляя безконечное разнообразіе видовъ, и громадныя пространства зеленыхъ луговъ (не прерываемыхъ ни утесами, ни лѣсомъ) тянутся вверхъ до самыхъ вершинъ.

Въ Чиварѣ мы покинули это мирное зрѣлище и перешли въ лѣсныя мѣстности, еловые и кедровые лѣса которыхъ соперничаютъ съ величественными высотами и представляютъ видъ — одинъ стоящій путешествія.

На нашей слѣдующей станціи въ Шакоѣ мы остановились на цѣлый день. Въ этотъ переходъ мы проходили небольшія кочевья цыганъ, обыкновенно называемыхъ *каниарами*, стояція по тропинкамъ Счастливой Долины. Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, она ободранные, дикіе, и счастливые въ своей грязи и бѣдности, судя по натоѣ ихъ, вовсе не чувствительны къ холодному горному воздуху и къ жаркому припѣву долины. Мы тоже встрѣтили нѣсколько громадныхъ каравановъ, направляющихся къ Раваль Инди. На трехъ, че-

тырехъ послѣдующихъ переходахъ мы встрѣтили еще такіе караваны, и нѣсколькихъ пешаварскихъ путешественниковъ, сопровождавшихъ свои небольшіе караваны въ двѣнадцать, въ пятнадцать муловъ, навьюченныхъ ассафетидой и нюхательнымъ табакомъ на Сриннагарскій рынокъ; въ этотъ разъ я замѣтилъ три каравана, изъ восьмидесяти воловъ каждый. Я узналъ отъ одного изъ погонщиковъ, что корень собираютъ на горахъ около прохода Зола, и когда мы подошли туда, я добылъ нѣсколько экземпляровъ растенія, пославъ человѣка за горы набрать его. Погонщикъ сказалъ мнѣ, что каждый волъ несетъ двѣ корзины *кута*, и что въ Раваль Пинди снадобье покупается купцами по рупіи за *серу* въ два фунта. Можно составить себѣ нѣкоторое понятіе о количествѣ этого корня, ежегодно вывозимаго изъ Каммира, изъ приблизительныхъ цифръ, сообщенныхъ этимъ человѣкомъ. 240 вьюковъ этого снадобья, попавшагося намъ на встрѣчу въ этотъ день—особенный запахъ заражалъ имъ все вокругъ—представляетъ, по восьмидесяти фунтовъ въ корзинѣ, итогъ въ 38,400 фунтовъ, стоящихъ въ Раваль Пинди 19,200 рупій. На прежнихъ станціяхъ мы встрѣчали такое же количество, и погонщикъ мой увѣрялъ меня, что такіе караваны будутъ встрѣчаться намъ еще недѣли три.

Повидимому каждый можетъ отправиться и собирать этотъ корень тамъ, гдѣ онъ растетъ, и крестьяне обыкновенно этимъ и занимаются. Растеніе это растетъ въ дикомъ состояніи, и въ громадномъ количествѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, и я не могъ узнать какимъ количествомъ ограничивается сборъ его. Корень сильно употребляется въ Индіи во время службы въ индускихъ храмахъ, и вывозится изъ Бомбея въ Китай, гдѣ его жгутъ въ кадильницахъ.

Въ тѣнистыхъ промоинахъ и рывинахъ около Шакопи, я прибавилъ нѣсколько экземпляровъ къ коллекціи маленькихъ птичекъ, настрѣленныхъ мною дорогою; но не было ни одной такой красивой, какъ бѣлая райская птица съ длиннымъ, граціознымъ хвостомъ, и яркимъ зеленымъ клювомъ, и самца того же рода, но желтаго цвѣта. Прибывъ въ Сриннагаръ, я отправилъ обитый жестью сундукъ съ этими птицами въ Индію, откуда на слѣдующій годъ они были отправлены въ Англію. Открывъ ящики, я увидѣлъ жестъ перержавленною, и все содержимое было совершенно источено долгоносцами. Къ счастью, птицы, собранныя на сѣверѣ Леха, избѣгли этой участи и прибыли въ цѣлости.

Переходъ изъ Шакоги въ Ури чрезвычайно живописенъ, но утомителенъ для выючныхъ животныхъ, вслѣдствіе крутыхъ подъемовъ и спусковъ черезъ цѣлый рядъ глубокихъ рвовъ, пересѣкающихъ дорогу, вообще хорошую и тѣнистую. По дорогѣ много обработанныхъ полей съ рисомъ, мансомъ, хлопкомъ, и стручками изъ рода, называющагося *махомъ*, которыя занимаютъ террасы по обѣимъ сторонамъ дороги. Въ промежуткахъ между этими производительными мѣстами, дорога окаймлена воложскимъ орѣшникомъ, юккой, гранатами, тутовыми деревьями, фигами и абрикосами, курмою (называющейся *амлукомъ*) и персиками, съ гроздьями винограда вездѣ между ними обвитымъ; все это въ дикомъ состояніи, съ обильной зеленью и скудными плодами.

Лагерь нашъ въ Ури былъ поставленъ между крѣпостью и станціей, на высокомъ пригоркѣ, прилоненномъ къ чуднаго вида горамъ, богатымъ различной породы лѣсами, и пріятными ярко зелеными настищами. Это было красивѣйшее мѣсто, на какомъ только намъ приводилось останавливаться, и ясное, солнечное небо надъ волнистымъ паромъ окружающимъ горныя вершины, освѣщало чудный видъ. Тишина, наступившая вмѣстѣ съ сумерками при закатѣ солнца, огласилась пріятными звуками волычки—инструмента, болѣе всякаго другаго гармонизовавшаго съ настоящимъ временемъ. Въ первый разъ сержантъ нашъ, капрадъ Риндъ, заигралъ на волычкѣ, и онъ не могъ выбрать болѣе подходящаго времени для своихъ упражненій, которыми впоследствии часто услаждалъ скучные часы нашего дальнѣйшаго пути.

Фортъ выстроенъ грязно, человекъ на 200 гарнизона, и стоитъ около рѣки, возвышаясь на вершину крутояра, выдающагося на одномъ изъ изгибовъ. Внизу идетъ *мхула*, или «скачущійся мостъ», черезъ который надо перейти на другую сторону, чтобы достигнуть Музаффарабской дороги.

Переходъ отъ Ури до Урихана Боннъ (буква *н* въ послѣднемъ словѣ произносится въ носъ) идетъ по чрезвычайно интересному мѣсту, по большой дорогѣ, которая пролегаетъ здѣсь черезъ высокія горы, господствующія надъ высокими крутоярами, прямо спускавшимися къ рѣкѣ—бушующему потоку, съ непрерывнымъ грохотомъ несущимся въ ущелье.

На полпути перехода, мы прошли мимо развалинъ храма древняго индусскаго періода. Массивные куски, отлично рѣзаннаго пес-

чаника, сваленные въ вучи, указывали только фундаментъ центрального храма и порталъ четырехъугольника, пѣкогда служившаго стѣною. Тутъ же случилось някого, кто бы могъ разсказать исторію людей въ усидненіи монастырской жизни поклонявшихся Высшему Существу въ мѣстности, очевидно благопріятствующей исполненію ихъ желаній—полнѣйшаго погруженія въ предметъ ихъ обожанія, въ Высшее Существо, Всемирнаго Создателя, Творца всей вселенной.

При слѣдующемъ переходѣ, мы прошли мимо такихъ же разваливъ, но лучше сохранившихся. Монастырь выстроенъ изъ громадныхъ каменныхъ глыбъ, и называется Банпхаромъ (или Банъ Ви-хара—«Дѣсной монастырь»). Въ серединѣ мѣста, окруженнаго четырехъугольной стѣной, стоятъ храмъ, на прочномъ фундаментѣ. Верхняя часть очевидно была возобновлепа, и когда мы проѣзжали была занята бѣднымъ браминомъ, служившимъ двумъ богамъ, стоявшимъ на алтарѣ—маленькому камепному *мнамъ*, поставленному въ *ури*, смазанному масломъ, и убранныму цвѣтами—предметъ поклоненія извращеннаго браманизма, вмѣсто исчезнувшаго мистическаго буддизма. Въ Барамулѣ стоятъ рядомъ ретивіи обѣихъ религіозныхъ системъ, и между ними *мнамъ* или Пріапъ, высѣченный изъ громаднаго куска песчаника, около четырехъ футовъ въ діаметрѣ и шестнадцати футовъ въ вышину, и поставленный на каменную платформу нѣсколько повыше уровня земли.

На кашмирскомъ языкѣ, или, какъ здѣсь говорится, на кашурійскомъ языкѣ, *ури* есть названіе дерева—родъ *цезальпинія*—ростущаго въ сосѣднихъ лѣсахъ; и *боинъ*, тоже названіе дерева—восточнаго чинара, *чинара* по мѣстному названію—придающаго такой оригинальный видъ долині. Слово *ури* можно перевести такъ:—«Цезальпинскія деревья», а Уриханъ Боинъ (первое слово есть косвенное множественное число отъ *ури*) «Цезальпиновыя и Чинаровыя деревья».

Оставивъ Уриханъ Боинъ, мы отправились въ Барамулла, и расположились—1-го августа—нѣсколько повыше форта на берегу рѣки, и въ самомъ кашмирскомъ бассейнѣ, громадная долина котораго, окруженная чудной панорамой горъ, разстлалась передъ нами прелестнѣйшей картиной и со стороны рѣки, и со стороны суши. Недалеко отъ этого мѣста по пути въ Исламабадъ по другую сторону долины, Бедаста или Вехутъ, какъ зовутъ ее здѣсь, становится судоходной.

Послѣдній переходъ нашъ по долинь былъ также очарователенъ и прохладенъ, какъ двѣ предъидущія станціи, но съ окончаніемъ горъ мы разстались съ величественной картиной торжественныхъ высотъ и вошли въ мягкую мѣстность долины, которая, впрочемъ, обладаетъ особенной, свойственной ей прелестью, не менѣе удовлетворяющей чувства, убаюкивая ихъ тихой сладостью, въ то время какъ здоровый горный воздухъ возбуждаетъ ихъ своими чудными картинами.

Отойдя три, четыре мили отъ лагеря, мы прошли развалины Банихара, стараго индусскаго монастыря цвѣтущаго періода буддизма, о которомъ я уже упомянулъ. По другую сторону дороги стоитъ нѣсколько харчевенъ, гдѣ путешественникъ можетъ поѣсть самъ, и покормить животныхъ.

Въ Барамулла мы увидѣли впервые странныя постройки, придающія такой оригинальный видъ прибрежнымъ картинамъ Сринагара: новой формы мостъ, въ разнообразіи которыхъ повидимому страна эта изощряется.

Повыше города мостъ этотъ переброшенъ черезъ рѣку на шести быкахъ, и состоитъ весь изъ необтесанныхъ еловыхъ и кедровыхъ бревенъ. Самыя толстыя и длинныя, положенныя рядомъ, шли отъ одного быка къ другому, образуя дорогу, и лежали просто безъ всякихъ скрѣповъ, двумя или тремя футами каждаго конца на верхушкахъ быковъ, отстоящихъ одинъ отъ другаго на двадцать или на двадцать пять футовъ растоянія.

Быки же выстроены изъ такихъ же бревенъ, уложенныхъ рядами квадратнымъ срубомъ такъ, что каждое бревно пересѣкаетъ слѣдующее подъ прямымъ угломъ, входя въ выемку, сдѣланную въ слѣдующемъ бревнѣ. Внизу положены самыя длинныя и, доходя до середины, они постепенно уменьшаются, а затѣмъ снова расширяются до самаго верха, гдѣ бревны положены такой же величины какъ и внизу; слѣдовательно на видъ походили на несочные часы. Быки поставлены на фундаментъ изъ камня, сложенный на тинистомъ дѣлѣ рѣки, и защищены противъ теченія разрѣзая, стоящими въ рѣкѣ, и построеными изъ камней, наваленныхъ въ бревенчатый срубъ. Наверху у нихъ вбиты сваи, которыя держатъ перила, идущія по обѣ стороны моста.

Такой мостъ называется *каддалъ*; онъ очень крѣпокъ и проченъ, не смотря на плохую постройку и ветхій видъ. На рѣкѣ

въ Сринаггарѣ такихъ мостовъ стоитъ семь или восемь, и на нихъ производится торговля двухъ третей города, и нѣкоторые изъ нихъ кромѣ того отягчены цѣлымъ рядомъ лавокъ, построенныхъ по обѣимъ сторонамъ дороги, построекъ на видъ чрезвычайпо страшныхъ, свѣшивающихся со всѣхъ сторонъ надъ рѣкою.

Бревна изъ кедра чрезвычайно прочны, и несчастные случаи весьма рѣдки, вслѣдствіе эластичности постройки и исхода, представленнаго внезапнымъ приливомъ между многими проходами въ самихъ быкахъ. Я видѣлъ прочность этихъ быковъ въ наводненіе 1869 года, и не смотря на то, что вода почти покрывала ихъ, ни одинъ изъ нихъ не былъ снесенъ, въ то время какъ многіе изъ домовъ по берегу — и изъ числа ихъ первый, въ которомъ я жилъ, совершенно развалился.

ГЛАВА II.

Посѣщеніе Дивана Бадри-Натъ.—Видъ съ рѣки на Сриннагаръ.—Характеръ архитектуры.—Сцены на берегахъ рѣки.—Пловучіе сады въ Даллѣ.—Смерть Джинго.—Визитъ магараджѣ.—Пиръ въ Раябиръ-Багѣ.—Кашмирская баядерка.—Смотръ кашмирскому гарнизону.—Замедленіе отъѣзда изъ Сриннагара.—Исторія одного пилигрима.

Изъ Барамулла отрядъ нашъ двинулся въ Паттанъ, и остановился на одинъ день подъ тѣнью роскошныхъ чинаръ, на роскошныхъ вѣтвяхъ которыхъ золотая иволга выливала свою жалобную пѣсню и болтала североцефъ. Я смѣрилъ окружность двухъ деревьевъ, подъ тѣнью которыхъ была раскинута моя палатка, и нашелъ, на разстояніи пяти футовъ отъ земли, что въ одномъ двадцать футовъ кругомъ ствола, а въ другомъ двадцать одинъ футъ и два дюйма.

Тутъ были развалины двухъ древнихъ храмовъ, выстроенныхъ изъ голубаго известняка, тщательно высѣченнаго и вышлифованнаго;—это былъ тотъ же массивный стиль только что упомянутый, и похожій на развалины Мартанда на другомъ концѣ долины; повидимому храмы эти посвящены солнцу. На разстояніи нѣсколькихъ шаговъ отъ этихъ развалинъ находится постройка совершенно противоположнаго характера, одно изъ противнѣйшихъ здашій—безобразная гуча камней, грязи и кирпичей, составленная изъ кусковъ, стѣны которыхъ идутъ негравильными линиями, между громадныхъ рамъ изъ простыхъ бревенъ и неотесанныхъ балокъ, встрѣчающихся во всѣхъ концахъ долины и предназначенныхъ для разведенія шелковичныхъ червей;—промышленность недавно введенная магараджею, какъ правительственная монополія.

Прогуливаясь съ ружьемъ въ рукѣ, между этими краснорѣчивыми доказательствами прошедшей цивилизаціи и настоящаго положенія

итой исторической страны, я застрѣлилъ нѣсколько экимпляровъ кашмирской кукушки и прелестнаго яркаго щура, и потомъ, поднявшись на высокой глиняный берегъ на право, полюбовался чуднымъ видомъ долины съ ея озеромъ, лежащимъ повыше нашего лагеря.

Вслѣдъ за только что упомянутымъ видомъ, мы нашли другой все не показавшійся намъ привлекательнымъ. Громадное пространство болотъ съ камышами окружаетъ Волярское озеро, а разбросанныя усадьбы и хижины, указывая предѣлы заражительнаго мѣста идущаго по этой мертвой равнинѣ на сколько видить глазъ, представляютъ крайне безотрадное зрѣлище. Но видъ далѣе, —общій видъ долины и окрестностей возбуждаетъ восхищеніе, какъ единственный въ своемъ родѣ по громадности свата и отдѣльнымъ красотамъ, которыя вы видите всюду, куда бы ни взглянули.

Вскорѣ по прибытіи нашемъ въ Паттанъ, насъ посѣтилъ Диванъ Бадри Натъ, важный чиновникъ кашмирскаго двора, который поздравилъ насъ отъ имени его высочества магараджи съ прїѣздомъ въ Сринаггаръ, и исполнилъ данное ему, любезное порученіе, съ врожденной мягкостью и вѣжливостью, но еще болѣе дорогими потому, что вѣжливость эта не была одними пустыми словами, что вполне доказывали намъ хлопоты о комфортѣ во время нашего пути.

Послѣ полудня я сопровождалъ полковника Гордопа, отплатившаго визитъ, а на слѣдующее утро они отправились вмѣстѣ, чтобы выбрать мѣсто для нашего лагеря, такъ какъ мы хотѣли остаться въ Сринаггарѣ, чтобы спарядить нашихъ людей теплой одеждой для путешествія черезъ перевалы. На слѣдующее утро мы послѣдовали всѣмъ лагеремъ и, подойдя къ берегу рѣки, были встрѣчены пундитомъ Хирою Нандомъ начальникомъ городской полиціи, который ждалъ насъ съ катеромъ магараджи, чтобы водою провести къ Назиму Баху, гдѣ стоялъ лагеремъ отрядъ капитана Биддульфа.

Капитанъ Чапманъ и я заняли вслѣдствіе этого мѣста, приготовленные для насъ подъ балдахиномъ лодки, и насъ повезли тридцать гребцовъ къ мѣсту назначенія, а лагерь нашъ, перейдя первый мостъ, пошелъ по берегу и соединился съ передовымъ отрядомъ капитана Биддульфа, лагерь котораго мы нашли уже расположеннымъ на берегу озера Даль, подъ тѣнью чинаръ въ знаменитомъ паркѣ, раскинутомъ здѣсь императоромъ Акберомъ.

Цѣлый рядъ мостовъ, подъ скривляющимися и дрожащими балками которыхъ —арками назвать ихъ нельзя—наша лодка неслась противъ

теченія также быстро, какъ самая маленькая лодочка, можно было назвать членами одной и той же семьи; одинъ мостъ былъ подобіемъ другого, всё точно готовые свалиться и, оригинально выстроенные, казались разрушающимися. Лодки, плывшія подъ ними, не исключая и нашей, не смотря на различную величину и убранство, были одной формы и походили одна на другую. Была ли это свѣтлая и раскрашенная казенная лодка или тяжелая простая лодка съ рисомъ; легкій ли катеръ съ параднымъ багдахиномъ и множествомъ гребцовъ; досужая ли перевозная лодка съ рогоженной покрывкой и глинянымъ очагомъ; челнокъ ли это рыбака и охотника, или плоскодонная лодка рыночнаго продавца овощей и дичи—всѣ онѣ выстроены по одному образцу и на одинъ ладъ—съ плоскимъ дномъ безъ кила, съ прямыми бортами, съ коническими концами, возвышающимися симметрично сзади и спереди, съ носомъ и кормой, одинаковыми для плаванья, и впередъ и назадъ.

Лодки такой формы очень удобны для перевозки большихъ тяжестей по тихой водѣ; но это чрезвычайно опасныя суда на быстрой водѣ. Вслѣдствіе широкаго дна они выигрываютъ относительно количества тяжести, которую можно положить, но проигрываютъ въ скорости хода. Въмѣсто того, чтобы подниматься на волны, они представляютъ имъ препятствіе, о которое тѣ разбиваются, и которыя, захлестывая черезъ низкіе борта, легко могутъ затопить судно.

Туземцы рѣдко пускаются въ тяжело нагруженныхъ судахъ далеко отъ берега и, переѣзжая черезъ Волярское озеро, они держатся вдоль его береговъ, такъ что если бы случайно налетѣли шквалы, нерѣдко проносящіяся по озеру, судно можно было бы направить въ безопасную гавань, въ заливы, покрытые камышемъ и окаймляющіе озеро. Въ этихъ заливахъ лиліи вмѣстѣ съ другими водорослями покрываютъ воду сплошной массой листьевъ и недопускаютъ волненія.

Но возвратимся къ береговымъ видамъ. Цѣлыя массы домовъ выстроены въ каменныхъ запрудахъ, возвышающихся надъ водою, по обѣ стороны рѣки, и между различными постройками тамъ и сямъ взорамъ представляются какой нибудь древній дворецъ или храмъ, которые привлекаютъ вниманіе новой формой, и представляютъ зрѣлище столь же новое по характеру, какъ странно нарушающее общее однообразіе.

Остроконечныя кровли, неопытно покрытыя буковой корой, съ

ихъ вышками, открытыми съ обѣихъ сторонъ, такъ ненадежно держатся на слабо связанной рамѣ изъ вертикальныхъ столбовъ, которые они покрываютъ, что кажется ихъ снесетъ первымъ порывомъ вѣтра; и конечно они представляютъ самую странную форму архитектуры. Какъ на царскомъ дворцѣ, такъ и на хижинѣ крестьянина, такъ и на купеческой лавкѣ и механическомъ заводѣ, и на индусскомъ храмѣ и мусульманской мечетѣ, эта нависшая кровля вездѣ одинакова по характеру.

Здѣшнія же, покрытыя ими, представляютъ болѣе разнообразія въ постройкѣ, хотя вообще—за исключеніемъ дворцовъ и индусскихъ храмовъ, всѣхъ выстроенныхъ изъ камня—рамка изъ прямыхъ бревенъ, установленныхъ на возвышенной платформѣ изъ камня, образуетъ остовъ. Такая рамка скрѣпляется поперечными бревнами и стропилами и заплотняется рядами или изъ горбылей необтесанныхъ бревенъ, или тонкой стѣжкой изъ кирпича или известковаго цемента. Внутренняя отдѣлка дѣлается изъ драгокъ или изъ штукатурки, и комнаты гораздо менѣе освѣщаются, чѣмъ вывѣтриваются, что многимъ туристамъ въ «Счастливой Долинѣ» пришлось испытать на бѣду себѣ.

Оконныя стѣклы извѣстны только во дворцахъ и въ домахъ богатей. Ихъ замѣняютъ рѣшетчатые окна, и какъ недостаточны онѣ повѣрно, въ особенности если принять во вниманіе, что противъ вѣтра къ рѣшеткѣ приклеивается просто листъ бумаги, а холодный воздухъ, проходящій въ отверстіе, считается зломъ неизбѣжнымъ и непреодолимымъ.

Общее употребленіе бревенъ для постройки домовъ въ Кашмирѣ, и пирочныя скрѣпы брусьевъ и шестовъ, какъ говорятъ, вызваны необходимостью вслѣдствіе безпрестанныхъ землетресеній въ странѣ. Но кажется и другія причины имѣли значительное вліяніе на предпочтеніе такого рода постройки; а именно: народная неспособность къ физической дѣятельности—черта замѣтная во всѣхъ отрасляхъ здѣшней промышленности.

Ихъ шали и вышивки, ихъ серебряныя вещи и живопись на *papier maché*, ихъ рѣзба на камнѣ и деревѣ и т. д., все представляетъ доказательство удивительно тонкой работы въ мелкихъ отдѣлкахъ, но не говорить о дѣятельности мускульной силы. Гдѣ сила такая нужна, какъ напримѣръ въ постройкѣ домовъ, мы видимъ, что она ограничивается только самой крайней необходимостью для достиже-

ня цѣли. Вслѣдствіе этого, хотя камни въ страгѣ много и онѣ прочнѣе, но легко разрубаемыя и легко составляемыя бревна складываются вмѣстѣ, вовсе не принимая въ соображеніе какія нибудь условія прочности. Конечно, сырой характеръ климата и рыхлость почвы имѣли свою долю вліянія, не признавать которое нельзя. Но, при видѣ остатковъ древнихъ зданій изъ тяжелаго камня и существующихъ зданій кирпичныхъ, возвышающихся здѣсь, невольно приходитъ въ голову, что вышесказанныя условія не представляютъ серьезныхъ препятствій для болѣе оконченнаго и существеннаго архитектурнаго стиля, чѣмъ тотъ, который здѣсь въ ходу. Какъ бы то ни было, но дома Сриннагара придаютъ чрезвычайпо рельефный характеръ виду города со стороны рѣки. И замѣтнѣе другихъ новыя дома лицевой стороны, возвышающіеся надъ рѣкою. Высокія зданія ихъ главныхъ мечетей, крытыхъ на подобіе колоколенъ, и служащія доказательствомъ того, что архитекторъ отдаетъ предпочтеніе вкусу передъ требованіями условныхъ формъ, и безобразныя маленькія храмы съ идолами изъ камня и известняка, которыя можно было бы и не замѣтить, хотя они стоятъ на самомъ берегу, если бы позолота и мишура ихъ не блестяла,—все это предметы некрасивыя, не смотря на замысловатую смѣсь рѣзбы. Остается теперь наполнить картину людьми, присутствіе и дѣятельность которыхъ оживляетъ видъ и пополняетъ его характеричность. Въ городѣ, столь хорошо помѣщенномъ, конечно можно ожидать встрѣтить представителей различныхъ ближайшихъ мѣстностей среди толпы жителей; но ихъ нѣтъ, или, по крайней мѣрѣ, они незамѣтны въ движущейся массѣ, проходящей передъ глазами простаго путешественника.

Какъ бы то ни было, тиши афганца и сейка, часто здѣсь попадающіяся, не возбуждаютъ въ насъ такого интереса, какъ возбуждаютъ тиши народа, еще недавно господствовавшаго въ Долинѣ, также господствующаго теперь. Незамѣтны и немногіе члены массъ извѣстныхъ племенъ далеко лежащихъ областей Дардистана, Балтистана и Бутана, служащія здѣсь у правительства, и они не возбуждаютъ любопытства, среди толпы туземцевъ, преимущественно привлекающей вниманіе. Индійскіе пундиты и кашмирскіе мусульмане являются главными актерами этой движущейся сцены жизни и дѣятельности, представляющей взорамъ на каждомъ поворотѣ рѣки.

Пундитъ или Батта, какъ зовутъ его магометанскіе братья, если не отличается хорошими манерами и рѣчью, или отличіемъ въ

одеждѣ и занятіяхъ, то тотчасъ же видѣнъ по выкрашенному пятну по самой серединѣ лба, знаку его религиозной чистоты.

Онъ встрѣчается какъ зажиточный купецъ, съ компаніей своихъ товарищей, проѣзжающій взадъ и впередъ по рѣкѣ, сидя на устланномъ цыновкой днѣ своей гондолы, и оживленно бесѣдующій о своихъ дѣлахъ; его красивыя формы выдаются подъ обтягивающимъ его безукоризненнымъ бѣлымъ и прикрываются широкими складками мягкой темной шали. Его можно увидеть въ дезабилье, совершающимъ омовеніе, погруженнымъ у берега въ воду, надъ которою по временамъ качается его бритая голова, съ жидкимъ влочкомъ на макушкѣ, въ то время, какъ онъ бормочетъ слова своихъ молитвъ; руки его въ это время простираются къ солнцу, роняя обратно въ рѣку зачерпнутую имъ воду, или онъ быстро перебираетъ пальцами нитки *джанео*, охватывающаго его тѣло; сидитъ онъ, не обращая вниманія на присутствіе постороннихъ лицъ или близость женщинъ—мнимыхъ красавицъ цундитанокъ, которыя въ подобномъ же дезабилье погружаются въ ту же стихію, или, закутанныя въ широкія складки своей безобразной одежды, моютъ бѣлье, или наполняютъ водою кувшины. Или же вы можете видѣть его, какъ браминскаго священника—съ его жидкимъ и морщинистымъ тѣломъ, совершенно обнаженнымъ, за исключеніемъ только задней части—сидящимъ на корточкахъ и варящимъ свою простую пищу изъ прѣсныхъ пироговъ и полхлѣба, и тщательно сохраняющимъ чистоту мѣста, предназначеннаго для операціи; или сѣда, скрестивъ ноги у порога своего храма, онъ произноситъ свой *шастаръ* также быстро, какъ качается взадъ и впередъ всѣмъ своимъ тѣломъ; или же сидитъ неподвижно и молча, и погруженъ въ раздумьѣ, или, вѣроятноже, находится въ умственномъ оцѣпненіи и забытѣ. Наконецъ вы можете его видѣть, пишущимъ съ бумагою въ рукахъ, какъ гражданскій чиновникъ—писецъ, нотаріусъ или сборщикъ податей—во время отправленія его служебныхъ обязанностей, или же какъ продавца хлѣба на рѣчныхъ судахъ, надзирающимъ за выгрузкой риса въ казенные амбары, или за продажей его народу.

Кашмирецъ или Кашури, какъ онъ самъ себя зоветъ, составляющій главную часть населенія, представляетъ болѣе различія положеній и занятій. Начиная почти отъ голаго кули и бѣдно одѣтаго крестьянина до наряднаго купца и богатаго землевладѣльца, всѣхъ ихъ приходится видѣть въ теченіе поѣздки по водѣ черезъ городъ.

Серебряныхъ дѣлъ мастера, рѣзчики на камняхъ, артисты на панье маше, ткачи палей, вышивальщики шелками и другіе ремесленники— всё сидятъ въ своихъ лавкахъ, по обѣимъ сторонамъ рѣки. Тутъ мы познакомились только съ прибрежными сценами, не требующими дальнѣйшаго описанія, кромѣ какъ указанія объ ихъ общемъ сходствѣ по внѣшнему виду съ индусской частью населенія, отъ котораго они иногда отличаются, кромѣ крашеннаго знака или *тихи*, только инымъ складомъ тюрбана.

Главный актеръ прибрежныхъ сценъ, конечно, дочиникъ. Его развязная, живая фигурка— обнаженная для такого рода занятій— виднѣется всюду наклоняющейся съ быстрыми ударами, его веселье, а звонкій голосъ его слишкомъ часто возвышается для непристойной ссоры, и громогласная брань слышится сквозь всё другіе звуки. Семейство его, живущее вмѣстѣ съ нимъ въ лодкѣ, виднѣется на берегу при различныхъ занятіяхъ; дѣти—замѣчательныя своими ленивыми глазами и кроткими, пріятными лицами—играютъ на берегу, въ то время какъ мать и старшія дочери заняты на берегу труднымъ и невиднымъ дѣломъ шелушенія своей ежедневной порціи риса. Широкая одежда, съ широкими рукавами, покрывающая, подобно ночной рубашкѣ, все тѣло отъ шеи до ногъ, и составляющая съ характеристичнымъ чепцомъ изъ краснаго филе ихъ единственный нарядъ, принадлежитъ ко многимъ вещамъ, обращающимъ вниманіе путешественника. А неуклюжее орудіе—такъ какъ пестъ этотъ ничто иное, какъ деревянная палка, съ обѣихъ сторонъ закругленная, а ступка—простая чашка, выдолбленная въ деревянномъ обрубкѣ—тоже заставляють обратить вниманіе на апатичный характеръ народа, у котораго подъ руками такое богатство водной силы, а онъ, между тѣмъ, несетъ такой тяжелый трудъ.

По пути въ Назимъ-Бахъ мы проѣзжали подобныя сцены, которыя я попытался очертить словами. Послѣдняя же часть нашего пути шла дѣльнымъ рядомъ каналовъ, пересѣкающихъ болота, лежація между городомъ и Дальскимъ озеромъ. Въ это время года они были почти засорены изобиліемъ водорослей, идущихъ отъ ихъ мелкаго dna и развивающихся въ плоды на поверхности, гдѣ они вянутъ и гниютъ, въ то время какъ ихъ запутанные стебли мѣшаютъ проходу и отравляютъ воздухъ испареніями, развивающимися изъ гниющей массы жирныхъ листьевъ.

Междуэтими узенькими каналами идутъ узкія полосы земляныхъ

нашъ слѣдуетъ, въ извѣстное время встать и предложить тосты за «Королеву» и за «Вице-короля». На каждый изъ нихъ было отвѣчено, и полковникъ Гордонъ, въ свою очередь, предложилъ тостъ за «магараджу», что было принято точно также стоя. При провозглашеніи тостовъ военная музыка, забавлявшая насъ во время обѣда разными піесами, заиграла «Боже королеву храни». По окончаніи послѣдняго блюда его высочество принялъ благодарность установленнымъ порядкомъ черезъ деваиа Кирпа Рама, и все общество отправилось на веранду, гдѣ продолжался *нашъ*. Посреди представленія вдругъ послышался пискъ волынки, къ немалому удивленію тѣхъ, кто не былъ посвященъ въ тайну ея появленія, и вслѣдъ за звуками явился нашъ лагерный сержантъ и трубачъ, весело шагавшій по залѣ, гдѣ мы сидѣли. Онъ поклонился магараджѣ и по требованію его далъ намъ представленіе. Появленіе его было великолѣпно, и въ своемъ предестномъ нарядѣ онъ тихо ходилъ взадъ и впередъ по залѣ, и мы съ гордостью любовались всѣми его движеніями.

Конечно присутствіе его въ подобномъ мѣстѣ было совершенно не кстати и болѣе неприлично, чѣмъ обѣдъ нашъ безъ хозяина; кромѣ того оно очень огорчило предестныхъ кашмирокъ, которые вмѣсто того, чтобы бросать взоры удивленія и любопытства, выражали только отвращеніе, какимъ это внезапное вторженіе наполнило ихъ сердца. Даже магараджа, не смотря на все свое желаніе сдѣлать намъ пріятное, не могъ согнать съ лица своего сумрачность, которую произвели на него пѣсни нашего друга Гелика, и выразилъ свое удовольствіе, когда онъ пересталъ играть. Я полагаю, только ради любезности къ намъ, онъ подарилъ игроку хорошую шаль и кошелекъ съ золотомъ.

Возвращаясь съ этого пиршества, мы нашли, что шлюзы Даля закрыты для того, чтобы поднявшаяся вода не вышла, а то она могла бы залить садъ между рѣкою и озеромъ. Вслѣдствіе этого мы пошли черезъ насыпь и сѣли въ лодку, предусмотрительно приготовленную для насъ. Мы добрались до лагеря только къ полуночи, довольные, что вышли наконецъ на берегъ и избавились холодныхъ испареній и смрадпаго запаха водянаго пути.

10-го числа мы присутствовали на одномъ изъ военныхъ смотровъ кашмирскихъ войскъ; магараджа производитъ ихъ еженедѣльно, на площади позади Шерь Горхи, когда живетъ въ своей лѣтней столицѣ. Мы встрѣтили его высочество въ воротахъ форта;

онъ ѣхалъ въ сопровожденіи своей неблестящей свиты и осматривалъ ряды войскъ, послѣ чего вернулся въ возвышенному мѣсту, гдѣ намъ поставили стулья, и съ платформы мы могли видѣть движенія арміи.

Тутъ было тысячи четыре пѣхоты, человѣкъ двѣсти кавалеріи, и пятьдесятъ или шестьдесятъ орудій. Люди были одѣты въ форму похожую на форму индѣйской арміи, хотя ружья ихъ положительно были хуже, и люди очевидно не выбирались по физическимъ способностямъ. Тѣмъ не менѣе вообще, это былъ легкій на ходу, бодрый народъ, хорошо сложенный, и маршировалъ достаточно правильно. Дограсы и сейки, между которыми попадались патаны и индустани, составляли главную часть силы, а батальонъ балтисовъ въ страшныхъ шапкахъ и желтыхъ юбкахъ, подвязанныхъ у колѣнъ красивыми завязками, составлялъ самую интересную и любопытную часть арміи.

Послѣ маневровъ войска прошли мимо платформы, съ музыкой во главѣ, и стали расходиться по своимъ квартирамъ. Магараджа не выказывалъ большого интереса къ этому зрѣлищу, а намекая на услуги, оказанныя его арміей во время мятежа, онъ говорилъ о ней какъ о части индѣйской арміи, занимающей эти горы, какъ часть Британской имперіи для императрицы Индіи, и во всякое время готовой на службу государству.

Сначала было рѣшено, что лагерь нашъ простоятъ здѣсь дней восемь или десять, чтобы обмундировать людей теплой одеждой для путешествія черезъ перевалы, и кромѣ того, чтобы сдѣлать кое-какія измѣненія въ нашемъ лагерьномъ устройствѣ, починен и улучшенія въ вьючныхъ сѣдлахъ и палаткахъ, что оказалось необходимымъ послѣ путешествія изъ Мюри. Желанія наши въ этомъ отношеніи были немедленно исполнены кашмирскими властями, и они, ради удобства и легкости — такъ какъ городъ отстоялъ на пять миль — устроили временный базаръ подъ деревьями, по сосѣдству съ нашимъ лагеремъ, такъ что шитье платьевъ, починка, столярничество и кузнечное дѣло и всѣ необходимыя для нашего отряда работы производились тутъ же, подъ непосредственнымъ нашимъ надзоромъ, въ балаганахъ и мастерскихъ, устроенныхъ вокругъ насъ. 14-го августа я сопровождалъ полковника Гордона въ прощальномъ визитѣ чтобы поблагодарить за вниманіе къ нашей экспедиціи магараджу, и за усердіе и исправность его чиновникомъ.

Между тѣмъ, наканунѣ нашего выступленія, мы получили приказъ отъ начальника нашего въ Симлы, предписывавшій не сниматься съ лагеря до его приѣзда 29-го этого мѣсяца. Въ силу этого, выступленіе было отложено, и мы употребили это время, чтобы улучшить поправки, уже сдѣланныя. Время было пасмурное и эти двѣ недѣли оказались тяжелыми вследствие лихорадокъ и москитовъ—хотя мѣсто все-таки было лучшее, какое только можно было выбрать. Интересъ уроковъ туркестанскаго языка, и забавы охоты на гагарь, лысухъ, водяныхъ фазановъ между камышами и водорослями озера, и даже смѣшная болтовня, доносившаяся до насъ изъ города, не могли оживить жизни нашей посреди этихъ бѣдствій. Наконецъ, когда начальникъ нашъ приѣхалъ, то приказъ выступать былъ съ радостью встрѣченъ всѣми, такъ какъ всѣ были рады перемѣнить невольную бездѣятельность подъ тѣнью Назима-Баха и лихорадочный ядъ его на путевое утомленіе и чистый горный воздухъ.

До нашего выхода изъ Мурри мнѣ посчастливилось оказать услугу одному изъ моихъ личныхъ слугъ, уроженцу Ярканда, который въ 1868 году оставилъ домъ свой, чтобы отправиться на богомолье въ Мекку, черезъ Индію. Исторія его чрезвычайно любопытна и можетъ считаться типомъ исторій многихъ другихъ лицъ, выходящихъ изъ родины своей въ Центральной Азіи и преодоляющихъ трудности и опасности путешествія, о которомъ они не имѣютъ ни малѣйшаго понятія и знаютъ только, что какимъ бы то ни было образомъ, но они доберутся до священнаго мѣста, имѣющаго такое таинственное вліяніе надъ умомъ мусульманина.

Хаджи Казипъ—такъ звали моего героя—былъ сынъ булочника, имѣвшаго лавку на бойкомъ мѣстѣ, по дорогѣ въ Яркандъ. Торговля его процвѣтала подъ китайскимъ управленіемъ до дунганскаго возстанія, наполнившаго улицы города кровопролитіемъ, насиліемъ и грабежемъ, что заставило его закрыть лавку и спрятаться со всей семьей, ради спасенія жизни, въ кладовыя и амбары. Отецъ его умеръ во время этихъ безпорядковъ, а вдова съ дѣтьми, чтобы имѣть возможность существовать, снова открыла лавку. Казипъ работалъ вмѣстѣ съ своей матерью и былъ свидѣтелемъ всѣхъ перемѣнъ, которымъ подвергался городъ, пока наконецъ его не взялъ Аталыкъ-Газы.

Съ водвореніемъ порядка, съ возрожденіемъ ислама подъ новымъ управленіемъ, онъ воспользовался благоприятнымъ случаемъ, предо-

ставивъ матери управленіе лавкой. Съ четырьмя или пятью членами своего семейства онъ присоединился къ каравану пилигримовъ, отправлявшихся въ Кашмиръ; дорогой они соединились съ отрядомъ, посланнымъ счастливымъ побѣдителемъ съ подарками для святой раи въ Меккѣ.

И онъ, и товарищи его двинулись въ путь съ самымъ крайне необходимымъ багажемъ и нагрузили общимъ достояніемъ три лошади, которыя служили также и для отдыха путникамъ. Кромѣ того, у нихъ была общая сумма денегъ, едва превышавшая пять фунтовъ на наши деньги, на издержки пути въ нѣсколько тысячъ миль.

Къ тому времени, какъ они дошли до Леха, двѣ изъ трехъ лошадей погибли отъ тяжкаго пути, и тѣла ихъ были оставлены, чтобы высохнуть и бѣлѣть съ тысячами другихъ скелетовъ, посѣянныхъ по пути черезъ страшныя Тибетскія горы. Остальная же лошадь требовала такихъ издержекъ въ странѣ, гдѣ они могли покупать все только на деньги, и гдѣ не было свободныхъ пастбищъ, что она была продана, во избѣжаніе банкротства и ради сбереженія ихъ скудныхъ средствъ. Съ своимъ небольшимъ капиталомъ, почти удвоившемся отъ продажи, партія пришла въ Сриннагаръ, а оттуда черезъ Пенджабъ въ Бомбей, гдѣ она сѣла на туземное богомольческое судно, съ толпою другихъ богомольцевъ, отправлявшихся въ одинъ изъ арабскихъ портовъ.

Разсказъ нашего хаджи о его приключеніяхъ и длиненъ, и запутанъ, вслѣдствіе его незнанія именъ различныхъ мѣстъ дороги, черезъ которыя онъ проходилъ, и потому тутъ неумѣстенъ. Намъ достаточно знать, что онъ добрался до Мекки и благочестиво исполнилъ предписываемые обряды; что онъ какъ-то очутился въ Константинополѣ и оттуда вернулся въ Лагоръ настоящимъ пилигримомъ, бездомнымъ одинокимъ чужеземцемъ. Тетка его умерла въ одномъ мѣстѣ, дочь ея исчезла въ другомъ, братъ его гдѣ-то пропалъ, и наконецъ онъ и двоюродный братъ его, почти ему ровесникъ, потеряли изъ виду другъ друга въ сумятицѣ большаго индѣйскаго города, и не знали о судьбѣ другъ друга до іюля настоящаго года.

Бѣдствія и горести этой небольшой несчастной партіи, повидимому начались въ Лехѣ и преслѣдовали ее всюду. Въ одномъ мѣстѣ у нихъ отняли деньги, въ другомъ ихъ ее милости кормили, а чаще всего они добывали средства существованія, барышничая тамъ и сямъ.

Изъ Лагора хаджи Казинъ прошелъ въ Лехъ погонщикомъ муловъ съ отрядомъ одного пенджабскаго купца и, прійдя туда, захворалъ и былъ помѣщенъ для поправленія въ больницу, устроенную здѣсь британскимъ правительствомъ. Начальникъ госпиталя Куда-Бакшъ принялъ участіе въ затерявшемся странникѣ и послѣ выздоровленія его взялъ его къ себѣ въ домашнюю прислугу.

Куда-Бакшъ, между тѣмъ, оставилъ свое мѣсто для болѣе выгодной службы въ Коммиссаріатскомъ департаментѣ и, услыхавъ о моемъ желаніи, любезно предложилъ хаджи къ моимъ услугамъ, имѣя въ виду желаніе его посѣтить родину.

Во время пребыванія нашего въ Сриннагарѣ, я нашелъ, при помощи книгъ своихъ, чрезвычайно полезнаго въ немъ помощника, заимствуя отъ него нѣкоторыя познанія языка его страны, а въ Кашгарѣ услуги его пригодились большинству изъ насъ. Его внезапное повышеніе въ такое важное и значительное лицо, довело его до нѣкоторыхъ глупостей — къ числу которыхъ можно причислить его женитьбу и даваніе цѣлаго ряда шировъ друзьямъ. Но это было извинительно тѣмъ болѣе, что онъ считалъ своею обязанностью поддержать значеніе своего положенія, какъ служащаго въ посольствѣ, и нисколько не уменьшало его достоинствъ какъ умнаго и вѣрнаго проводника. Онъ проводилъ меня обратно въ Сриннагаръ и, встрѣтивъ тамъ отрядъ мистера Шау, отправалявшійся въ Кашгаръ, отошелъ отъ меня, чтобы вернуться съ другимъ отрядомъ къ оставленной имъ женѣ.

ГЛАВА III.

Посѣщеніе шелковой прядильни.—Визитъ магараджи.—Путь изъ Сринагара.—Долина Синада.—Горная мѣстность въ Сопа Марѣ.—Переваль изъ Кашмира въ Тибетъ.—Переходъ чрезъ Зойилскій переваль.—Зимняя стоянка въ Кашмирѣ.—Перемѣна климата и мѣстности.—Бготскій кули.—Брошенные золотые припеки.—Шоло въ Каргилѣ.—Одежда бготскаго крестьянина.—Буддистскія религиозныя зданія.—Покинутая деревня.

Однообразіе нашей послѣдней остановки было пріятно прервано 25-го августа посѣщеніемъ шелковичной прядильни магараджи. Это большое заведеніе неподалеку отъ Шеръ-Гарги, и на немъ работаютъ 400 человекъ, хотя, какъ мы слышали, работы достаточно было бы и въ четверо большему числу людей. Бабу Ниламбаръ Дей Мукарджи, управляющій заведеніемъ, провелъ насъ и любезно объяснилъ весь процессъ шелковаго производства.

Промышленность эта, повидимому, ведется только въ послѣдніе два, три года по системѣ, принятой въ Бенгалѣ, оказавшейся удовлетворительной по результатамъ, такъ что скоро она обѣщаетъ сдѣлаться важнымъ источникомъ богатства этой страны, и въ нѣкоторомъ отношеніи удовлетворить за упадокъ торговли шалами въ этомъ древнемъ мѣстѣ ея процвѣтанія.

Прядильныя колеса, показанныя намъ, вертятся руками; но мы слышали, что на шелкопрядильной фабрикѣ, гораздо большихъ размѣровъ въ Рагонатпурѣ, на берегу Дала, примѣнена водяная сила. Шелкъ, повидимому, замѣчательно хорошаго качества съ нѣжной и тонкой фиброй. Изъ писемъ, показанныхъ намъ по поводу этого предмета, мы узнали, что образцы посланные въ Лондонъ, оцѣнились господами Дюралъ и компаніей въ двадцать три, въ двадцать четыре шиллинга за фунтъ. Оборотъ шелку принесъ въ по-

слѣдній годъ два лака рушій, изъ которыхъ 25% приходится чистаго барыша. Въ это же самое время было собрано двадцать корзинъ или 1,600 фунтовъ яицъ для вывода. Говорятъ, что одинъ унцій яицъ производитъ сорокъ тысячъ червей, которые производятъ 120 унцій шелку. Въ одномъ отдѣленіи заведенія шелкъ разматывался для продольнаго тканья, а въ другомъ разматывался на обыкновенномъ ручномъ станкѣ, и намъ показали образцы новой фабрикаціи производства, которое только что начинаетъ входить въ употребленіе. Это соединеніе шерсти съ шелкомъ, повидимому прочное и теплое, но жесткое и грубое.

Съ шелкопрядильнаго завода мы пошли въ богоугодную больницу магараджа, построенную въ очень хорошемъ мѣстѣ на берегу рѣки, и находящуюся въ вѣдѣніи доктора Гопала Дасса, бывшаго помощника хирурга въ одномъ изъ индѣйскихъ учрежденій, любезно показавшаго намъ свое заведеніе.

Больница устроена совершенно на европейскій ладъ, какъ наши заведенія этого рода, и приноситъ большую пользу народу, на который, тихо и незаметно, дѣйствуетъ чрезвычайно благотѣльно. Между паціентами намъ привелось видѣть случай ампутаціи бедра, а другой—ноги, и оба больные уже поправлялись. Отчеты показываютъ, что изъ двадцати двухъ другихъ операцій, чрезвычайно важныхъ, въ томъ числѣ трехъ операцій извлеченія изъ мочевого пузыря камней, совершенныхъ въ теченіи года, всѣ были удачны, и только два случая извлеченія камня кончились смертью. Человѣколюбіе всегда достойно поддержки и одобренія, и хотя больница рѣдко посѣщается магараджею и его чиновниками, но справедливость требуетъ сказать, что она въ изобиліи снабжена европейскими медикаментами и хирургическими инструментами.

Въ назначенный день — 29-го августа — пушечный выстрѣлъ извѣстилъ насъ о прибытіи начальника нашего въ Сриннагаръ. Мы тотчасъ же надѣли мундиры и поспѣшили въ резиденцію засвидѣтельствовать ему свое почтеніе, и очень были рады, найдя, что онъ несколько не утомился отъ поспѣшной поѣздки своей изъ Мурри.

На слѣдующій день мистеръ Форситъ, окруженный своимъ штабомъ, сдѣлалъ церемонный визитъ магараджѣ, на который его высочество отвѣтилъ на слѣдующій день. На зеленомъ берегу надъ Далемъ была приготовлена обширная палатка и *Шахмiana* или «царь въ серединѣ» съ зонтикомъ; а покатошь отъ пристани до палатки

была покрыта полосой бѣлаго коленика, по обѣимъ сторонамъ котораго стояла наша гвардія «Гидовъ», чтобы отдавать честь. Капитанъ Чапманъ отправился ко дворцу, чтобы конвоировать его высочество, который, прибывъ, былъ встрѣченъ на пристани полковникомъ Гордономъ и мною, и проведенъ въ палатку, гдѣ его привѣтствовали посланникъ и уполномоченный, при залпѣ гвардіи и при звукахъ трубъ сержанта Ринда.

Магараджу, старшій сынъ котораго Міанъ-Партабъ-Сингъ остался дома по случаю болѣзни, сопровождали два младшихъ сына Рамъ Сингъ и Аммаръ Сингъ, десяти и одинадцати лѣтъ, и кромѣ того дванъ Бирри Рамъ и восемь или десять другихъ главныхъ особъ его двора. Церемонія совершалась съ обыкновенными формальностями и любезностями, и посѣтители наши по окончаніи визита отправились провести день въ прохладномъ пріютѣ Нишатъ-Бахъ или въ «Садѣ блаженства» по другую сторону Даля.

На слѣдующій вечеръ посольство было приглашено магараджею на пиршество въ Ранбиръ-Багъ. Кромѣ европейцевъ, бывшихъ въ то время въ Сриннагарѣ, въ числѣ гостей были и дамы. Во время пиршества предлагались тосты и говорились сличы, подходящія къ настоящему случаю, и въ заключеніе вечера посланникъ поблагодарилъ за доброту и гостепримство нашего вельможнаго хозяина.

Этимъ прощальнымъ выраженіемъ дружбы кончилось наше мѣсячное пребываніе въ Сриннагарѣ, и на слѣдующее утро, 3-го сентября, мы снялись съ лагеря и двинулись далѣе въ Гандарбалъ, у входа въ долину Синда, гдѣ мы раскинули палатки подъ тѣнью такихъ великолѣпныхъ чинаръ, какія только можно встрѣтить въ странѣ. Это была первая деревня, понавшаяся намъ въ округѣ Ларъ (который тянется отъ Манасбала до Сопа Марга и, какъ говорятъ, имѣетъ до сотни селъ и деревень, изъ которыхъ впрочемъ въ немногихъ до тридцати домовъ), и въ ней, по случаю нашего пріѣзда, была такая суматоха, какую рѣдко приводится видѣть.

Нашъ лагерь имѣлъ 103 мула, да почти столько же проводниковъ. Кромѣ того за нами шло восемьдесятъ вьючныхъ лошадей и сорокъ или шестьдесятъ носильщиковъ. Намъ всекъ пришлось скучиться около дороги, между деревней и горой, у подножія которой она лежитъ, ибо далѣе тянутся до Капширской долины громады пространства рисовыхъ полей, болотистыя и топкія, и доходяція до озера Манасбала.

Вокругъ насъ группировались въ живописномъ безпорядкѣ палатки нашихъ кашмирскихъ провожатыхъ, и груды продовольствія, припасеннаго для насъ, а мимо цѣлый день шла вереница носильщиковъ и вьючныхъ лошадей, впередъ на слѣдующую станцію. Любезная рѣчь посланника въ послѣдній вечеръ очевидно польстила самолюбію нашихъ добрыхъ друзей и удвоила ихъ старанія угодить намъ; услуги ихъ облегчали намъ путь на всѣхъ станціяхъ, пока мы не добрались прямымъ путемъ подъ покровительство нашихъ кашгарскихъ союзниковъ.

За милою или за двѣ за Гандарбаломъ, стоитъ деревня Арръ, на берегу небольшого ручья, того же имени, впадающаго въ Даль у Тельбала. Тутъ находится нѣсколько бумажныхъ заводовъ, работающих водой, и стукъ ихъ молотовъ доносился до нашего лагеря. Бумага дѣлается изъ волоконъ дикой конопли, въ изобиліи растущей здѣсь и смѣшанной со старыми ветошками и т. д. Вѣтошь здѣсь просто растворяется и промывается, и потомъ посылается въ городъ для выдѣлки бумаги. Другое растеніе, растущее здѣсь въ изобиліи и въ гораздо большемъ обиліи растущее въ Кашмирской долинѣ, это *кришунгъ*, родъ лиліи, изъ листьевъ которой дѣлаютъ веревки.

Вечеръ кончился страшнымъ вихремъ и бурей съ громомъ и молніей, пронесшейся по долинѣ съ запада на востокъ, но не причинившей намъ хлопотъ, развѣ только заставившей насъ приколотить покрѣпче колышки, да укрѣпить стѣны палатокъ, въ предупрежденіе, чтобы они не опрокинулись.

Изъ Гандарбала мы отправились въ Канганъ за двѣнадцать миль, и стали лагеремъ въ рошицѣ изъ деревьевъ греческихъ орѣховъ и раки въ недалекомъ отъ питомника шелковичныхъ червей. Дорога обгибаетъ сначала засѣянные поля и огороды Нунарскихъ поселеній, а потомъ идетъ поперекъ высоваго ската, врто спускающагося въ ложу рѣки Синдъ. Тутъ мы перебрались черезъ рѣку по сломанному мосту на длинныхъ еловыхъ шестахъ, положенныхъ между двумя быками, выстроенными просто изъ наваленныхъ камней около береговъ рѣки, и съ положенными на шесты поперекъ обрубками брусевъ. По другому подобному же мосту за Палангскими поселеніями мы перешли черезъ притокъ, обгущій съ Гармукской горы, и пошли вдоль по теченію главной рѣки до Кангана.

Послѣ бури въ послѣднюю ночь, наступило ясное утро, освѣщен-

ное солнцемъ; проходя же черезъ долину, мы видѣли чудные виды — дѣса и горы ярко зеленые, освѣжившіеся недавнимъ дождемъ. Растительность всюду рослопная и почти совершенно прячетъ отъ взоровъ маленькіе хутора, разсыпанные вдоль края холма.

Тѣпистыя орѣховыя и тутовыя деревья грушиами раскинуты всюду и едва замѣтны между абрикосовыми деревьями, сливами и яблонями, закрывающими отъ взоровъ небольшія поля риса, проса и гороха, или узкія полоски амаранта и гречихи, требующихъ ухода земледѣльца болѣе, чѣмъ дикорастущія фруктовыя деревья.

Оба послѣднія растенія составляютъ важную статью зимняго продовольствія здѣшняго крестьянина. Амарантовое сѣмя варится съ молокомъ въ видѣ похлѣбки и считается теплой и питательной пищей. Гречиху же жарятъ и, смоловши въ муку, пекутъ тонкими лепешками, смѣшивая съ орѣховымъ или абрикосовымъ масломъ, которое здѣсь въ странѣ обыкновенно употребляется для домашняго хозяйства и въ кушанье.

Въ Канганѣ вечеръ кончился бурей съ громомъ и молніей, разразившейся надъ холмами, а на слѣдующее утро, когда мы продолжали путь свой въ Гундъ, нѣсколько налетѣвшихъ тучъ обкатали насъ дождемъ и потомъ, отлетѣвъ къ вершинамъ холмовъ, открыли взорамъ нашимъ мѣстность, по которой мы проходили.

Когда мы миновали воздушный потокъ, холмы съ обѣихъ сторонъ стѣснились около рѣки Синдъ, и громадныя откосы ихъ были покрыты сосновымъ и кедровымъ лѣсомъ, кончавшимся у самыхъ береговъ. Свѣтлыя, зеленыя лужайки открывали видъ черезъ массу темнаго лѣса, темныя отѣнки котораго пріятно разнообразились тамъ и сямъ зеленью другой формы и цвѣта. Прорывы въ несущихся облакахъ временами показывали намъ не надолго голыя пики, возвышавшіеся къ небесамъ громадными уступами обнаженнаго камня, обозначающаго предѣлы растительности, и одѣтыя снѣгами горныя вершины, освѣщенныя лучезарнымъ свѣтомъ.

Воздухъ былъ пріятно свѣжъ и пропитанъ медовымъ запахомъ множества дикихъ цвѣтовъ, изъ которыхъ знакомый лабазникъ, такъ и выдѣлялся своимъ обиліемъ. Онъ живительно подѣйствовалъ на нашихъ людей и животныхъ, веселія пѣсни и бодрость которыхъ показывали, что они совершенно отдохнули отъ лихорадокъ и усталости нашей жизни въ Сриннагарѣ. Мы зашли по дорогѣ въ деревню Тереванъ, съ Галномъ по другую сторону, и потомъ черезъ четыре

мили пришли въ Гари съ Гандьваномъ по другую сторону рѣки. Нѣсколько далѣе мы перешли черезъ рѣку по мосту подобному мосту между Гандарбаломъ и Канганомъ, и, пройдя черезъ лѣсъ, пересѣкли нѣсколько обработанныхъ полей въ Сумбалѣ, а за деревней перешли черезъ рѣку по мосту, длиннѣе котораго, мнѣ кажется, мы не встрѣчали по всей дорогѣ. Во всякомъ случаѣ, онъ качался сильнѣе другихъ, и колебаніе шестовъ чрезвычайно неприятно мѣшало идти.

Начиная отъ Гандарбала до долины Нубры всѣ эти мосты совершенно одинаковы, и состоятъ изъ двухъ или трехъ длинныхъ еловыхъ жердей, положенныхъ на быки, сдѣланные изъ груды паваленныхъ камней по обѣ стороны потока, а на жерди эти положены поперекъ необтесанные обрубки брусевъ. Такіе мосты зовутся *сама*, и у нихъ рѣдко попадаются перильца у краевъ. Только нѣшкомъ безопасно переходить по нимъ; постоянное сотрясеніе пугаетъ лошадь. Вьючныхъ лошадей можно переводить по нимъ только по одиночкѣ.

По другую сторону Сумбальскаго моста мы прошли чрезъ поднимающіяся террасами полосы обработанныхъ полей Прао, а за двѣ или за три мили далѣе остановились для завтрака не далеко отъ Гунда, гдѣ отрядъ нашъ сталъ лагеремъ на откосѣ господствовавшемъ надъ рѣкою—на разстояніи пятнадцати миль. Дорога проходить по этому мѣсту и, возвышаясь къ Резину на восемь миль далѣе, идетъ по мѣстности чрезвычайно богатой, но не очень населенной. Крестьяне повидимому жили въ довольствѣ, и въ усадьбахъ у нихъ были и коровы, и лошади, и овцы, и козы. Во многихъ деревняхъ разводятся пчелы, и въ Прао къ завтраку намъ подали свѣжія соты.

Отъ Гунда мы прошли пятнадцать миль въ Шать-Гари. Первые три мили до Ревилы дорога очень тяжелая; она круто идетъ въ гору, гдѣ въ иныхъ мѣстахъ выбита въ вертикальной гранитной стѣнѣ. За Ревилемъ—небольшой гучки усадьбъ, раскинутыхъ между великолѣнными орѣховыми деревьями, живописно группирующимися у начала небольшой долины Гумбургъ, спускающейся между дикихъ холмовъ къ сѣверу—дорога проходить черезъ большія засѣянные поля, спускающіяся къ рѣкѣ цѣлымъ рядомъ террасъ, и приводитъ къ деревни Кудашъ. Тутъ она пересѣкаетъ рѣку и отлогую площадку, на которой стоятъ усадьбы Гвинара и Резинъ; за ними она

спова поднимается къ Гагангеру, гдѣ мы остановились позавтракать подъ тѣнью орѣховыхъ деревьевъ.

Тутъ дорога становится чрезвычайно тяжелой, и мили четыре идетъ то поднимаясь, то опускаясь вдоль подошвы крутыхъ скалъ, представляющихъ чрезвычайно дикую картину. Неровные хребты завершаютъ холмы и возвышаются острыми зубцами къ поднебесью, а рѣдкій лѣсочекъ на отлогихъ скатахъ едва прикрываетъ голые камни. Во многихъ мѣстахъ дорога была завалена обломками аспида и песчаника, скатившихся съ откосовъ, и много ихъ пришлось отвалить. Но у насъ много было прислуги и, встрѣчаясь съ такими препятствіями, мы не теряли времени. Возвращаясь на слѣдующій годъ этимъ же путемъ, мы нашли дорогу эту, называвшуюся Галгъ-Сатту почищенной и улучшенной. Пройдя её, мы перешли рѣку и расположились лагеремъ на цвѣтущемъ лугу вдоль берега, подъ тѣнью лѣса, покрывавшаго края, и скрывавшаго отъ нашихъ взоровъ великолѣпный видъ мѣстности.

Въ Шатъ-Гари долина расходуется по разнымъ направлениямъ и образуетъ амфитеатръ изъ холмовъ. Однообразная поверхность покрыта роскошною цвѣтущею растительностью, а окружающая мѣстность представляетъ лучшее зрѣлище, какое можно видѣть въ Кашмирѣ: горы, ледники, лѣсистые откосы и зеленые луга, съ стремительными потоками и мрачными ущельями, соединенными въ одну картину. Шатъ-Гари — деревня изъ восьми или десяти домовъ, около которой мы расположились, — означаетъ «Семь холмовъ» отъ числа пиковъ, окружающихъ ложбину, называющуюся обыкновенно Сова-Маргъ или «Золотымъ Лугомъ» вслѣдствіе цвѣтистыхъ откосовъ въ томъ концѣ, гдѣ находится деревня того же имени.

Подъемъ по этому пути значителенъ. Я получилъ 1848 футовъ разницы въ точкѣ кипѣнія воды, обозначавшей возвышенность въ Шатъ-Гари въ 8506 футовъ. Перемена въ климатѣ и разница въ температурѣ тоже очень чувствительны.

Время нашего пути самое благопріятное для туристовъ въ Кашмирѣ, гдѣ окружающіе холмы могутъ служить мѣстомъ охоты для охотника. Олень или *баразилъ*, бѣгаетъ по лѣсамъ и кормится въ прогалинахъ, прерывающихъ густую тѣнь; ибевсъ или *кель* играетъ на недосыгаемыхъ вершинахъ и пасется на лужайкахъ небольшихъ покостей, гдѣ дикая коза или *марморъ*, пасется вмѣстѣ съ нимъ, раздѣляя между собою владѣнія; черный медвѣдь или *ганутъ* пасется

въ рывинахъ и ущельяхъ, въ то время какъ фазанъ причетъ свои яркія перья въ благопріятную зелень лѣсовъ, гдѣ онъ живетъ; снѣговой фазанъ смѣшивасть свои, менѣе привлекательныя перья, съ подходящими оттѣнками утесовъ, среди которыхъ онъ обитаетъ. Зямою вся эта мѣстность покрыта снѣгомъ, и тогда нѣсколько домовъ, составляющихъ признаки населенія этой части, покидаются своими обитателями, кромѣ тѣхъ, которыхъ губернаторъ оставляетъ, чтобы поддерживать пути сообщеній страны.

Изъ Шать-Гари мы пересѣкли Сона-Маргъ и, перейдя рѣку повыше деревни, пошли вдоль нее къ Балталу — «Подножіе Прохода» — гдѣ мы раскинули палатки неподалеку отъ жалкихъ лачугъ, предназначенныхъ для почтовой станціи и пріюта путешественниковъ. Разстояніе, пройденное нами, было въ двѣнадцать миль. Рѣка Синдъ соединяется тутъ съ значительнымъ притокомъ, пробирающимся по живописному ущелью, извивающемуся съ юговостока, тогда какъ главный потокъ течетъ съ сѣверо-востока и кажется менѣе своего притока, теряясь изъ виду нѣсколько повыше, въ темномъ, глубокомъ ущельи Зоджибала. Растительность здѣсь — на границѣ ея изобилія въ этой мѣстности — очень обильна, въ особенности травами и цвѣтущими растеніями. Я собралъ сѣмена многихъ разныхъ породъ, которыя попадались намъ на станціяхъ по дорогѣ, и послалъ доктору Гукеру въ Кью и мистеру Андерсону Генри въ Единбургъ.

Я помнилъ, что это мѣсто мнѣ указывали какъ на родину *кута* или «костума» погонщики, которыхъ мы встрѣчали по пути въ Сринаггаръ, но я напрасно искалъ это растеніе около нашего лагеря. Между нашими носильщиками, я не могъ найти никого, кто бы даже зналъ это названіе. По большей части это были не мѣстные жители, а собранные сюда изъ дальнихъ мѣстъ округа по экстренному случаю; но хотя сами они не могли помочь мнѣ, всё-же одинъ изъ нихъ привелъ мѣстнаго жителя съ близъ лежащей почтовой станціи, который принесъ мнѣ нѣсколько породъ съ холма за нѣсколько миль оттуда.

Слѣдующая станція наша была въ Матаяѣ. Идя на слѣдующій день — 7-го сентября — изъ Балтала, мы перешли черезъ переваль Зодумбаль, и вскорѣ послѣ этого перешли изъ территоріи собственно Кашмирской въ Тибетскую. Мы оставили за собою прелестнѣйшую страну съ роскошною растительностью, вѣчно зеленой въ влажной атмосферѣ ея климата, и вошли въ мѣстность съ сухимъ воздухомъ и гдѣ не росло ни деревьевъ, ни травы далѣе береговъ рѣкъ и по-

токовъ. Мы потеряли разнообразный и живописный видъ известковыхъ и песчаныхъ горъ, съ вѣчно зелеными рощами и пастбищами, и вмѣсто нихъ нашли сухія степи и дикія мѣста шифра и сланца, гранитныхъ и гнейсовыхъ утесовъ, съ своимъ безконечнымъ однообразіемъ, нѣсколько нарушавшимся постоянными суровыми ледниками. Мы разстались съ добродушнымъ народомъ, представляющимъ своими красивыми чертами лица и плотной фигурой одну изъ чистѣйшихъ формъ распространеннаго типа кавказскаго племени — арианъ и встрѣтили другой типъ, — ясноносящій на себѣ типическій характеръ великой вѣтви монгольскаго древа — татарскій. Съ этой переменной мы перешли отъ одного царѣчія къ другому — отъ арианскаго къ туранскому, и отъ исповѣдующихъ одну религію къ исповѣдующимъ другую — отъ мусульманъ къ буддистамъ. Наконецъ, перейдя изъ одной страны въ другую, мы встрѣтили инья маперы и одежду, инья растенія и животныя. Вмѣсто многоженства встрѣтили многомужество, и шапку вмѣсто тюрбана. Мы увидали пастбища съ особенной травой вмѣсто обыкновенной муравы и нашли хрюкающаго быка и помѣсь вмѣсто быка и коровы. Границу между этими двумя странами такого противоположнаго характера образуютъ рѣки Синдъ и Драсъ, протекающія въ разныя стороны къ западу и къ востоку, «тогъ раздѣль незамѣтное сѣдлообразное возвышеніе, идущее поперегъ узкаго мѣста миль за пять отъ перевала; и хотя въ тѣни его мы нашли кое-какіе разбросанные цвѣты, но мѣсто это въ продолженіи восьми мѣсяцевъ бываетъ завалено снѣгомъ».

На проходъ этотъ здѣсь обращается сильное вниманіе, такъ какъ онъ можетъ сдѣлаться самымъ серьезнымъ препятствіемъ на пути сообщенія съ сѣвернымъ краемъ. Тибетцы зовутъ его Зои-Ла, а кашмирцы Зоибаль. Оканчивающій слогъ на языкѣ обоихъ народовъ обозначаетъ «проходъ», а собственное имя есть измѣненіе имени Шивы или Шеои, одного изъ трехъ индусскихъ боговъ.

Проходъ въ продолженіи полу-года закрытъ для торговли, а въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ по немъ съ опасностью жизни ѣздятъ почтовые курьеры. Посольство Аталыка Газы перешло этотъ проходъ въ декабрѣ мѣсяцѣ прошлой зимой съ большими затрудненіями, и, какъ сообщили намъ здѣсь, лишилось одиннадцати человѣкъ носильщиковъ, погибшихъ въ снѣжныхъ обвалахъ. Здѣсь проходятъ двѣ дороги: одна изъ нихъ идетъ около самой рѣки и проходитъ черезъ льдины и снѣжные сугробы, заваливающіе узкій про-

ходъ или ущелье, по которому рѣка протекаетъ; другая же поднимается вверхъ по крутому скату горы и идетъ надъ рѣкой къ сѣверу. По первой ѣдутъ рѣдко вслѣдствіе опасности ея, и она годится только для пешеходовъ; другая же дорога очень хороша, и поправляетъ ее кашмирское правительство.

Мы отиравились по послѣдней дорогѣ, и, пройдя половину ея, нашли возвышеніе по точкѣ кипѣнія воды въ 11,400 футовъ надъ уровнемъ моря, и 2,118 футовъ надъ Балталомъ. Подъемъ этотъ очень крутъ и идетъ зигзагомъ по одной сторонѣ высокой горы, образующей одну изъ стѣнъ ущелья. Наша длинная вереница муловъ поднялась очень хорошо, и мы лишились только двухъ ящиковъ съ столовыми винами, упавшихъ подъ гору, и понавшихъ въ рѣку, гдѣ чрезъ проломленные бока ящиковъ прозрачныя воды Синда быстро замѣнили шотландскую виски и французскую водку, предназначенныя для нашихъ обѣдовъ зимою. Спускъ по другую сторону удобнѣе и ведетъ прямо къ самой рѣкѣ, гдѣ вдругъ съуживается и обращается въ ущелье. Мы перешли на другую сторону по массѣ плотнаго снѣга, круто склоняющагося къ ущелью.

Этотъ проходъ интересенъ въ историческомъ отношеніи, какъ мѣсто гдѣ яркандскія войска султана Саида въ 1531 году п. Р. Х. разбили защитниковъ его. Эта битва описана главнымъ дѣйствующимъ лицомъ предпріятія, — Мирзой Мухамедомъ Гидаромъ—въ исторіи Мугхаль-Хана Кашгарскаго. Онъ написалъ книгу свою въ «городѣ Кашмирѣ» или въ Сринагарѣ въ 1544 году п. Р. Х., и озаглавилъ ее «Гаригги Рашиди» или «Лѣтописи Рашида», бывшаго въ то время царствующимъ ханомъ Кашгара. Во время пребыванія нашего въ странѣ, я приобрѣлъ хорошій списокъ съ этой книги и извлекъ изъ нее много интересныхъ историческихъ замѣтокъ, связанныхъ съ различными мѣстами проходимою нами дороги. По описанію этой компаніи, предпринятой противъ невѣрныхъ Тибета, султанъ Саидъ вышелъ изъ Ярканда въ послѣдній мѣсяцъ магомеданскаго 938 года, соотвѣтствующаго апрѣлю или маю нашего 1531 года, съ арміей въ 5,000 человекъ, и перейдя черезъ Каракорумъ, напалъ на первое поселеніе въ долинѣ Нубры. Силы его двигались двумя колоннами, одна изъ которыхъ, подъ совмѣстнымъ начальствомъ сына его Искандера и министра его Мирзы Гидара—вышла за нѣсколько дней впередъ, то-

гда какъ другая подѣ начальствомъ самаго Саида, двинулась вслѣдъ за нимъ.

Султанъ Саидъ такъ жестоко страдалъ отъ стѣсненія дыханія въ горныхъ ущельяхъ—отчего онъ впослѣдствіи и умеръ—что офицеры его, испугавшись за жизнь его, снесли его ниже въ долины и послали гонцовъ предупредить Мирзу Гидаръ о болѣзни царя. Первая колонна двинулась побѣдоносно до Мариола или Ладака когда получила это увѣдомленіе; и Мирза Гидаръ тотчасъ же отступилъ, и соединился съ повелителемъ своимъ въ Нубра, гдѣ нашелъ, что больной совершенно поправился отъ болѣзни, выйдя изъ слоя вредившаго ему воздуха.

Послѣ этого нападающіе воевали въ продолженіи четырехъ или пяти мѣсяцевъ съ жителями, и храбро прошли ихъ слабо населенныя долины, убивая, забирала въ плѣнъ и обращая до тѣхъ поръ, пока не опустошили всю страну. Подошла зима, и было ясно, что страна не можетъ продовольствовать такого множества народа до весны, что заставило ихъ отступить въ проходъ.

Вслѣдствіе этого, они рѣшили раздѣлить свои силы, и искать зимнихъ квартиръ гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ. Султанъ Саидъ съ тысячею воинами проникъ въ страну Балти, которая, по описанію его, находится между Бадакшаномъ и Болоромъ, и былъ принятъ какъ гость правителемъ ея, Барамомъ Токкомъ. И онъ, и народъ его, повидимому, были мусульмане — вѣроятно еретической секты шіа, такъ какъ ярандцы — послѣдователи сунни — относились къ нимъ вовсе не по братски, и злоупотребили гостепримствомъ своихъ хозяевъ, выгнавъ ихъ изъ домовъ, перебивъ мужчинъ, обративъ женщинъ въ рабство и захвативъ ихъ имущество.

Мирза Гидаръ, съ молодымъ Искандеромъ и съ четырьмя тысячами арміи, за исключеніемъ небольшого отряда, оставленнаго въ Нубрѣ, отправились въ Кашмиръ. Они прибыли къ проходу Зонбаль около ноября или декабря; нашли его всего въ снѣгу, и подъ защитой четырехъ сотъ воиновъ, — очевидно жителей Драса. Но они скоро были обращены въ бѣгство превышавшимъ числомъ неприятелемъ, и ярандцы посѣдѣли въ Сринагарѣ, куда пришли на второй вечеръ, остановившись только переночевать на полпути. вмѣстѣ съ битвой они употребили сорокъ восемь часовъ на переходъ въ семьдесятъ миль.

Въ Сринагарѣ ихъ радушно принялъ царь, Мугамедъ Шахъ,

разнообразившіи монотонность зимнихъ мѣсяцевъ празднествами, по случаю брака своей дочери съ яргандскимъ принцемъ.

На слѣдующую весну войска Саида вышли изъ своихъ убѣжищъ. Повидимому жестокость зимы въ Балти нѣсколько успокоила пылъ религіознаго рвенія султана Саида, такъ какъ онъ двинулся для того, чтобы возвратиться къ себѣ въ столицу. Дойдя до возвышенныхъ мѣстъ, съ нимъ сдѣлались прежніе припадки, и хотя онъ сиѣшилъ безостановочно къ тому мѣсту, гдѣ стѣспеніе дыханія или *дамъ* прекращается, по умеръ на половинѣ дороги, за нѣсколько миль отъ Караворумскаго прохода, ровно черезъ двѣнадцать мѣсяцевъ послѣ того, какъ выступилъ въ эту несчастную экспедицію.

При выходѣ изъ Нубры, Саидъ приказалъ Мирзѣ продолжать *каза*, и нести побѣдоносное знамя ислама въ самую столицу невѣрныхъ—въ Аорзангъ, или Уманъ, или Хлассу—вслѣдствіе чего кашмирскій отрядъ тотчасъ же выступилъ въ походъ изъ Маріюла, такъ какъ цѣль компаніи ихъ находилась на расстояніи двухъ мѣсяцевъ пути. Отрядъ невѣроотно страдалъ отъ холода, лишеній, и вліянія слишкомъ высокой мѣстности и, проблуждавъ мѣсяца два, принужденъ былъ отступить къ Маріюлу, не успѣвъ пройти и половины пути до мѣста назначенія. Тутъ они узнали о смерти Саида, о революціи въ Кашгарѣ и восшествіи на престолъ его старшаго сына султана Рашида, послѣ убіенія дяди мирзы Гидара, Саида Мугамеда Хаана, который завладѣлъ престоломъ въ пользу Искандера, и о возвращеніи Искандера съ арміею, и объ изгнаніи Мирзы Гидара. Зима началась, и соединенные начальники, рѣшились дѣлать все, что судьба пошлетъ имъ. Смерть и побѣги убавили войско ихъ до пятисотъ человекъ. Они взяли крѣпость Калазіа или Бала-Шіа, и продержались въ ней до весны, питаясь десятью тысячами овецъ, которыя они захватили дорогой. Съ открытіемъ путей сообщенія, они напали на Рангъ Шагаръ, и, опустошивъ ея страну въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, вернулись наконецъ въ Маріюль, гдѣ остатокъ силъ разсѣялся, отираваясь по одиночкѣ въ Яргандъ. Съ приближеніемъ этой третьей зимы, Мирза Гидаръ и Искандеръ, съ отрядами своими, уменьшившимися до пятидесяти человекъ, отправились искать болѣе безопаснаго убѣжища. Когда они дошли до Караворума у нихъ было всего двадцать семь человекъ. Изъ нихъ четверо вернулись съ Искандеромъ въ Яргандъ, а остальные отправились съ Мирзой Гидаромъ искать счастья по неизвѣстному пути черезъ Рашигамъ и

Намиръ въ Бадакшанъ. Такимъ образомъ кончилось яркандское вторженіе въ Тибетъ въ 1531 г.—первое и послѣднее, о которомъ мы имѣемъ свѣдѣнія.

Теперь станемъ продолжать рассказъ о нашемъ пути, прерванный ради историческихъ замѣтокъ. Перейдя черезъ Зои Ла на другой берегъ рѣки, дорога идетъ вверхъ по рѣкѣ, высота которой опредѣляется гипсометрически въ 11,300 футовъ. Вслѣдъ за этимъ, дорога переходитъ черезъ ущелье вдоль постепенно расширяющейся рѣки Драсъ и далѣе по торфяному болоту, вплоть до потока, спускающагося изъ ледниковъ, съ правой стороны. Тутъ въ первый разъ мы видѣли сурковъ, которыми славится эта мѣстность. Далѣе дорога, пересѣкая другіе потоки, ведетъ въ Матайонъ. Разстояніе 14 миль. Деревьевъ тутъ нѣтъ, но полей довольно много, засѣянныхъ по большей части ячменемъ, на длинной полосѣ напоспой земли, образующей долину. Климатъ и мѣстность внезапно измѣняются. За рѣкой вскорѣ прекращаются и береза, и ива, и рѣдкій можжевельникъ; холмы являются обнаженными, голыми, безъ всякихъ деревьевъ; характеръ ихъ сохранился въ такомъ видѣ во все время остальнаго нашего пути. Воздухъ тоже замѣтно суше и легче. Физиономіи, одежды и языкъ совершенно другіе. Ближайшею нашею станціею была Драсъ, за 13-ть миль отъ перехода. Это полдюжины лачугъ, разбросанныхъ на неровной мѣстности громаднаго углубленія, окруженнаго холмами, и составляющихъ столицу округа Драсъ, идущаго отъ Зои-Ла до Чанагунда. Въ срединѣ этой ложбины стоитъ маленькая квадратная крѣпость, съ гарнизономъ въ пятьдесятъ человекъ, а рядомъ съ нею находится *taxila*, или «коллекторатъ» (учрежденіе для сбора податей) губернатора округа. Надъ коллекторатомъ господствуетъ садъ, окруженный тополями и березами, яркая зелень которыхъ пріятно дѣйствуетъ на глазъ посреди общей бѣдности пейзажа, и сулитъ отрадную тѣнь отъ солнечныхъ лучей, столь сильныхъ, что въ нашемъ отрядѣ было нѣсколько случаевъ однодневной горячки и головной боли. Драсъ находится на 10,150 футовъ вышины и сѣзгу зимою, въ продолженіе двухъ—трехъ мѣсяцевъ, нападаетъ на одинъ футъ и болѣе. Иногда онъ лежитъ цѣлыми педьями на три или на четыре фута, и совершенно покрываетъ дорогу въ долинѣ. Далѣе въ Каргилѣ обыкновенная глубина его убавляется до нѣсколькихъ вершковъ. Наша дорога вела внизъ по взвивающейся узкой долинѣ рѣки Драсъ, къ берегамъ которой холмы спускаются цѣлыми рядами голыхъ, пе-

привлекательныхъ скалъ и вовсе не представляютъ никакого интереса. Интересны развѣ только прапгосы — называющіеся туземцами *прапгизамы* — которыхъ мы тутъ встрѣтили впервые. Рѣка, перейденная нами по мосту, за полмили отъ Пандраса, образуетъ узкое, извилистое промытое русло между обнажившимися слоями зеленого *змѣвика*. Такая мѣстность тянется на нѣсколько миль, пока рѣка не входитъ въ бассейнъ Драса. Тутъ мы снова перешли ее, по простому мосту изъ обрубковъ, столь обыкновенному въ здѣшней странѣ. Опъ напомнилъ намъ одно грустное происшествіе: мистеръ Коули — англійскій джентльменъ, путешествовавшій въ этихъ мѣстахъ лѣтъ шесть, восемь тому назадъ — проѣзжая верхомъ на лошади по такому мосту, упалъ въ рѣку и утонулъ.

По дорогѣ мы встрѣтили небольшія партіи носильщиковъ, которые несли чай въ Срипагаръ. Чай былъ закуоренъ въ продолговатые тюки, зашитые въ баранью кожу, которые носильщики несли на деревянныхъ носилкахъ, надѣтыхъ за спину какъ ранцы. У нихъ были въ рукахъ палки въ видѣ латинскаго Т, на которые по временамъ они подпирали свои колѣни, чтобы отдохнуть и перевести духъ. Чай идетъ изъ Хлассы и пересылается отъ станціи до станціи на саниахъ различныхъ партій носильщиковъ, изъ которыхъ каждая партія несетъ только по своему округу. Въ Драсѣ большая часть лошадей и носильщиковъ, поставленныхъ для насъ кашмирскими властями, были смѣнены. Лошади были бодрѣе, крѣпкѣе на ноги, и оказались въ послѣдствіи отличными обозными конями; татарскимъ же носильщикамъ, по ихъ терпѣливой выносливости въ работѣ и по неприхотливости, слѣдуетъ отдать пальму первенства передъ остальными носильщиками. Но достоинство ихъ лучше оцѣнивать въ благородномъ отъ нихъ разстояніи, такъ какъ моются они рѣдко, и при встрѣчѣ съ ними чувствуется не совсѣмъ пріятный запахъ.

Туземцы этого округа мусульмане секты шиитовъ, по физиономіи походятъ на татаръ, которыхъ мы видѣли въ послѣдствіи, и съ которыми они охотно дружатся. Одежда ихъ нѣчто среднее между одеждой кашмирцевъ и бготовъ, а по тюрбанамъ, которые нѣкоторые изъ нихъ носятъ, иностранецъ не отличаетъ ихъ отъ бготовъ, съ языкомъ которыхъ у нихъ тоже есть много общаго. По фигурѣ они вообще красивѣе бготовъ, и во многихъ изъ нихъ очень замѣтны слѣды примѣся кашмирской крови. Они кажутся омагомеданѣвшимися татарами, образующими связующее звѣно между

расходимся типомъ аріанъ и туранцевъ. Мало кто изъ нихъ говоритъ на какомъ нибудь другомъ языкѣ, кромѣ своего собственнаго, и они даже называютъ деревни и станціи не такъ, какъ зовутъ ихъ кашмирцы. Одни зовутъ станцію Драсъ, другіе — Гимбансъ; одни Матайянь, другіе — Амбуши; одни Пандрасъ, другіе — Прансъ и т. д. Да и носильщики въ нашемъ отрядѣ говорили между собою на различныхъ діалектахъ, смотря по тому, изъ какого они были округа, хотя, повидимому, они всѣ другъ друга понимали. Я началъ составлять лексиконъ, но на каждой станціи находилъ такую громадную разницу, что бросилъ эту работу, какъ бесполезную. Во время остановки нашей въ Лехѣ, я собралъ нѣсколько сотъ словъ, и сравнивъ ихъ со словами, записанными на пути, нашелъ, что по нашему пути туземцы говорили на трехъ различныхъ нарѣчіяхъ одного и того же языка. Языкъ этихъ татаръ называется кашмирцами бготекямъ. Онъ совершенно не похожъ на кашмирскій и на однородныя съ послѣднимъ нарѣчія Дардистана и Кафиристана, или Бадакшана и Вахана, и не похожъ точно также на языки тюрскій и калмыцкій, употребляемые въ Кашгарѣ.

Изъ Драса мы пришли въ Таегамъ—шестнадцать миль—и по выходѣ изъ лагеря замѣтили около дороги три каменные столба. Они были отъ четырехъ до пяти футовъ вышиною, съ рѣзными украшеніями индусскихъ боговъ. Никто не могъ сказать намъ, какъ они сюда попали, и вообще что нибудь о ихъ исторіи. Путь нашъ лежалъ внизъ по рѣкѣ, по узкой извилистой долинѣ, съ множествомъ деревенецъ и съ значительными напями по узкимъ полоскамъ по обѣ стороны рѣки. Тутъ были поля съ люцерной—здѣсь называемой *буксукомъ*, а въ Лехѣ *чхумто*—и правгосы стояли на поляхъ около дороги, для зимняго корма мѣстной скотины, помѣси *ака* (*bos grunniens*) и домашней коровы, самецъ и самка которой называются *зхо* и *зхамо*. Тутъ встрѣчается множество скрещиваній между помѣсью и родоначальниками, но они не часты и не такъ цѣнятся, какъ простая ломѣсь. *Зхо* очень выносливъ и вротокъ и предпочитается для плуга и для перевозки тяжестей болѣе смѣлому, но упрямому *яку*; въ то время какъ *зхамо* даетъ, говорятъ, молоко и болѣе постоянно, чѣмъ обыкновенная корова и ѣсть умѣренно и не разпобразно.

Слѣдующій двадцати двухъ мильный переходъ нашъ былъ длиненъ и утомителенъ; въ Каргиль мы прибыли 12-го сентября. Въ

теченіе первыхъ двухъ часовъ дорога спускается къ ложу рѣки, здѣсь весьма узкому и каменистому, и потомъ, перейдя по неровному дну, поднимается на небольшую площадку, на которой стоитъ одинокая наблюдательная станція Карбо. За милю или за двѣ отъ лагеря, дорога пересѣкаетъ рѣку по деревянному мосту, переброшенному на выдавшійся утесъ. Проходъ къ дорогѣ вокругъ утеса очень узокъ и опасенъ, потому что идетъ по краю пропасти, по дну которой мчатся бурныя воды рѣки.

Какъ здѣсь, такъ и у многихъ подобныхъ переходовъ, попадавшихся намъ въ продолженіи пути нашего по этой территоріи, мы нашли нѣсколько человекъ посильщиковъ, ожидавшихъ тутъ пасъ, чтобы помочь перенести вещи, и все было благополучно перенесено.

За наблюдательной станціей мы нашли развалившіяся стѣны хижины, по словамъ проводника—остатки деревни, нѣкогда занимаемой золотоискателями, работавшими на крутомъ скатѣ холма, на противоположномъ берегу рѣки. Они прокопали галерею вглубь холма и промывали въ рѣкѣ золотоносный песокъ довольно удачно до тѣхъ поръ, пока однажды подкопанная земля не засыпала нѣсколькихъ человекъ. Это приключеніе золотоискатели сочли вмѣшательствомъ Провидѣнія, бросили свое дѣло и разошлись.

Отсюда мы спускались и поднимались по цѣлому ряду проселочныхъ дорогъ, примыкавшихъ къ рѣкѣ, которая принимаетъ съ противоположной стороны чистыя голубыя воды владающаго въ нее Шанго. Поднявшись на высокіе берега изъ гранитныхъ утесовъ, на которыхъ стоитъ Чаннагундъ—или какъ называютъ его татары Пилискимбо—мы остановились позавтракать, пока перенавливали наши вещи.

Продолжая путь, пройдя двѣ или три мили, мы добрались до соединенія рѣки Тангекамы съ рѣкою Драсъ, и, поднявшись черезъ неровный гнейсовый мысъ, пошли вдоль по теченію, оставивъ Драсъ влѣво. Наконецъ еще черезъ три мили неровнаго пути мы пришли въ Каргиль. Противоположный берегъ рѣки Драсъ окаймленъ деревьями, возвышающимися надъ узкими полосами полей и огородовъ, идущихъ террасами отъ берега рѣки по всему пути до Повена, противъ Каргиля.

Между Чаннагундомъ и Каргилемъ по той дорогѣ, по которой мы слѣдовали, нѣтъ ни полей ни жилищъ. Дорога камениста и избита, а

въ то время, какъ мы проѣзжали по ней, она была завалена остатками двухъ глыбъ земли, свалившихся съ горъ отъ страшнаго дождя, ливнаго два мѣсяца тому назадъ. Одна изъ этихъ двухъ глыбъ, свалившаяся въ рѣку, была 250 ярдовъ въ поперечникѣ, и падая—по словамъ моего проводника, каргильскаго уроженца—унесла съ собою сорокъ головъ скота и трехъ пастуховъ, охранявшихъ стадо.

Каргиль очень живописное мѣстечко у соединенія рѣкъ Суру и Паскюма или Вауха, которыя, соединяясь, образуютъ Тангеканъ. Эта значительная деревня помѣщается на лѣсистомъ скатѣ надъ шумнымъ соединеніемъ рѣкъ и надъ цвѣтущими повенскими полями на противоположномъ берегу.

Это столица уѣзда того же названія, простирающагося отъ соединенія Тангекана съ рѣкою Драсъ до прохода Потола, имѣющая форть и коллекторатъ. Коллекторатъ стоитъ на концѣ деревни и состоитъ изъ нѣсколькихъ хорошенькихъ и удобныхъ зданій съ тѣнистыми террасами, передъ которыми мы расположились лагеремъ.

Форть господствуетъ надъ дорогою у соединенія рѣкъ и устроены на одинокомъ каменистомъ ложѣ притока рѣки Суру, струи которой съ непрерывнымъ шумомъ бѣгутъ по обѣ стороны. Они соединяются съ берегомъ самымъ ветхимъ мостомъ, положеннымъ на крайне непрочныя съ виду груды камня и хвороста.

Тутъ намъ привелось видѣть большую толпу народа изъ уѣзда, собранную для услугъ нашему отряду, и мы пашля странное смѣшеніе буддистовъ и мусульманъ, повидимому совершенно равнодушныхъ къ предразсудкамъ вѣроисповѣданія, столь сильно господствующимъ въ странѣ, только что оставленной нами. Дѣйствительно, страна, на сколько мы могли видѣть ее, не имѣетъ памятниковъ, которые бы говорили о господствѣ или даже о существованіи той или друдой религіи, и не *маскиды* и *зіарашъ*, ни *гонна* и *хортенъ* не попадаются на глаза, какъ доbazательства мусульманской или буддистской религіи. Въ толпѣ же изъ семи или восьми сотъ человѣкъ, собравшейся около нашего лагеря, смѣсь этихъ двухъ религіи была несомнѣнна, и указывала на существованіе тутъ обихъ вѣрованій на нейтральной почвѣ. Весь народъ вообще зовется богтами, хотя многіе въ числѣ его мусульмане изъ презираемыхъ еретиковъ или изъ шитской секты; всѣ они представляютъ замѣтную фizioномію татарскаго типа. Я замѣтилъ нѣсколько лицъ, которыя можно было бы назвать китайскими.

Къ вечеру остановки нашей здѣсь, мѣстные жители устроили игру *поло* для нашего развлеченія, или, скорѣе, для своего собственнаго. Это — національная мѣстная забава; въ каждой деревнѣ есть ровное мѣстечко, тщательно очищаемое для *поло*. Но приемы этой игры, которые мы видѣли на родинѣ ея, можно назвать жалкими сравнительно съ тѣми, которые мы видимъ въ странахъ, привившихъ у себя эту забаву. Отвата и довольство какъ коня, такъ и всадника замѣняли недостатокъ быстроты и проворства, часто встрѣчающіяся между ними, и пеловкая ѣзда окупалась веселостію и кротостію всадника и его маленькаго коня.

Въ заключеніе представленія нѣкоторые изъ всадниковъ показывали свою ловкость и поднимали съ земли монету на всемъ скаку, не оставляя сѣдла. Это не было большимъ подвигомъ, такъ какъ лошади ихъ не больше англійскаго осла, и шаги лошадей не крупнѣе шаговъ баснословнаго упряма, съ ростомъ котораго я ихъ сравнилъ. Такая забава доставляла много удовольствія, по крайней мѣрѣ зрителямъ, вслѣдствіе смѣшныхъ усилій однихъ и неуклюжихъ паденій другихъ, сильно старавшихся выиграть призъ. Игра окончилась общею схваткою изъ за пригоршни мѣдныхъ денегъ, брошенныхъ въ толпу; схваткой, вызвавшей шумную возню, и, странно сказать, возню безъ всякой примѣси какой либо брани или злобы.

И дѣйствительно, какъ мы увидѣли изъ дальнѣйшаго знакомства съ нимъ, народъ этотъ такой простой и такого веселаго нрава, какого рѣдко можно встрѣтить; онъ живетъ смиренно и тихо согласно своему уставу. Толпа, собравшихся сюда со всѣхъ концовъ уѣзда, была тепло одѣта и хорошо накормлена, и вообще казалась состояла изъ людей довольныхъ своимъ положеніемъ.

Тутъ мы встрѣтили впервые татарскій костюмъ, съ которымъ короче познакомились во время послѣдующаго пути. Большая часть мужчинъ были одѣты въ бготскихъ шапкахъ, или *типи*, и носили за спиною *повѣшанными овецьи и козьи шкуры*. Шапка состоитъ изъ простаго мѣшка изъ крѣпкой ткани овечьей или козьей шерсти, и виситъ на одну сторону, когда надѣта на голову; конецъ мѣшка или завернутъ внутрь, или виситъ на спищѣ. Бготъ носитъ волосы по старинному заплетенные въ косу, длину которой онъ вовсе не прочь увеличить искусственною прибавкою изъ плетеной шерсти. Онъ тоже любитъ украшенія, и украшаетъ свою шапку пучкомъ цвѣтовъ, которые срываетъ на своихъ покосахъ, или яркими погонцами,

которые садить на крышѣ своей усадьбы. Онѣ носятъ въ ухахъ кольца изъ золотой или серебрянной проволоки, съ нанизанными красными кораллами и голубой бирюзой, а на шею вѣшаетъ, въ видѣ ладонки, большой кусокъ янтара или агата. Плащъ изъ овечьей и козьей шкуры, называющійся *хиюромъ*, носитъ свѣщеннымъ поперегъ спины на веревкѣ, идущей поперегъ груди черезъ плечо. Плащъ отдѣляется волосами или шерстью, и служитъ защитой для спины противъ холодныхъ мѣстныхъ вѣтровъ. Жители Кафиристана, который на сколько мнѣ извѣстно, можно назвать тоже горною мѣстностью, носятъ такой же плащъ, называемый ихъ братьями, обращенными въ исламъ, по его обыкновенному цвѣту: — *сіяхъ постъ*, т. е. «черная шкура». Вслѣдствіе этого ихъ отличаютъ отъ другихъ языческихъ племенъ названіемъ — *сіяхъ постъ кафиръ* или «язычники черной шкуры». Название это было почему то не вѣрно понято и передано какъ *сіяхъ пошъ*, или «одѣтый въ черное», что скорѣе примѣнимо къ синей одеждѣ самихъ афганцевъ, или къ намъ, или къ другому народу, который носитъ одежду болѣе или менѣе темнаго цвѣта, чѣмъ къ горцамъ Кафиристана, обыкновенно одѣвающимся въ шерстяную домашнюю ткань натурального цвѣта, а не въ причудливый костюмъ, въ какомъ я видѣлъ на фотографіи почетнаго кафира въ его національномъ парадѣ.

Остальная одежда бготскаго мужика очень проста. Широкая рубанка грубой бумажной ткани, прикрываемая кафтаномъ изъ толстой и крѣпкой шерстяной матеріи. Талью онъ стягиваетъ кожанымъ кушакомъ, черезъ который висятъ складки длиннаго шарфа, съ концами свѣшивающимися на широкихъ плечахъ; какъ штаны такъ и шарфъ одинаковой матеріи съ кафтаномъ. Ноги ихъ обуты въ грубые шерстяные носки, засунутые въ неуклюжіе башмаки изъ кусковъ мѣха и кожи, или въ сапоги изъ бараньей шкуры, мѣхомъ внутри; голени же прикрыты складками широкой шерстяной подвязки, съ разноцвѣтными краями. На кушакѣ висятъ разныя необходимыя принадлежности для путешествія, или вещи ежеминутно требующіяся въ обыкновенной жизни. Поясокъ съ простымъ лезвѣемъ, вложенный въ кожаный футляръ, виситъ съ одной стороны вмѣстѣ съ кремнемъ обдѣланнымъ мѣдью; а съ другой виситъ мѣшокъ для чая и табаку, и блестящая желѣзная трубка. Въ обширномъ внутреннемъ карманѣ кафтана засунутъ мѣшокъ съ ячменнымъ хлѣбомъ, а иногда просто съ кускомъ тѣста, распарившимся отъ тѣлес-

ной теплоты, и деревянная чашка, изъ которой оны ѣсть. За спиною внизу привѣшана вещь похожая на колчанъ; но нашъ мирный броть никогда не носитъ ни лука, ни стрѣль, и никакого военнаго оружія. а этотъ подозрительный деревянный цилиндръ, украшенный и расписанный простымъ узоромъ, есть ничто иное, какъ его чайникъ.

Изъ Каргили дорога идетъ передъ фортомъ черезъ рѣку тремя или четырьмя бревенчатыми мостами, соединяющимися запрудою; поднимаясь изъ ложбины въ продолженіе четырехъ или пяти миль, мы перерѣзаемъ волнообразную песчаную мѣстность, занимающую уголъ между двумя рѣками, и потомъ спускаемся въ долину Паскіума.

Выступы по обѣимъ сторонамъ извиляющейся рѣки заняты цвѣтущими маленькими деревушками, въ свою очередь окруженными хлѣбными полями и рощами изъ ивы и тополя, представляющими пріятное зрѣлище довольства среди окружающихъ голыхъ утесовъ.

За ними долина внезапно суживается въ ущелье, на верху котораго съ правой стороны обращаютъ на себя вниманіе остатки каменнаго наrapета съ развалинами форта, очевидными признаками разрушительныхъ дѣйствій какого нибудь побѣдителя; ущелье пересѣкается дорогою, извиляющеюся по неровному грунту. Проходъ чрезвычайно узокъ и господствуетъ надъ рѣкою, прорывающею себѣ узкій путь между извилистыми утесами въ Латзумъ, деревню въ тридцать, или сорокъ дворовъ.

Мы остановились тутъ позавтракать, и потомъ продолжали путь свой вдоль по теченію рѣки, переходя черезъ нее шесть или семь разъ по мостамъ, и шли по узкому дикому ущелью изъ голыхъ скалъ змеевика, конгломерата, хлорита и сланца, разбросанныхъ въ водѣ въ полномъ безпорядкѣ. Дорога была исправлена и очищена отъ камней для нашего путешествія, но мѣстами все таки была и узка, и трудна. Мы паши множество кули, поставленныхъ вдоль дороги по труднымъ мѣстамъ—гдѣ проходъ былъ въ ущельяхъ на покатыхъ утесахъ, или черезъ мостъ—чтобы помочь нашимъ лошадямъ въ случаѣ несчастія.

Миль за восемь отъ Латзума ущелье расширяется въ болѣе открытую долину, гдѣ стоитъ деревня Шарголь. Мы стали лагеремъ неподалеку отъ нее на песчаномъ мѣстѣ въ извилицѣ рѣки, за восемнадцать миль отъ Каргили.

Тутъ, впервые, въ продолженіи всего нашего пути, мы наткнулись на памятникъ буддистской религіи, и потомъ далѣе до самыхъ ноби-

таемыхъ пустынь Тибетскихъ горъ не видѣли болѣе слѣдовъ какой нибудь другой религіи. Это было *манэ фанэ*, выстроенное на берегу, господствующемъ надъ нашимъ лагеремъ, и представлявшее ничто иное, какъ широкую стѣну изъ наваленныхъ камней. Въ ней было девятьюсто три шага въ длину, восемь шаговъ въ ширину и четыре фута въ вышину. Съ сѣверной стороны стѣны, какъ разъ на половинѣ, въ закрытомъ углубленіи стояла прямо четырехугольная каменная плита, съ вырѣзанымъ очень низкимъ барельефомъ фигуры Будды и его жрецовъ. По обѣ стороны этой плиты, стояли точно также плиты, покрытыя вырѣзанными надписями. Широкая верхушка стѣны была покрыта на семь протяженіи толстымъ слоемъ необдѣланныхъ камней, плоскихъ валуновъ, шиферныхъ плитъ, на каждомъ изъ которыхъ была тщательно сдѣлана надпись изъ одинаковыхъ буквъ, ясно вырѣзанныхъ на поверхности. Надписи были намъ прочтаны буддистскимъ священникомъ, который объяснилъ намъ, что все это различныя буддистскія молитвы.

Впослѣдствіи мы видѣли нѣсколько другихъ подобныхъ *манэ фанэ*, изъ которыхъ одинъ въ Лехѣ имѣетъ почти полмили длины. Надписанные камни, наложенные сверху, кладутся мірянами, для которыхъ священникъ или *лама* дѣлаетъ надписи; камни кладутся, чтобы умоливать Бога къ душамъ усопшихъ родственниковъ, испросить покровительства его противъ бѣдствій, его милости въ какомъ нибудь предпріятіи, или исполненія какого нибудь желанія. Относительно желаній, воображеніе бготовъ не менѣе разнообразно, чѣмъ воображеніе всякаго другаго болѣе образованнаго народа. *Манэ* почитается народомъ, который, проходя мимо, всегда оставляетъ его по правую сторону.

Слѣдующій переходъ нашъ въ Карбо былъ въ четырнадцать миль. Первая половина пути шла поднимааясь по хорошо обработанной долинь, поля которой, спускаясь большими террасами къ рѣкѣ, были уставлены только что сжатымъ хлѣбомъ, или волновались желтыми жнивами пшеницы и ячменя, готовыми для жатвы.

У входа въ долину прошли мимо *юнга* или «монастыря» Мюльбэ, одного изъ странныхъ жилищъ на утесѣ, придающихъ особенный характеръ мѣстности, а немного далѣе остановились, чтобы осмотрѣть уединенный утесъ, стоявшій на дорогѣ посреди долины, и издали бросающійся въ глаза вслѣдствіе яркихъ облаковъ ниспадавшихъ съ его вершины.

Съ сѣверной стороны на утесѣ вырѣзана гигантская фигура, подъ названіемъ *чамбо*, снятая фотографіей докторомъ Гендерсономъ, а у основанія его стоитъ хижина, гдѣ хранятся всѣ принадлежности для періодическаго служенія. На вершинѣ скалы утверждены два шеста, на которыхъ надѣты полукруглые мѣдные колпаки; подъ каждымъ изъ нихъ виситъ бѣлая коленкоровая юбка съ тремя оборками, окаймленными тесмой изъ краснаго сукна. Эта фигура, по Куннингаму, существуетъ тутъ съ 1620 года по Р. Х., когда буддизмъ былъ возобновленъ въ странѣ, послѣ подавленія его въ началѣ столѣтія магометанскими правителями Искарди. Подобная фигура, тоже называющаяся *чамбо*, стоитъ на уединенной скалѣ около деревни Диггаръ; мы видѣли ее на возвратномъ пути, но шестовъ съ шапками и платья не было. И тутъ, и тамъ фигуры превосходны, и говорятъ, что онѣ были сирятаны отъ магометанскихъ завоевателей Кашмира и Искарди.

Пройдя фигуру *чамба*, мы продолжали путь нашъ по долинь, черезъ цѣлый рядъ хлѣбныхъ полей и деревушекъ съ ихъ *хортенами*, и повернувъ отъ рѣки Вакха, пошли по сухому оврагу, извивавшемуся между голыми сланцевыми горами, увѣнчанными наслоеніями конгломерата и пластами слоистаго известняка. Мы прошли Намикскій проходъ въ 11.900 футовъ вышины, по указанію anerоида, и спустились по длинному скату въ долинь рѣки Шитанъ, текущей на сѣверъ, къ Искардо.

Тутъ мы повернули на право, и, слѣдуя по теченію рѣки, по юго-восточному направленію, прошли вдоль плодородной мѣстности, подобной той, которую мы оставили по другую сторону прохода, и остановились въ Карбо. По гингеометрическимъ наблюденіямъ, высота здѣсь доходить до 11,350 футовъ. Эта деревня, повидимому, выстроена недавно у подножія крутой скалы, на самой вершинѣ которой, у самаго края, остались развалины прежней деревни. Даже *хорты* тутъ кажутся совершенно новыми, и слои блестящей глины, которою они выбѣлены, такъ свѣжи, какъ будто только что наложены. Посланникъ говорилъ мнѣ, что три года тому назадъ верхняя деревня была необитаема, тоже самое подтвердили и крестьяне, говоря, что за два года передъ тѣмъ деревня была покинута вслѣдствіе сильнаго снѣга, проломившаго крыши.

Этотъ переходъ показался мнѣ чрезвычайно интереснымъ вслѣдствіе того, что характеръ существующаго буддизма для меня болѣе

выяснился; до сихъ поръ онъ извѣстенъ былъ мнѣ только по своимъ остаткамъ въ развалинахъ Юсуфзан. Деревня Такча, обратившая на себя вниманіе, когда мы по долину подходили къ лагерю, и, по будитскому, обыкновенію, выстроенная у края пропасти на отдѣльномъ утесѣ, оторванномъ отъ общаго наслоенія, невольно напомнила мнѣ о многихъ также устроенныхъ городахъ, развалины которыхъ до сихъ поръ вѣнчаютъ голые утесы и неровныя вершины безлѣсныхъ горъ, зубцами идущахъ по Юсуфчанской долину.

Нашъ дальнѣйшій путь по этой странѣ далъ мнѣ возможность сравнить существующіе здѣсь обряды религіи съ вымершими остатками ихъ въ другихъ мѣстностяхъ, и воображеніе мое вновь заселило прежними обитателями развалившіеся города: Такти Бахи, и Рани Гатъ, Савуль Дхеръ и Сахри Бахлому, и многіе другіе. Но чѣмъ отличается картина прошлаго отъ дѣйствительности настоящаго, и сообщу впоследствии.

ГЛАВА IV.

Ламы въ Ламмаюру.—Жизнь въ Ламмаюру.—Буддизмъ и многожуде.—Пріемъ бготскихъ поселенцев.—Лавина камней.—Воронъ и скалистый стрижь.—Стадо газелей.—Бготскій нарядъ.—Прибытіе въ Лехъ.—Теплая одежда.—День въ Хемисъ-Гомпа.—Внутренность буддистскаго храма.—Упадокъ буддизма.—Моголы въ Тибетъ.—Охота на дикихъ барановъ.

Изъ Карбо мы отправились въ Ламмаюру, за четырнадцать миль. Дорога поднимается по ущелью, холмамъ, и утесамъ изъ конгломерата, и на пятой милѣ, пересѣкая рѣку по мосту изъ брусевъ, ведетъ къ маленькой деревушкѣ Ханадгу. За деревней рѣка входитъ изъ долины Каши въ глубокое и темное ущелье, лежащее между вертикальными утесами асидныхъ горъ, высоко вздымающихся вправо отъ дороги; тамъ же, гдѣ рѣка выходитъ въ долину Карбо, съ нею соединяется узенькая рѣчка, текущая далѣе вдоль скатовъ хребта Фото-Ла.

Мы пошли вдоль по узкому руслу послѣдняго потока, и по удобному отлогу подьему поднялись къ вершинѣ прохода Фото-Ла, гдѣ находится знаменитое *хортенз*. Я остановился тутъ, чтобы измѣрить возвышенность по точкѣ выпѣнія воды, и нашель 13,670 футовъ. Видъ съ этого мѣста чрезвычайно обширный и необыкновенно монотоненъ отъ повторенія скучныхъ картинъ. Куда бы ни обратился глазъ, всюду встрѣчается та же однообразная картина громадныхъ горъ изъ раздробленнаго сланца, увѣнчанныхъ зубчатыми пиками слоистаго асида, болѣе темный цвѣтъ котораго кажется еще болѣе выдающимся отъ окружающихъ его вѣчныхъ снѣговъ. Промежуточные долины не прерывали безконечной цѣпи горныхъ наслоеній; лѣса не увеселяли картины, и пастбища не смягчали дикой безплодности вида.

Единственный предмет, довольно интересный въ окружающей мѣстности и заслуживающій вниманія, не смотря на то, что его составныя части трудно различались въ скучномъ однообразіи цвѣтовъ и оттѣнковъ, преобладавшихъ въ картинѣ, — это монастырь Ламмаюру, мазанки котораго и вывѣтрившіеся *шортены* смутно обрисовывались въ темныхъ тѣняхъ на концѣ спуска, куда вела насъ дорога.

Спустившись по оврагу, мы приблизились къ этому странному жилищу, находящемуся въ уединеніи негостепріимныхъ и суровыхъ горъ, и расположились лагеремъ на скатѣ, спускающемся въ видѣ террасъ, подъ тѣнью двухъ утесовъ, на вершинахъ которыхъ и стоитъ монастырь. Вниманіе наше на время было отвлечено отъ созерцанія таинственныхъ причинъ, влияющихъ на разумнаго человѣка при выборѣ имъ образа жизни, такъ странно и поразительно выраженнаго намъ тутъ примѣромъ.

Небольшое пространство покатаго маленькаго бассейна, окаймленнаго сверху линіями *мане* и рядами *шортеновъ*, было покрыто смѣшанной толпой кроткихъ бготовъ, шумливыми быками и рѣзвыми лошадьми и въ характеристическомъ безпорядкѣ было завалено грудами дровъ, стогами сѣна и мѣшками съ мукой. Все это и еще много другихъ вещей было приготовлено тутъ для нашей экспедиціи.

Зрѣлище обилія и дѣятельности въ обыкновенно безлюдномъ и глухомъ здѣшнемъ мѣстѣ вѣроятно было рѣдкостью для жителей; такою же рѣдкостью было и присутствіе нашего отряда. Красная одежда ламъ, двигавшихся въ толпѣ, доказывала, что народъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы сдѣлать себѣ праздникъ.

Послѣ обѣда мы съ капитаномъ Чапманомъ поднялись на крутизну скалъ позади насъ, чтобы осмотрѣть *Гонпа* или Ламмасари на ея вершинѣ. На верху мы были радушно встрѣчены нѣсколькими весьма привѣтливими священниками, бритыя макушки которыхъ и круглыя фигуры, плохо прикрытыя распушенной одеждою и наидикою — говорили объ очень хорошей ѣдѣ. Сильно чувственное выраженіе ихъ лицъ, и веселое настроеніе ума доказывали, что жизнь буддистскаго монаха вовсе не полна лишеній и бдѣнія, какъ бы можно было ожидать, судя по уединенію мѣстоположенія и бѣдности страны, не говоря уже о настоящихъ обязанностяхъ профессіи монаха.

Наши любезные друзья очень добродушно проводили насъ по запутаннымъ переходамъ своей обители, и безъ малѣйшей тѣни предразсудка или колебанія ввели насъ въ тайникъ своихъ «*sanctum sanctorum*». Это были три комнаты въ рядъ, низенькія и темныя, едва освѣщенные полудюжиною бумажныхъ свѣтилъ или лучинокъ, прямо поставленныхъ въ такое же количество масляныхъ стручковъ, вложенныхъ въ маленькія мѣдныя чашки, установленныя передъ идолами. Идолы стояли на возвышенной полочкѣ у стѣны, и были завѣшаны сущенными занавѣсками изъ вышитой шерстяной и шелковой матеріи, и неясно видѣлись въ полумракѣ таинственнаго убѣжища. Идолы очень походили вообще на индусскихъ боговъ, хотя представляли иную мифологію, и на полкѣ передъ ними лежало нѣсколько *лингамовъ* и *юни* — эмблемъ грубо выдѣланныхъ изъ комка ячменнаго тѣста. Тутъ мы были приняты главою ламъ, и полудюжиной другихъ ламъ, одѣтыхъ въ полное облаченіе и стоявшихъ наготовѣ полукругомъ съ ихъ музыкальными инструментами въ рукахъ. По знаку нашего проводника, они оглушили насъ самыми дьявольскими запутанными звуками, которые въ стѣнахъ ихъ храма произвели одно изъ худшихъ впечатлѣній, испытанныхъ впоследствии при различныхъ условіяхъ. Стѣны одной изъ комнатъ были украшены рисунками, изображающими эпизоды изъ жизни отдѣльныхъ боговъ, нравственность которыхъ была выставлена въ порочной формѣ, въ то время какъ полки другой были тщательно уставлены манускриптами, наполненными буддистскимъ ученіемъ.

Отсюда мы прошли черезъ маленькую неровную дорожку на побольшой открытій дворъ почти заполненный крутой горой, увѣчанной *хортеномъ*. Съ парапета смотрѣла внизъ на нашъ лагерь прямая верхушка утеса, гдѣ стоялъ хортень и она, кромѣ того, смотрѣла черезъ узкую долину на хрящеватый свѣтъ противоположнаго холма, неподалеку отъ подножія котораго видѣлась буддистская молитва *Ottane radme hou*, изъ громадныхъ буквъ, сложенныхъ изъ блестящаго бѣлаго булыжника.

Тутъ мы вошли въ другія низкія и узкія комнаты, повидимому спальни и столовыя монаховъ, и въ одной изъ нихъ застали двухъ монахинь мѣсившихъ тѣсто, вѣроятно для ужина. Это были некрасивыя, веселыя особы и, повидимому, работницы заведенія. Онѣ не прекратили работы, чтобы обернуться и посмотреть на насъ. Эти комнаты, подобно другимъ, приспособленнымъ для служенія богамъ

были узкими, грязными лачугами, и вели внизъ по веревочной лѣстницѣ въ такія же комнаты, съ конюшеннымъ соромъ, очевидно служившія стойлами для лошадей, коровъ и козъ монастыря. Видъ изъ окошекъ верхнихъ комнатъ выходитъ съ одной стороны на рывину, черезъ которую мы проходили, а съ другой на мрачное ущелье, лежавшее передъ нами; въ то время, какъ съ лицевой стороны онъ выходилъ на пустое мѣсто изъ чистаго хряща съ зеленымъ пригоркомъ у подножія горы, окаймлившей долину съ этой стороны, и позади которой возвышались суровыя вершины такихъ же голыхъ и неприютныхъ горъ. Трудно себѣ представить болѣе утомительную усыпляющую картину, и она безъ сомнѣнія вліяетъ на ихъ утомительно монотонное существованіе, и служитъ причиной безславной жизни, какую ведутъ эти монахи, ибо почти полгода они осуждены на бездѣйствіе, будучи замкнуты въ своемъ недоступномъ пріютѣ морозами и зимнимъ снѣгомъ.

Въ монастырѣ живутъ двадцать монаховъ (*ламъ*) и восемь монахинь (*гонпа*). Они повидимому образуютъ счастливую общину, и безъ сомнѣнія не недовольны своей судьбой. Проводники наши показали намъ солодяный напитокъ, приготовленный изъ обдирнаго мѣстнаго ячменя. Его называютъ *чангъ* и онъ ежедневно употребляется монахами, которые отъ него и сыты и толстѣютъ. Изъ того же солода гонятъ спиртъ, но его употребляютъ только въ особенныхъ случаяхъ, когда общинѣ дозволяется пировать и пьянствовать. Настоятель назначается изъ Хлассы, остальные же члены набираются въ странѣ, такъ какъ второй сынъ cadaго семейства посвящается духовенству. Эти послушники - священники, если можно назвать такъ бготовъ, посвященные церкви, носятъ платье *ламъ*, но ведутъ обыкновенную жизнь до тѣхъ поръ, пока ихъ не призвуть, согласно требованіямъ ихъ церкви, въ монастырь, гдѣ они должны уже отречься отъ міра и принять безбрачную жизнь монаха. Относительно монахинь монастырская жизнь произвольна, и повидимому, въ нее вступаютъ только женщины одинокія и неприютныя.

Монастыри содержатся народомъ и управляются Далай Ламою. (живущимъ въ Хлассѣ) какъ главою вѣры, черезъ подчиненныхъ и назначаемыхъ имъ ламъ. Такимъ образомъ духовенство старается провести жизнь съ наименьшими заботами и безпокойствами и не нести долю всѣхъ смертныхъ; по всѣмъ вѣроятіямъ, услуга его цер-

еви не заключается въ самоотреченіи или въ благочестивой покорности чистому ученію, выраженному великимъ законодателемъ.

Напротивъ того, это—пустое повтореніе безсмысленныхъ формулъ и униженное поклоненіе идоламъ, безъ дисциплины мысли и плоти. Такая жизнь тутъ процвѣтаетъ безъ соперничества, среди народа, погруженнаго въ страшнѣйшее невѣжество и самое узкое суевѣріе, народа, который въ каждой перемѣнѣ стихій, въ каждомъ случаѣ повседневной жизни видитъ вмѣшательство оскорбленнаго божества, или коварство злаго духа, и, который заботится только о томъ, чтобы успокоить одного, и отвратить другаго чрезъ посредство своихъ священниковъ, единственныхъ руководителей его правственнаго развитія. Это учрежденіе духовенства, соединенное съ многомужіемъ, практикуемымъ народомъ, приноситъ свою пользу; и можетъ быть, что при существующихъ условіяхъ, оно обязано происхожденіемъ своимъ нуждамъ страны. И то и другое является вѣроятно политическими формами болѣе подходящими къ жизни народа, какъ общины смирной, благоустроенной и промышленной

Обыкновенно братья одной фамиліи берутъ одну жену сообща, а дѣти принимаютъ имя и повинуются, какъ главѣ семейства, старшему мужу. Вслѣдствіе этого, и вслѣдствіе перехода извѣстнаго количества народа къ безбрачной жизни монастырей, населеніе удерживается въ такой пропорціи, какою страна можетъ содержать, такъ какъ единственными обитаемыми мѣстами можно назвать узкія долины, чрезъ которыя протекають рѣки, и маленькія площади въ горахъ, орошаемыя ихъ побочными притоками.

Населеніе Ладакской провинціи въ Кашмирѣ, начиная отъ этого мѣста до Нубры, опредѣляется въ 30,000 домовъ, или, считая по семи человекъ на домъ, въ 210,000 душъ. И пройдя страну, цифра эта кажется мнѣ вполне соответствующею тѣмъ, которые страна можетъ прокормить.

Вслѣдствіе этого многомужіе и буддизмъ, другъ другу пригодные, и оба пригодные потребностямъ страны, въ практическомъ отношеніи являются учрежденіями наиболѣе подходящими для страны, и, благодаря этой причинѣ, они пережили магометанскую пропаганду, развившуюся и процвѣтавшую въ болѣе плодородныхъ странахъ сѣвера и юга.

Учрежденіе многоженства не болѣе какъ широкая политика; будь она введена въ странѣ, она произвела бы сильную борьбу чисто за

существованіе; явились бы безконечныя формы внутренняго насилія и безпорядковъ, чтобы удержать жизнь въ сносныхъ границахъ.

Теперь же, при существующихъ учрежденіяхъ, населеніе находится не только въ границахъ, могущихъ поддержать жизнь въ странѣ, но и можетъ жить мирной, счастливой, благополучной общиною, среди которой преступленіе является рѣдкостью, а тяжбы доходятъ до *мінімума*. При подобномъ положеніи дѣлъ мы можемъ простить безвредное суевѣріе народа и мирно взглянуть на недостатокъ ихъ священниковъ.

Мы оставили пустынный и мрачный Ламмаюру на слѣдующее утро и продолжали путь свой. Небо было туманно и покрыто свинцоваго цвѣта слоемъ тучъ, заслонявшихъ мрачныя вершины горъ; оно усиливало мрачныя тѣни глубокаго горнаго ущелья, чрезъ которое мы двинулись вѣкъ лагеремъ, и на время представляло намъ страну въ самомъ печальномъ и меланхолическомъ видѣ.

Напъ путь велъ между холмами, изъ хорошей глины, въ глубокое, темное, извилистое ущелье, подъ одинокими каменными столбами, стоявшими подобно сторожамъ на вершинахъ крутыхъ горъ, и которые своими слоистыми верхушками, наклоненными прямою параллелью къ откосу горы, на которой стояли, служили доказательствомъ какъ сильно истощена вокругъ нихъ почва.

Мѣстами путь напъ пересѣкался съ одного края до другаго тоненькимъ ручейкомъ, окаймленнымъ бѣлокоштыникомъ, лютикомъ и другими растеніями, любящими влажную почву, и велъ насъ между утесами, потомъ, то переходилъ по крутымъ горамъ изъ разсыпавшагося и перетрескавшагося аспида маленькой мягкой, петвердой тропинкой около края ужасныхъ пропастей, то поднимался на страшную высоту, приводилъ наконецъ къ краю оврага, гдѣ соединялся съ ущельемъ, чрезъ который протекалъ свѣтлый, голубой потокъ, спускавшійся съ Занскарскихъ горъ съ правой стороны. Мы спустились по этому извилистому ущелью по хорошо устроенной дорогѣ вдоль берега рѣки поперегъ скалистыхъ горъ и утесовъ, образующихъ ихъ, и, перейдя черезъ рѣку раза три по мосту изъ брусевъ, вошли въ болѣе обширную долину Инда, тутъ называющуюся Сингхе Кхобабъ, на противоположномъ краю которой видѣлась высокая дорога изъ Ладава въ Искардо и Жильягъ. Тутъ проводникъ мой, указывая на песчаные и каменные скаты Занскарскаго потока, гдѣ онъ соединяется съ Индомъ, сообщилъ мнѣ, что населеніе Искардо имѣеть

обыкновеніе приходитъ каждую весну на поиски за золотомъ, принесеннымъ первымъ таяніемъ зимняго снѣга.

Идѣ бѣжать тутъ между покатыми берегами изъ конгломерата и гравія, между которыми попадаются массы закругленнаго гранита; куски гранита, одинаковаго строенія съ громадными валунами того же утеса, размѣташнаго по нашему пути у подножія сланцевыхъ и аспидныхъ горъ, окружающихъ долину со всѣхъ сторонъ. Воды рѣки представляютъ шумный и быстрый потокъ, съ шумомъ несущійся по камнямъ, завалившимъ его путь.

За милю или больше отъ Кхамп, мы перешли черезъ рѣку по мосту изъ брусевъ, перекинутому черезъ провалъ въ твердомъ голубомъ аспидѣ, по которому она тутъ течетъ, и, миновавъ маленькій фортъ, находящійся на самомъ краю скалы, добрались до высокой дороги въ Искардо, часто называемый Скардо. На противоположномъ берегу идетъ такой же широкій путь по твердой, каменной почвѣ, усѣянной круглыми кусками гранита, и образуетъ полосу земли между рѣкой и пограничными горами сланцевого и аспиднаго наложенія.

У входа въ деревню находятся нѣсколько *мане* и *чортеновъ*; изъ послѣднихъ многіе видны у опушки деревни. Все это памятники надъ хранилищами пепла усопшихъ ламъ и свѣтскихъ знатныхъ буддистовъ; могилы устроены вокругъ деревни для того, чтобы души покойниковъ могли всегда принимать участіе въ происшествіяхъ своей земной жизни, и охранять пространство своего прежняго жительствова прямою сообщеніемъ съ богами. На нашемъ дальнѣйшемъ пути по странѣ мы видѣли, что подобныя памятники буддистской религіи очень обыкновенны. Они выстроены по дорогамъ, ведущимъ въ деревни, или на поляхъ вокругъ деревень.

При входѣ въ Кхалзи, отрядъ нашъ былъ принятъ почти всѣми жителями, собравшимися на дорогѣ отдѣльными группами — мужчинъ и женщинъ. Ими предводительствовалъ лама, озабоченно вертѣвшій четками, которые держалъ въ рукахъ, и при нашемъ приближеніи всѣ они низко поклонились и привѣтствовали насъ обычнымъ *дзо-дзо*, согласно ботскому обычаю. Посланникъ поклонился въ знакъ признательности, и отрядъ нашъ двинулся, оставивъ дружелюбную толпу, любующуюся на сопровождавшую насъ кавалькаду.

Эту деревню, по орографіи вышеупомянутаго автора, я указалъ ранѣе подъ именемъ *Кала-Шіа*, какъ зимнюю квартиру яркандской

арміи, когда она возвращалась послѣ неудачной попытки напасть въ XVI столѣтіи на священный притонъ буддистской вѣры. Самый фортъ — теперь двѣ довольно замѣтныя развалины. Остатки его видны около мили за рѣкою и глубокимъ оврагомъ, находящимся между деревней и развалинами, торчащими на одинокой скалѣ, господствующей надъ проходомъ, у узкаго изгиба рѣки. Бготы называютъ его Бало-Кхара, и говорятъ, что онъ былъ раззоренъ лѣтъ тридцать тому назадъ Зораваромъ Сингомъ, сейскимъ генераломъ, побѣдившимъ эту страну для магараджи Гулаба Синга. А настоящей маленькій фортъ, господствующій надъ мостомъ Кхалзи былъ выстроенъ вмѣсто него Диваномъ Хира - Сингомъ, первымъ губернаторомъ присоединенной провинціи. За развалинами города на протяженіи нѣсколькихъ миль дорога идетъ по неровной почвѣ, засоренной разнаго рода обломками скалъ, разныхъ цвѣтовъ и породъ, сватывающихся съ горъ въ самое русло рѣки. Тутъ попадаетъ и зеленый гнейсъ, нестрый камень пуддингъ, и черная лава, смѣшанная съ массою голубоватаго извѣстняка, щепельно-сѣраго славца, и булыжнаго конгломерата. Послѣ этого дорога снова идетъ по песчаному берегу, покрытому гранитными валунами, въ родѣ валуновъ, попадавшихся въ Кхалзи. Въ этомъ мѣстѣ холма, занимающаго поворотъ рѣки, находится деревня Снурулла, съ ея орѣховыми деревьями, абрикосовыми садами и хлѣбными полями. Расстояніе отъ нее до Ламмаюры восемнадцать миль.

Мы стали лагеремъ на поляхъ между деревней и берегомъ рѣки, и простояли слѣдующій день изъ за погоды. Постоянный накрапывающій дождь начался вскорѣ послѣ нашего прибытія, и продолжался, съ небольшими промежутками, до слѣдующаго вечера; между тѣмъ, когда мы отправлялись, темныя тучи образовывали кругомъ, точно непроницаемый вѣнецъ, закрывавшій отъ нашихъ взоровъ все, на разстояніи нѣсколькихъ сотъ ярдовъ. Эта сырая погода, хотя и неприятная, и мрачная, оказалась полезною и поучительною, и указала намъ одинъ мѣстный физическій феноменъ, который иначе могъ бы остаться для насъ не разъясненнымъ. Во время дождя мы увидали ту опасность, которой подвергается путешественникъ въ этой странѣ; дождь объяснилъ намъ то, что мы видѣли во время пути, не понимая истинной причины и научилъ какъ избѣгнуть опасности, важнымъ образомъ горы постепенно раздробляются, и почему всюду здѣсь попадаются громадныя обломки скалъ.